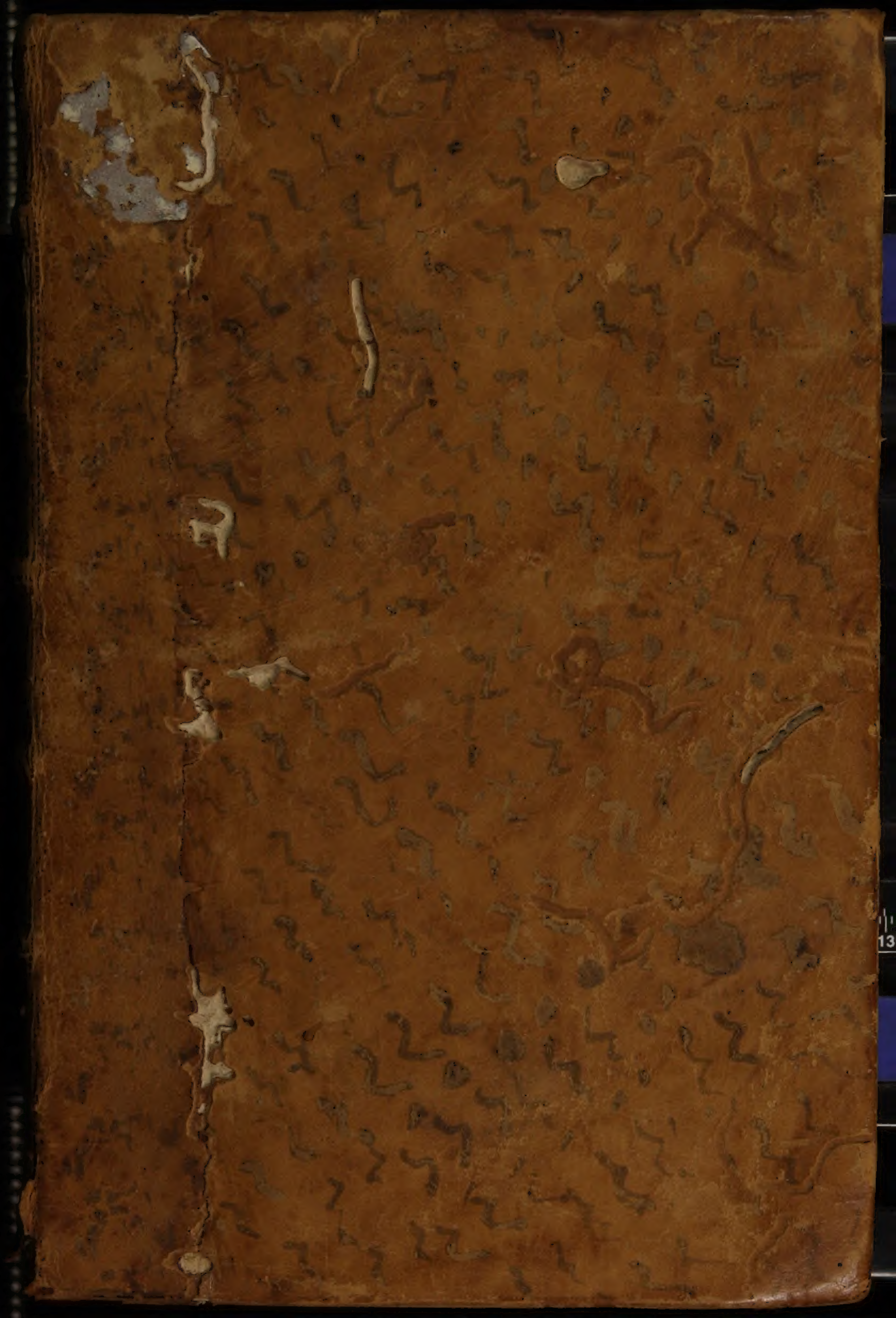
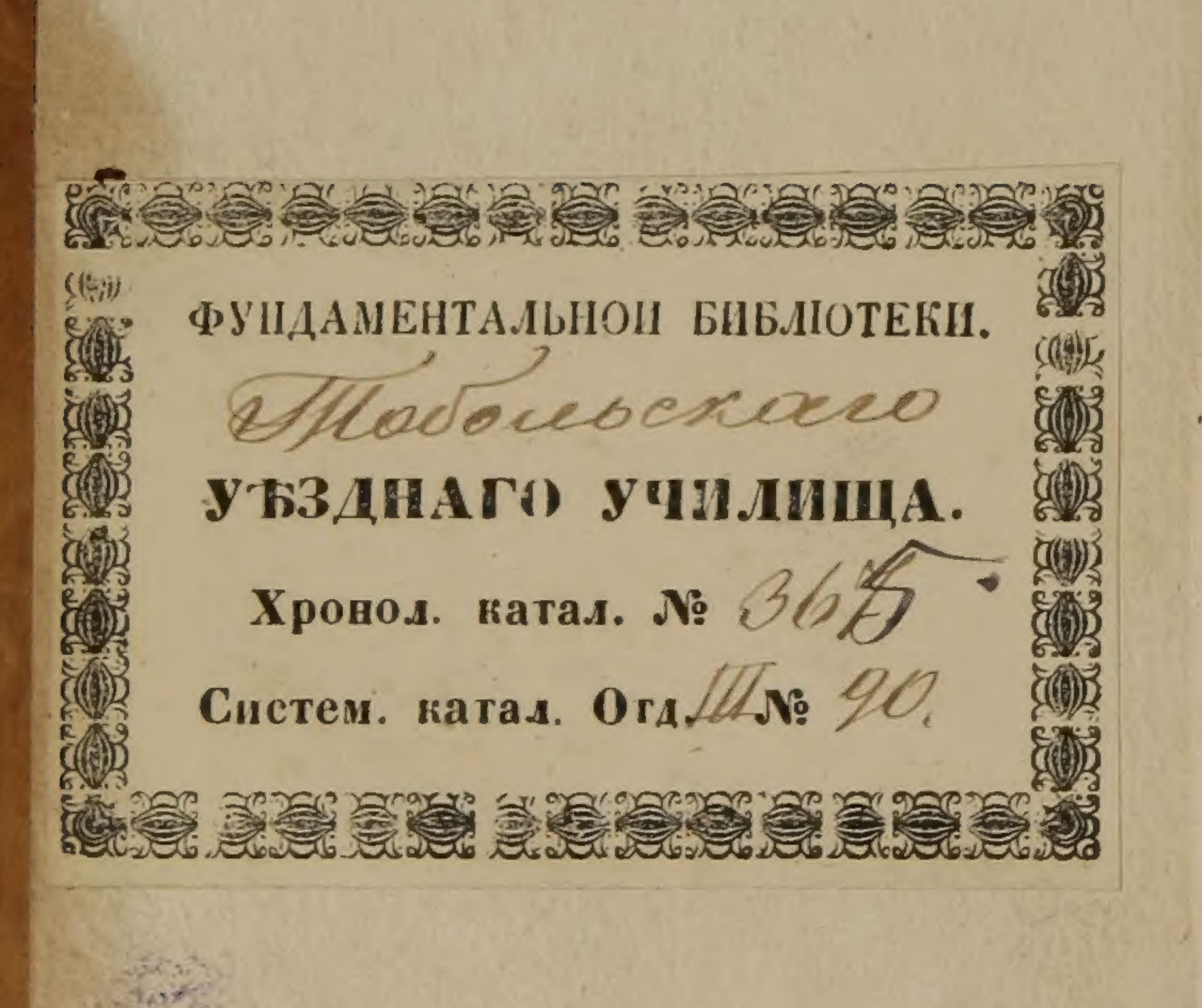

БИБЛІОТЕКА

УЧЕНАЯ, ЕКОНОМИЧЕСКАЯ, НРАВОУЧИТЕЛЬНАЯ, ИСТОРИЧЕСКАЯ И УВЕСЕЛИТЕЛЬНАЯ,

ВЪ ПОЛЬЗУ
И
УДОВОЛЬСТВІЕ
Всякаго званія Читателей.

ЧАСТЬ IV.

Печатано съ указнаго дозволенія
ВЪ ТОБОЛЬСКѢ,
Въ Типографіи у В. Корнильева.
1793 ГОДА.

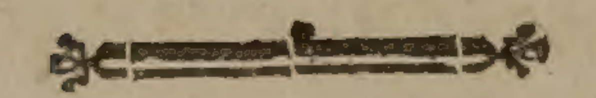
ОБЪЯВЛЕНІЕ

ПОЧТЕННѢЙШЕЙ ПУБЛИКѢ.

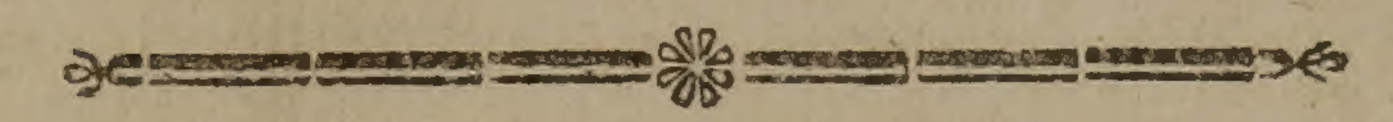
Хотя въ прошломъ 1792 году въ объявленіи о сей книгѣ, напечатанномъ при Московскихъ и Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ, и было сказано, что подписка на нее продолжится только до Генваря сего года; но какъ въ теченіи осми мѣсяцовъ малое только число особъ на оную подписалися, имѣя небезъосновательную причину не довѣрять не извѣстному Издателю въ выполненіи его обѣщанія; то, дабы не подать поводу къ подозрѣнію, что желаютъ употребить во зло довѣренность Почтенной Публики, чрезъ сіе объявляется, что подписка на сію книгу продолжится во весь наступившій годъ по прежде-назначенной цѣнѣ, то есть: въ Тобольскѣ десять рублей, а въ другихъ городахъ съ пересылкою по почтѣ пятнадцать рублей.

Господа любители учености приглашаются обогащать сію книгу своими твореніями, или переводами, какого бы они роду не были, въ стихахъ и прозѣ, кои съ великою благодарностію будутъ помѣщены въ сіе изданіе.

П. С.

СТАТЬЯ УЧЕНАЯ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ПОВѢСТВОВАНІЯ

О

ПРОИЗХОЖДЕНІИ ХУДОЖЕСТВЪ.

ХУДОЖЕСТВО ПИСАНІЯ.

После художествъ, нами упомянутыхъ, полезнѣйшее есть *писаніе*. Посредствомъ онаго разговариваемъ мы съ отсутствующими, пользуемся наставленіями умершихъ, и не выходя изъ домовъ своихъ, мы можемъ въ одно время и во множествѣ разныхъ мѣстъ дать знать наши мысли.

Общее мнѣніе есть то, что писаніе изобрѣтено *Финикіянами*, кои замѣтивъ, что для сообщенія мыслей нашихъ, употребляемъ мы только пять коренныхъ звуковъ, выражаемыхъ пятью гласными, А, Е, І, О, У, образованныхъ двадцатью тремя, или двадцатью четырмя разными манерами, изобрѣли знаки, удобные изъ явить сіи различные звуки, и проводить чрезъ глаза мысли наши въ умъ нашихъ читателей.

До изобрѣтенія сего художества, употреблялися вмѣсто онаго Символическія, или Іероглифическія начертанія, каковы нынѣ еще употребляютъ въ девизахъ. Такимъ образомъ, для изъясненія, что должно удалиться поспѣшно при приближеніи разлитія рѣки Нила, во всѣхъ Египетскихъ городахъ выставляемо было изображеніе лающей собаки съ крыльями на ногахъ. Симъто, или подобными сему начертаніями, по нѣкоторомъ времени напи-

саны были всѣ ихъ законы на народныхъ площадяхъ. Таково было первое употребленіе сихъ странныхъ изображеній, кои учинилися потомъ предметомъ общенароднаго поклоненія, когда значеніе оныхъ истребилося изъ памяти. Отъ сего произошли тѣ баснословныя повѣсти и всѣ сіи лживыя божества, изобрѣтенныя стихотворцами, для истолкованія сихъ Символическихъ фигуръ, коихъ истинное значеніе было имъ неизвѣстно.

По изобрѣтеніи художества писанія письмена начертывалися на коркѣ нѣкоего растѣнія, находящагося въ болотахъ нижняго Египта. Сіе растѣніе называется Папиръ. Но намъ осталося только одно наименованіе его. По томъ начали такъ же писать на второй коркѣ деревьевъ: сей образъ писанія въ Китайскомъ государствѣ и по нынѣ еще соблюдается. За симъ стали употреблять тонкія таблички, воскомъ

натертыя. Орудіе, употребляемое для писанія на сихъ табличкахъ, называлося *Стиль*: сіе слово перемѣнило значеніе, и означаетъ нынѣ слогъ. Наконецъ Евмедъ, Царь Пергамскіи, велѣлъ переписать множество книгъ на кожахъ, хорошо выдѣланныхъ, кои еще и по нынѣ называются *Пергаминомъ*. Бумагою же, нынѣ нами употребляемою, обязаны мы Арабамъ. Употребленіе сей бумаги ввелося сначала въ Германію, около третьяго-надесять и четвертаго-надесять столѣтій, а оттолѣ перешло во всѣ части Европы.

Мы приведемъ здѣсь нѣкоторыя подробности, до дѣланія бумаги принадлежащія.

Начинаютъ тѣмъ, что соберутъ множество толстыхъ и тонкихъ тряпицъ; изъ тонкихъ дѣлается тонкая, а изъ толстыхъ толстая бумага. Сіи тряпки положатъ мѣсяца на два въ гноильню. По томъ, вынувъ ихъ изъ чановъ, въ

коихъ дѣйствіемъ воды они довольно размокнутъ, кладутъ ихъ въ толчею, которая есть большая ступа, гдѣ они раздираются, и разбиваются поперемѣннымъ движеніемъ многихъ тяжелыхъ пестовъ съ желѣзными острыми гвоздями.

Когда тѣсто сіе такимъ образомъ разобьется; то перекладываютъ его въ другую толчею, и такъ во многія другія, въ коихъ толкутъ его до тѣхъ поръ, пока оно сдѣлается совершеннымъ тѣстомъ безъ всякихъ волоконъ и кусковъ. Потомъ, когда сіе тѣсто приведутъ въ совершенство, и разравняютъ или пестомъ, или катаніемъ по оному валовъ; то положатъ его къ сторонѣ для употребленія въ случаѣ надобности.

Когда хотятъ употреблять сіе тѣсто; то еще въ послѣдній разъ, для лучшей доброты, бьютъ его деревянными лопатами. Послѣ чего кладутъ его въ чаны въ чистую и

теплую воду, гдѣ мѣшаютъ его сильно время отъ времени, дабы вода развела равно сіе вещество. Тогда остается только накладывать сего тѣста въ формы.

Форма, въ которой дѣлаются бумажныя листы, есть деревянная рамка, величиною въ обыкновенный бумажный листъ. Сія рамка закрыта совершенно проволокою, натянутою, и плотно другъ съ другомъ сложенною, и раздѣленная на ровныя части проволокою же, но нѣсколько потолщѣ; работникъ спускаетъ сію форму въ чанъ, гдѣ тѣсто, и вынимаетъ ея, зачерпнувъ онаго, коего лишекъ вытекаетъ въ ту же минуту въ скважины, между проволокою находящіяся, но остается его довольное количество, котором остатокъ работникъ разравниваетъ на формѣ, потряхивая оную полегоньку съ правой руки къ лѣвой, и въ задъ и въ передъ. Чрезъ сіе движеніе, части сего тѣста по-

гружаются по причинѣ ихъ жидкости, и дѣлаются равны: такъ, какъ поверхность воды всегда по той же причинѣ бываетъ совершенно горизонтально; части его сцѣпляются, опускаются въ низъ, высыхаютъ, и сдѣлавшись твердыми, составляютъ листъ бумаги: тогда работникъ сбрасываетъ его на нарочно постланной для того войлокъ. Его покрываютъ такимъ же войлокомъ: и такъ, наклавъ большое количество листовъ, кладутъ ихъ въ тиски, для извлеченія изъ нихъ сырости. По томъ снимаютъ листья, и разстилаютъ ихъ на большой доскѣ, гдѣ воздухъ укрѣпляетъ ихъ еще болѣе, придавъ имъ большую степень сухости. Потомъ кладутъ ихъ опять въ тиски, откуда вынувъ, обмакиваютъ въ клѣй. Послѣ сего опять кладутъ въ тиски, кои заставляютъ сей клѣй, войти въ поры тряпки, а лишній вытечетъ вонъ. Наконецъ, высуша бумагу,

лощатъ ея камнемъ, натертымъ не много бараньимъ жиромъ, перегибаютъ по полямъ, и собираютъ въ дѣсти и стопы.

Искусство книгопечатанія найдено не прежде пятаго-надесять столѣтія. Однако же кажется, что ни чего не было легче, какъ выдумать оное Египтянамъ, Грекамъ и Римлянамъ, послѣ того, какъ они нашли искусство вырѣзывать письмена на камняхъ и на металлахъ; но неудобство и затрудненіе дѣлать доски, и безполезность сихъ досокъ, когда оныя однажды употреблены будутъ, отвращали отъ сего работниковъ. И уже не прежде, какъ въ началѣ XV столѣтія, одинъ Нѣмецъ вздумалъ отдѣлять письмена, каждое особо, соединять ихъ, перемѣнять, и слѣдовательно, нашелъ способъ употреблять ихъ на печатаніе всякихъ книгъ.

Вотъ краткая повѣсть о изобрѣтеніи сего художества: Іоганнъ

Гутенбергъ, уроженецъ Майнцской, около 1440 года, первый получилъ мысли о семъ художествѣ. Онъ истратилъ на то все свое имѣніе; но безъ успѣха: по томъ, сообщился для сего съ Іоганномъ Фаустомъ, богатымъ того же города жителемъ, и съ Петромъ Шеферомъ, Гернсгеймскимъ уроженцомъ. Первые опыты печатанія дѣлали они на деревянныхъ доскахъ такимъ же образомъ, какъ-то прежде чинилося въ Японіи и въ Китаѣ. Но сей образъ печатанія былъ весьма неудобенъ и невыгоденъ. Іоаннъ Фаустъ выдумалъ печатать отдѣленными буквами, кои бы можно было по произволенію собирать, разнимать, и употреблять на разные листы одной книги, и по томъ на новыя сочиненія. Буквы прежде сдѣлали они изъ дерева, по томъ изъ разныхъ металловъ; но всѣ онѣ были грубы, безобразны и непрочны, пока наконецъ Шеферъ достигнулъ до совершенства

буквЪ, посредствомЪ надлежащаго смѣшенія металловЪ, мѣди, свинца и антимоніи. Первый плодЪ сего открытія есть прекрасная Библія безЪ числа, но напечатанная между 1450 и 1455 годами, коея нѣсколько екземпляровЪ привезены были ФаустомЪ вЪ Парижь, гдѣ и по нынѣ хранятся. ГутембергЪ отсталЪ отЪ сего общества вЪ 1455 году. ОнЪ жилЪ послѣ сего то вЪ Стразбургѣ, то вЪ Гарлемѣ; по томЪ пріѣхалЪ опять вЪ МайнцЪ, гдѣ и умерЪ вЪ 1468 году. Учрежденіе имЪ Типографіи вЪ Стразбургѣ, гдѣ онЪ работалЪ сЪ ІоганномЪ МентеломЪ, и вЪ Гарлемѣ, гдѣ трудился онЪ по видимому сЪ ЛаврентіемЪ Костеромъ, подало поводЪ думать, что начало Типографіи должно быть вЪ одномЪ изЪ двухЪ упомянутыхЪ городовЪ.

Первыя Типографіи принадлежали ученымЪ только людямЪ перьваго класса, каковы были, Манусій,

Плантичъ, и проч: по томъ наступили Жансонъ, Колинъ, Васкозанъ, Патиссонъ, Грифъ, Морель, Витре, Нивель, Крамоази и проч. Всѣ сіи знаменитые Типографщики были учнѣйшіе люди своего времени, кои сами сочиняли и тѣмъ занимали свои Типографіи.

Въ Типографіи находятся два рода работниковъ. Одни тѣ, кои вынимаютъ изъ ящиковъ буквы, для составленія изъ нихъ словъ, строкъ и страницъ. Сіи называются *наборщики*. Другіе же суть тѣ, кои, натерѣвъ чернилами набранной листъ, кладутъ на него бѣлую бумагу, на которой и выходятъ набранныя слова.

О ДѢЛАНІИ СТЕКЛА.

Плиній повѣствуетъ въ своей Натуральной Исторіи, что нѣкоторые Финикіянскіе купцы, проѣзжая мимо горы, Белусъ называемой, остановилися обѣдать у берега одной

рѣки; что не нашедъ камня, на что поставить свой котелъ, употребили они вмѣсто его большой кусокъ селитры, которую везли съ собою; что селитра, дѣйствiемъ огня растопившись, и смѣшавшись съ золою, произвела ту прозрачную матерiю стекла, которая долженствовала быть весьма груба; но сего довольно было, дабы подать мысли, усовершенствовать сiе изобрѣтенiе.

Хотя въ Египтѣ и найдено было искусство, дѣлать стекло, и придавать ему различные виды, надувая его въ разныя формы; но употребленiе его было долгое время весьма рѣдко. За неимѣнiемъ стекла, Восточные народы, употребляли рѣшоточки или занавѣсы. Римляне закрывали отверстiе домовъ своихъ прозрачнымъ камнемъ, изъ котораго они дѣлали тонкiя дощечки, и называли сей камень *Лаписъ Спекулярисъ*. Въ сѣверныхъ странахъ употребленiе стекла учинилося въ послѣдствiи

весьма обыкновеннымъ, по причинѣ стужи, тамъ царствующей.

Матеріи, изъ коихъ дѣлаютъ стекло, главныя суть двухъ родовъ: однѣ *соляныя*, и слѣдовательно *плавкія*, а другія *земляныя*. Сіи матеріи не могутъ произвести стекла, каждая особо; но изъ соразмѣрнаго ихъ смѣшенія, и съ помощію сильнаго огня, дѣлается доброе стекло.

Соляныя матеріи, входящія въ составъ стекла, суть алкалическія соли, постоянныя и очищенныя, какъ то, соль изъ виннаго камня, поташная соль, соль изъ перезженныхъ винныхъ дрождей, соль изъ травы Зоды, и соль, извлекаемая изъ пепла новаго дерева. Но въ составъ прекраснаго бѣлаго стекла, называемаго хрусталемъ, примѣшиваютъ нѣкоторое количество свинцовой извести, какова напримѣръ, Миніумъ, Литаргирумъ, свинцовыя бѣлилы и Массикотъ, или желтый сурикъ.

Земляныя матеріи, употребляемыя на дѣланіе стекла, суть кремни, или голыши, горный хрусталь и пѣски, по тому, что всѣ сіи матеріи суть плавки; къ нимъ прибавляютъ матеріи, удобныя претворяться въ известь, какъ то, мѣлъ живая и гашеная известь на воздухѣ и проч. Простое стекло дѣлается изъ нещелоченнаго поташу, изъ пѣску и изъ подзолковъ.

Вотъ какимъ образомъ происходитъ порядокъ на стекляныхъ фабрикахъ. Матеріи, выходящія въ составъ стекла пережигаются цѣлыя сутки, въ нарочно для того складенныхъ пѣчахъ.

Пережженная такимъ образомъ матерія, кладется въ плавильной горшокъ. Тогда разводятъ въ пѣчи сильной огонь, и продолжаютъ оной безпрестанно 12 или 15 часовъ, до тѣхъ поръ, пока стекло хорошенько растопится. Тогда снимаютъ съ растопленой матеріи пѣну, дабы

отдѣлить соли, не претворившіяся въ стекло.

Когда стекло придетъ въ то состояніе, что можно изъ него дѣлать бутылки; то работникъ обмакиваетъ въ него родъ ружейнаго ствола, или желѣзную трубку. Онъ вынимаетъ оттуда небольшую часть стекла, и повторяетъ, пока наберетъ довольное количество. Послѣ сего другой работникъ беретъ сію желѣзную трубку, и повертя ее нѣсколько, погружаетъ въ желѣзную форму, гдѣ вертитъ ея, и въ то же время дуетъ въ трубку. Бутылка приметъ видъ сея формы. По учиненіи нѣкоторыхъ иныхъ дѣйствій, для сдѣланія дна и горла бутылки, относятъ сію бутылку въ пѣчь, дабы закалить ея.

Сначала употребляли стеклы на окошки и проч. но послѣ выдумали дѣлать изъ нихъ зеркала. И первый опытъ тому учиненъ былъ въ Венеціи. Способъ дѣлать оныя весьма

простъ: возмутъ Зоды и весьма бѣлаго пѣску, котоюыя приготовятъ съ большимъ раченіемъ, нежели для дѣланія простаго стекла. Растопленную стеклявую матерію выливаютъ на мѣдной столъ, на которомъ разравниваютъ ея, катая по ней бронзовой цилиндръ, или надуваютъ сію матерію, какъ рабята поступаютъ съ пузырями мыльными. Сей пузырь прокалываютъ съ двухъ концовъ, по томъ разстилаютъ, разрѣзавъ вдоль.

Весь трудъ зеркальщиковъ состоитъ въ томъ, чтобъ навести на нихъ съ одной стороны олово, со ртутью смѣшанное.

Зажигательныя зеркала суть вогнутые, кои такъ устроены, что собирающіяся въ нихъ лучи солнечные въ нѣкоторомъ разстояніи пересѣкаются, и соединяются въ одной точкѣ, называемой фокусомъ. Самое величайшее изъ таковыхъ зеркалъ находится въ Парижской обсер-

ватооіи. ВЪ немЪ 160 фунтовЪ вѣсу, и ни одинЪ металлЪ не можетЪ противиться силѣ его фокуса.

МикроскопЪ есть выпуклое стекло, коего дѣйствіе состоитЪ вЪ томЪ, чтобЪ увеличивать предметы.

Часовое стекло снаружи выпукло, а внутри вогнуто.

Зрительными трубами обязаны мы случаю. ІяковЪ Мекій, ГолланецЪ, дѣлая вЪ 1609 году зажигательныя стекла, вздумалЪ посмотрѣть сквозь двухЪ изЪ сихЪ стеколЪ, и сЪ удивленіемЪ увидѣлЪ, что предметы чрезвычайно приближалися и увеличивалися. ОнЪ сообщилЪ свое открытіе нѣкоторымЪ особамЪ, кои только что привели вЪ совершенство оное, вставивЪ стеклы вЪ трубки. Сему-то орудію одолжены мы величайшими и важнѣйшими успѣхами, учиненными вЪ теченіе вѣка вЪ Звѣздословіи.

О глиняной посудѣ.

Глиняною посудою называются всякія мѣлкія подѣлки, изъ обозженной глины дѣлаемыя. Глина, употребляемая горшечниками, есть обыкновенная, такъ называемая горшечная глина: предпочтительно употребляютъ на сіе дѣло ту, которая не такъ пѣсковата; но ее мочатъ, и моютъ въ водѣ, для дѣланія фаянсовой посуды и фарфору. Колесо и станокъ суть однѣ машины, употребляемыя горшечниками, для обдѣланія ихъ посуды.

Начало сего художества должно присоединять къ изобрѣтенію станка, приписываемому Ѳеодору Самосскому. Фидій, славный рѣзчикъ, употреблялъ сію машину на деревянныя издѣлія, а Поликлетъ привелъ ея въ совершенство.

Лучшія работы, о коихъ древніе упоминаютъ, суть тѣ, кои дѣлали Тосканцы при началѣ Римской

Имперіи. Римляне столько уважали сію работу, даже во времена Августовы, что предпочитали оную златымъ и серебренымъ сосудомъ.

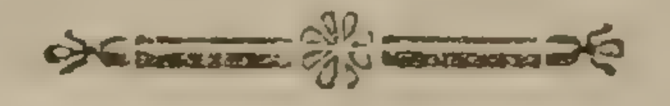
Сіе художество послѣ упадка своего начало опять возвышаться въ срединѣ IV столѣтія. Тогда въ Фаяанскѣ, одномъ Италіянскомъ городѣ, сдѣлали сіи сосуды еще болѣе славныя тѣми разрисовками, коими снабжалъ ихъ славный Мишель Анджело, величайшій живописецъ въ Италіи, нежели яркостію красокъ. Отъ сего то города получила она свое имя. Финифть, которою покрывается посуда, дѣлаемая въ Неверѣ, въ Руанѣ и въ Севѣ, столь хороша, что почти не уступаетъ и Китайской. Лакъ, коимъ покрываютъ Китайскую посуду, кажется слитъ съ самою матеріею. Земля, на то употребляемая, прозрачна и чрезвычайно легка.

Для покрыванія лакомъ посуды, или тою финифтью, которую мы на ней видимъ, употребляютъ пе-

резженную свинцовую руду, или Литаргаріумъ, или Миніумъ; художники избираютъ изъ сихъ веществъ то, которое дешевлѣе, удобнѣе имъ и ближе достать. Они растираютъ оное съ водою въ мѣльницахъ, дабы сдѣлать изъ того родъ киселя, которой и накладывается съ небольшимъ количествомъ камеди, чтобъ лучше къ посудѣ пристало.

Сіи разныя свинцовыя приготовленія растапливаются во время обжиганія посуды, и составляютъ на ней тотъ стеклообразной наводъ, называемый лакомъ.

Продолженіе будетъ впредь.

О ВОЛКАНАХЪ, или ОГНЕДЫШУЩИХЪ ГОРАХЪ.

Горящія горы, называемыя Волканами, заключаютъ въ утробѣ своей сѣру,

землянную смолу и прочія вещества, служащія пищею подземному огню, коего дѣйствіе, провосходящее силу пороха и грома, издревлѣ удивляло и устрашало людей, опустошая землю; Волканъ есть пушка чрезвычайной величины, коея жерло имѣетъ иногда болѣе двухъ верстъ пространства: сіе широкое огненное жерло извергаетъ изъ себя пламя и дымъ, рѣки смолы, сѣры и растопленныхъ металловъ, тучи пепла и каменьевъ, иногда же выбрасываетъ на нѣсколько миль разстоянія, цѣлыя, такъ сказать, каменныя горы, и коихъ бы всѣ соединенныя человѣческія силы не могли подвигнуть съ мѣста; возгорѣніе столь ужасно, и количество горящихъ веществъ, разстопленныхъ, перезженныхъ и въ стекло претворенныхъ, выбрасываемыхъ горою, столь велико, что засыпаетъ цѣлые города, лѣса, покрываетъ поля на сто и двести футовъ толщины, и составляетъ иногда

холмы и горы, кои суть нѣчто иное, какъ кучи сихъ веществъ. Дѣйствіе огня столь сильно, сила его, съ которою онъ вырывается, столь велика, что производитъ землетрясенія, волнуетъ море, испровергаетъ горы, истребляетъ города и крѣпчайшія зданія, на весьма даже далекое разстояніе.

Сіи дѣйствія, хотя и весьма естественны, но почиталися чудесами, и хотя можно видѣть дѣйствія огня, довольно подобныя Волканамъ, но въ меньшемъ видѣ; однакожъ большое дѣйствіе онаго, какогобы оно свойства небыло, столько въ самомъ дѣлѣ удивительно, что не должно казаться страннымъ, что нѣкоторые писатели почитали сіи горы отдушинами средоточнаго огня, а простой народъ за жерло самаго ада. Удивленіе раждаетъ страхъ, а страхъ раждаетъ суевѣріе; жители Исландіи думаютъ, что ревъ, ихъ Волкановъ, есть ни

что иное, какъ вопль мучащихся во адѣ, а изверженія онаго суть дѣйствія отчаянія и ярости сихъ нещастливцовъ.

Однако же все сіе есть ничто иное, какъ шумъ, производящій отъ огня и дыма: когда въ какой ни будь горѣ находятся жилы сѣры, земляной смолы, и иныхъ горючихъ веществъ, находятся въ ней также минераллы, калчаданы, кои имѣютъ браженіе, когда коснется до нихъ воздухъ, или сырость, естьли находится ихъ множество вмѣстѣ; то онѣ, возгорѣвшись, производятъ трѣскъ, соразмѣрный количеству возгорѣвшихся матерій, и коего дѣйствія суть слабѣе или сильнѣе по той же соразмѣрности: вотъ что есть Волканъ, для Физика, и онъ удобно можетъ подражать дѣйствію сихъ подземныхъ огней, смѣшавъ вмѣстѣ извѣстное количество сѣры и желѣзныхъ опилковъ, кои зарываютъ въ землю на нѣкоторую глу-

бину, и сдѣлать такимъ образомъ малый Волканъ, коего дѣйствія суть тѣ же, что и большихъ по пропорціи; ибо онъ воспламеняется отъ единаго броженія, бросаетъ землю и камни, коими покрытъ, и производитъ дымъ, пламя и трескъ.

Въ Европѣ находится три славныя Волкана; гора Етна въ Сициліи, гора Гекла въ Исландіи и гора Везувій въ Италіи, близь Неаполя. Гора Етна извергаетъ огонь съ весьма давняго времени; изверженія ея суть весьма сильны, извергаемыя же вещества столь изобильны, что прорывъ оныя до шестидесяти осьми футовъ, нашли подъ ними мраморныя мостовыя и слѣды древняго города, засыпаннаго и погребеннаго подъ сею изверженною матеріею, подобно, какъ городъ Геркуланумъ, или Ираклія, былъ засыпанъ изверженіемъ Везувія.

Гекла выбрасываетъ свое пламя сквозь льдовъ и снѣговъ, земли

всегда мерзлой; но изверженія ея столь же жестоки, какъ и Етны и прочихъ огнедышущихъ южныхъ горъ. Она извергаетъ множество пеплу, пемзы, а иногда даже кипящую воду: на шесть миль отъ сего Волкана нѣтъ способа жить, и весь островъ Исландія весьма изобилуетъ сѣрою.

Гора Везувій, по сказанію историковъ, не всегда горѣла; но началася не прежде, какъ во время седьмаго Консульства Тита Веспасіяна и Флавія Домитіяна: когда вершина сея горы разверзлася; то она начала прежде выбрасывать камни непомѣрной величины, а по томъ огонь, и столь великое пламя, что сожгло два сосѣдніе города, дымъ же былъ столь густъ, что помрачалъ солнце. Плиній, желая разсмотрѣть сей пожаръ вблизи, былъ задушенъ дымомъ.

Верьхи горъ были прежде покрыты и окружены пѣскомъ и землею, кои снесены были по томъ

дождевою водою въ долины; осталось только одни голые камни, составляющіе такъ называемой стержень горы: сей стержень, будучи обнаженъ отъ вершины до подошвы, претерпѣлъ еще много въ послѣдствіи отъ суровостей воздуха. Морозомъ оторвало отъ него большія и малыя части, кои скатилися на низъ: въ то же самое время дѣйствіемъ мороза многіе камни на вершинѣ сея горы разсѣлися, а тѣ, кои составляютъ основаніе сей вершины, будучи отъ того обнаружены, и неподдерживаемые болѣе окружавшею ихъ землею, сдвинуты были съ мѣста, и отдалясь другъ отъ друга, произвели небольшіе промѣжутки; сіе потрясеніе нижнихъ камней не могло произойти, не сообщивъ верьхнимъ большаго движенія, и они разсѣлися, или отдалилися другъ отъ друга. И такъ, въ стержнѣ сея горы сдѣлалося множество малыхъ и большихъ перпендикулярныхъ разсѣлинъ, отъ

самой вершины до основанія нижнихъ камней; дождевая вода проникла во всѣ сіи скважины, и во внутренности горы, отдѣлила всѣ минеральныя частицы и всѣ прочія вещества, кои могли увлещи или развести. Изъ сего составилися калчаданы, сѣра и прочія горючія вещества, и когда по прошествіи многихъ вѣковъ сіи матеріи накопилися большими кучами; то, получивъ броженіе, и загорѣвшися, произвели трескъ и прочія дѣйствія огнедышущихъ горъ. Можетъ быть также, что во внутренности горы находилося великое скопище сихъ минеральныхъ веществъ, уже совсемъ образованныхъ еще прежде, нежели дождевая вода могла туда проникнуть; когда же учинилися въ горѣ разсѣлины, чрезъ кои прошла вода и воздухъ; то сіи матеріи возгорѣлися, и составили Волканъ: поелику ни одно изъ вышеписанныхъ движеній не можетъ произойти на равномъ полѣ, поелику тамъ все

спокойно, и ни что не можетъ съ мѣста на мѣсто передвинуться; то и не удивительно, что нѣтъ на поляхъ ни одного Волкана, и что они всѣ только на однихъ высокихъ горахъ находятся.

Должно думать, что Неаполь построенъ на землѣ утлой и наполненной горючими минераллами, по тому, что Везувій и Солфатара, кажется, имѣютъ подземныя сообщенія; ибо, когда Везувій горитъ, тогда и Солфатара извергаетъ пламя, когда же онъ перестаетъ, то и Солфатара утихаетъ. Неаполь находится, почти, въ равномъ отъ нихъ разстояніи.

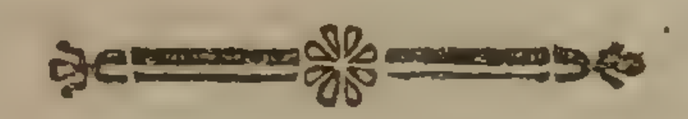
Въ Азіи, а наипаче на островахъ Индѣйскаго океана находится великое число Волкановъ.

Все, даже и Волканы, находится на днѣ моря, такъ какъ на поверьхности земли.

Видно также, что сіи морскіе Волканы имѣютъ иногда,

такъ какъ и земные, подземныя сообщенія.

Взято изъ Бюффона.

О РАДУГѢ.

Прекраснѣйшее изъ воздушныхъ явленій есть радуга. Столь красивый ея видъ, по причинѣ совершенной ея круглости, веселость, живость, и столь правильное распредѣленіе ея цвѣтовъ, грунтъ, на коемъ она показывается, которой есть всегда мрачная туча, придающая ей еще болѣе яркости, незапное ея появленіе, противоположеніе ея солнцу, и множество удивительныхъ игръ Оптики и Перспективы, примѣчаемыхъ нами въ оной, представляютъ намъ столь пріятное зрѣлище, что мы съ сожаленіемъ лишаемся онаго. Всѣ народы въ свѣтѣ удивлялися и любовалися симъ прекраснымъ явленіемъ:

были и такія, кои обожали оную подЪ именемЪ Иоисы, коей приписывали они должность посланницы боговЪ, по нѣкоторому остатку одного древняго преданія.

Радуга есть совершенно кругообразна во всей своей цвѣтной полосѣ, которая есть то, что собственно такЪ называется Иоисою. Сіе явленіе показывается всегда вЪ той части неба, которая совершенно противоположна солнцу; то есть, что дабы ея видѣть; то должно, чтобЪ средоточіе солнца, средоточіе глаза зрителя и средоточіе радуги встрѣтилися всѣ три вЪ одной прямой чертѣ нераздѣльно.

Сія прямая черта, которую назовемЪ мы средоточною, всегда перпендикулярна кЪ плоскости радуги и кЪ солнцу; изЪ чего слѣдуетЪ, что сіи два плана суть всегда паралельны.

Радуга есть полукругЪ, когда центрЪ солнца находится вЪ горизонтѣ, при восхожденіи или захож-

деніи его. Она менѣе полукруга, когда солнце взошло надъ горизонтъ; больше полукруга, когда средоточіе солнца находится подъ горизонтомъ, или когда зритель стоитъ выше онаго, на примѣръ, на вершинѣ высокой горы. Естьли солнце поднимается сверьхъ горизонта на 42 градуса; то не возможно болѣе видѣть радуги.

Изъ чего составлена радуга? — Вспомнимъ, въ какомъ обстоятельствѣ кажется она намъ великолѣпнѣйшею. Когда солнце находится на горизонтѣ, не покрыто облаками, и когда идетъ дождь въ противоположенной части неба; то я вижу тогда внезапу въ сей сторонѣ великій блистающій полукругъ, испещренный множествомъ цвѣтовъ, изъ коихъ каждой составляетъ особый полукругъ, а всѣ вмѣстѣ занимаютъ извѣстную широту, которая всегда ограничена. Вотъ великолѣпная картина; но гдѣ полотно, на

коемъ видны сіи цвѣты? — Древніе Философы согласны въ томъ съ новыми: сіе есть облако, превратившееся въ дождь; то есть, сборище малыхъ круглыхъ водяныхъ каплей, падающихъ съ высоты на землю, и кои, падая, представляютъ поверьхность свою лучамъ солнечнымъ, и получивъ сей свѣтъ, отбрасываютъ его къ намъ, подобно, какъ капли росы, кои видимъ мы по утру разсѣянныя по травѣ, или висящія на древесныхъ листьяхъ. Сія сферическая круглость есть тотъ видъ, которой дождевыя капли должны необходимо принять на воздухѣ по уставамъ природы, и которую должны онѣ сохранить, упадая. Между тѣмъ, какъ онѣ еще столько малы, что могутъ держаться на воздухѣ; то лѣтаютъ по произволу вѣтровъ въ видѣ паровъ. Но лѣтая такимъ образомъ, онѣ необходимо должны встрѣчаться; слѣдовательно, по свойству всѣхъ однородныхъ жидкостей,

они должны слиться многія вмѣстѣ, и тогда, сдѣлавшись тяжелѣ воздуха, упадаютъ въ видѣ дождя. Здѣсь удивленіе мое паки возраждается. Сіи капли упадаютъ отдѣленно одна отъ одной, а мы видимъ ихъ соединенными, какъ будто бы онѣ составляли непрерывное цѣлое. Онѣ упадаютъ на разное отъ глазъ нашихъ разстояніе, однѣ ближе, а другія далѣе; но мы видимъ ихъ, какъ будто на плоской поверхности, равно отъ насъ отдаленными. Онѣ падаютъ надъ радугою и подъ радугою; но мы видимъ ихъ разцвѣченными единственно въ занимаемомъ ею пространствѣ. Онѣ не имѣютъ сами собою ни какого цвѣта, и смотря по тому въ какомъ мѣстѣ сего пространства упадаютъ, одинакія водяныя капли, получаютъ различныя цвѣты, какъ то: иныя красной, другія зеленой, третьи синій и проч. Но какимъ образомъ свѣтъ солнечный принимаетъ въ

сихъ дождевыхъ капляхъ столь много различныхъ цвѣтовъ?

Та же самая капля воды, которая, упадая изъ мрачнаго облака принимаетъ разныя цвѣты, и перемѣняетъ оныя при каждомъ мгновеніи своего паденія; переходитъ отъ краснаго къ желтому, отъ желтаго къ зеленому, отъ зеленаго къ синему, отъ синяго къ фіолетовому, и на конецъ изчезаетъ въ нижней темнотѣ облака; все сіе дѣлается, смотря по различнымъ угламъ, подъ коими мы ихъ видимъ. Я оставляю искуснѣйшимъ Физикамъ толковать сіи превращенія цвѣтовъ, каждому по той системѣ, которая покажется ему вѣроятнѣйшею. Картезій доказалъ двѣ вещи: I. Что, для произведенія цвѣтовъ, видимыхъ нами въ нижнемъ полушаріи водяной капли, лучи солнечные должны упадать сверьхъ большаго горизонтальнаго круга, дабы притти къ глазамъ, съ исподи, послѣ двухъ преломленій и

одного отраженія. Какъ то случается въ радугѣ внутренней. 2. Что для произведенія цвѣтовъ въ верьхнемъ полушаріи капли, солнечные лучи должны упадать подъ большой горизонтальный кругъ, дабы поитти къ глазу съ верьху, учинивъ два преломленія и два отраженія. Сіе бываетъ во внутренней радугѣ.

Радуга кажется неподвижною, естьли мы смотримъ на нея, не сходя съ мѣста; но естьли кто пожелаетъ привести ее въ движеніе; то для сего самъ долженъ быть въ движеніи. Подвигаяся къ ней въ прямой линѣи, увидишь, что она отступаетъ; подаваясь же назадъ, примѣтишь, что и она за тобою слѣдуетъ: сдѣлай нѣсколько шаговъ направо, или налѣво, но будучи всегда спиною къ солнцу усмотришь еще радугу; но уже не ту, которую за минуту предъ тѣмъ видѣлъ. Съ чертою средоточною перемѣняется и

она. Положимъ, что насъ сто зрителей, стоящихъ рядомъ, и разсматривающихъ сіе явленіе: тогда будетъ сто радугъ; но каждый изъ насъ будетъ видѣть только одну, а девяносто девять будутъ намъ невидимы. Но другіе зрители видятъ весьма ясно каждой по одной изъ оныхъ. Желаешь ли вѣдать, подобны ли сіи радуги одна другой? Спроси у каждаго изъ зрителей, чтобъ онъ сдѣлалъ описаніе видимой имъ радуги: то не будетъ ни одной черты лишней въ одной противъ другой; но та же величина, та же широта, тѣ же цвѣты, тотъ же порядокъ распредѣленія ихъ въ цвѣтной полосѣ. Наконецъ, что всего чудеснѣе, одинъ мигъ производитъ радугу, и одинъ же мигъ ея истребляетъ.

Сіе-то можно назвать играми радуги, но играми достойными мудрости Создателя, въ коихъ Онъ не

мѣнѣе обожанія достоинъ, какъ и въ величайшихъ твореніяхъ Его Всемогущества.

НѢКОТОРЫЯ АСТРОНОМИЧЕСКІЯ НАБЛЮДЕНІЯ,

которыя всякой, не знающій Астрономіи, учинить можетъ.

Естьли зрѣлище небесъ, при помощи зрительной трубы, столь много увеселяетъ тѣхъ, кои только простыми глазами оное разсматривали; то какое должно быть ихъ удовольствіе, когда они узнаютъ, что, не будучи отнюдь Астрономами, и не имѣя ни какого свѣдѣнія о сей наукѣ, могутъ они сдѣлаться полезными Астрономамъ и обществу, дѣлая такія наблюденія, кои не требуютъ ни малаго напряженія ума. Сіе состоитъ въ томъ, чтобъ наблюдать прохожденіе Венеры и Меркурія мимо круга Солнечнаго, и ни

чего нѣтъ сего легче и простѣе. Для сего должно только имѣть зрительную трубу съ закопченнымъ, или съ краснымъ, нарочно для сего дѣлаемымъ стекломъ, дабы смотрѣніе на солнце не повредило зрѣнія, и часы съ секундами, исправно поставленные и вѣрные, и щитать время, начиная съ прикосновенія планеты къ кругу Солнечному, то время, въ которое она, погрузяся, пребыла въ ономъ, то, въ которое она прикоснулася, для изшествія къ другому краю, и наконецъ то, въ которое она совершенно изъ него вышла.

Венера не будетъ проходить мимо Солнца прежде 9 Декабря 1874: но Меркурій будетъ проходить въ Маіѣ 1799 года, о чемъ въ свое время въ мѣсяцословахъ будетъ объявлено; гдѣ будетъ назначенъ день и часъ сего явленія.

Для лучшаго уразумѣнія, какимъ образомъ видимо будетъ сіе явленіе, прилагается чертежь.

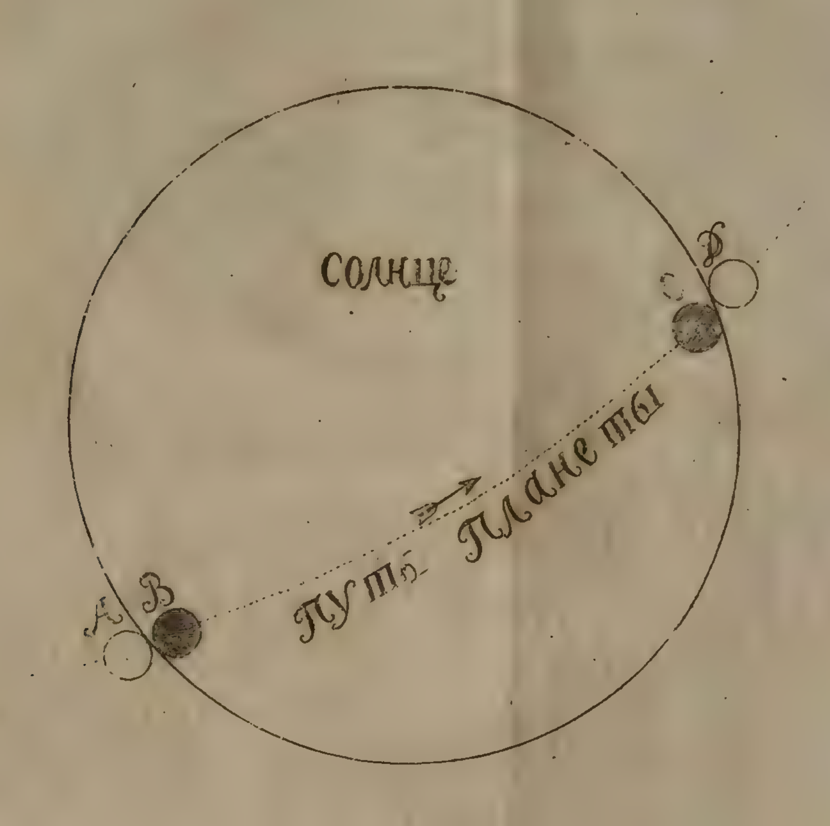
Должно все старанiе употребить, чтобЪ сiе наблюденiе было, сколь возможно, вѣрнѣе; а для сего надлежитЪ, чтобЪ стрѣлки у часовЪ были согласны, и чтобЪ часы были, какЪ можно, вѣрнѣе поставлены. НадлежитЪ также не задолго предЪ наблюденiемЪ поставить ихЪ по вѣрному меридiяну, и тогда, сообщивЪ наблюденiе свое, должно сказать, что назначенныя вЪ семЪ времена, суть *времена истинныя*; ибо не увѣдомивЪ о семЪ, можно произвести ошибку, по тому, что есть другое время, называемое *среднимЪ временемЪ*.

Разность, между сими временами находящаяся, есть слѣдующая: *истинной часЪ, или истинное время*, есть то, которое показывается СолнцемЪ на СолнечныхЪ часахЪ, правильно сдѣланныхЪ; но оно не совершенно равно, по причинѣ неравностей, находящихся вЪ СолнечныхЪ, или вЪ ЗемныхЪ движенiяхЪ. *Время среднее, или часЪ среднiй*, есть то,

котороe показываютЪ хорошie стѣнные, или карманные часы, поставленные по среднему движенiю Солнца, Астрономами опредѣленному. Сiя разность называется *Ексацiя*.— Смотри приложенную при семЪ таблицу.

Прохожденїе планеты мимо солнца

А. Перьвое прикосновенїе. В. совершенное погруженїе. С. второе прикосновенїе. Д. совершенное изхожденїе

ТАБЛИЦА

СРЕДНИХЪ СОЛНЕЧНЫХЪ ЕКВАЦІЙ;

служащія для повѣренія часовъ.

Сія таблица показываетъ, сколько вѣрные часы, и поставленные по среднему движенію солнца, должны быть въ переди, или назади въ разсужденіи меридіяна на каждый день въ году, и разность, долженствующую находиться въ двадцать четыре часа, или отъ одного полдня до другаго. На примѣръ, 1 Генваря, по новому стилю, часы должны быть въ переди 4 ю минутами и 4 ю секундами, потому, что солнце на столько же отстаетъ; 2 числа того же мѣсяца, они должны быть въ переди 4 минуты и 32 секунды противъ солнечныхъ часовъ: слѣдовательно суточная разность будетъ 28 секундъ, что и означено въ сей таблицѣ въ третьемъ столбцѣ. Когда часы должны быть въ переди, или назади; сіе означено во второмъ столбцѣ: *часы въ переди, часы на зади.*

ГЕНВАРЬ.

Дни мѣсяца по новому стилю	Еквацїи. Часы вЪ переди. Минуты.	Секунды.	Суточная разность. Секунды.
1	4	4	29
2	4	32	28
3	5	0	28
4	5	28	23
5	5	55	27
6	6	22	27
7	6	48	26
8	7	14	26
9	7	39	25
10	8	4	25
11	8	29	25
(*) 12	8	52	23
13	9	15	23
14	9	37	22
15	9	59	22
16	10	20	21
17	10	40	20
18	10	59	19
19	11	19	20
20	11	36	17
21	11	54	18
22	12	10	16
23	12	26	16
24	12	40	14
25	12	55	15
26	13	8	13
27	13	21	13
28	13	32	11
29	13	43	11
30	13	53	10
31	14	3	10

(*) Первое число Генваря по старому стилю.

ФЕВРАЛЬ.

Дни мѣсяца по новому стилю	Еквацiи. Часы вЪ переди. Минуты.	Секунды.	Суточная разность. Секунды.
1	14	11	8
2	14	18	7
3	14	25	7
4	14	31	6
5	14	36	5
6	14	41	5
7	14	44	3
8	14	46	2
9	14	48	2
10	14	50	2
11	14	50	0
12	14	49	1
13	14	48	1
14	14	46	2
15	14	43	3
16	14	39	4
17	14	34	5
18	14	29	5
19	14	23	6
20	14	17	6
21	14	11	6
22	14	3	8
23	13	54	9
24	13	45	9
25	13	36	9
26	13	26	10
27	13	15	11
28	13	3	12

МАРТЪ.

Дни мѣсяца по новому стилю	Еквацiи. Часы вЪ переди. Минуты.	Секунды.	Суточная разность. Секунды.
1	12	48	15
2	12	35	13
3	12	22	13
4	12	9	13
5	11	55	14
6	11	41	14
7	11	25	16
8	11	10	15
9	10	55	15
10	10	39	16
11	10	23	16
12	10	6	17
13	9	49	17
14	9	23	17
15	9	14	18
16	8	57	17
17	8	39	18
18	8	20	19
19	8	2	18
20	7	44	18
21	7	26	18
22	7	7	19
23	6	48	19
24	6	29	19
25	6	11	18
26	5	52	19
27	5	33	19
28	5	14	19
29	4	55	19
30	4	36	19
31	4	17	19

АПРѢЛЬ.

Дни мѣсяца по новому стилю	Екваціи. Часы вЪ переди. Минуты.	Секунды.	Суточная разность. Секунды.
1	3	59	18
2	3	40	19
3	3	22	18
4	3	4	18
5	2	46	18
6	2	28	18
7	2	10	18
8	1	52	18
9	1	35	17
10	1	18	17
11	1	2	16
12	-	45	17
13	-	29	16
14	-	13	16
	Часы на зади.		
15	-	3	16
16	-	18	15
17	-	32	14
18	-	47	15
19	1	1	14
20	1	14	13
21	1	27	13
22	1	40	13
23	1	53	13
24	2	5	12
25	2	16	11
26	2	26	10
27	2	37	11
28	2	47	10
29	2	56	9
30	3	5	9

МАЙ.

Дни мѣсяца по новому стилю	Еквацiи. Часы на зади. Минуты.	Секунды.	Суточная разность. Секунды,
1	3	13	8
2	3	21	8
3	3	28	7
4	3	35	7
5	3	40	5
6	3	46	6
7	3	51	5
8	3	56	5
9	3	59	3
10	4	2	3
11	4	5	3
12	4	7	2
13	4	8	1
14	4	9	1
15	4	9	0
16	4	9	0
17	4	8	1
18	4	6	2
19	4	4	4
20	4	1	3
21	3	58	3
22	3	55	3
23	3	51	4
24	3	46	5
25	3	40	6
26	3	35	5
27	3	29	6
28	3	22	7
29	3	15	7
30	3	7	8
31	2	59	8

IЮНЪ.

Дни мѣсяца по новому стилю	Екваціи. Часы на зади. Минуты.	Секунды.	Суточная разность. Секунды.
1	2	50	9
2	2	41	9
3	2	32	9
4	2	22	10
5	2	12	10
6	2	1	11
7	1	50	11
8	1	39	11
9	1	28	11
10	1	16	12
11	1	4	12
12	-	52	12
13	-	40	12
14	-	28	12
15	-	15	13
16	-	2	13
	Часы вЪ переди.		
17	-	10	12
18	-	23	13
19	-	36	13
20	-	49	13
21	1	2	13
22	1	15	13
23	1	28	13
24	1	42	14
25	1	54	12
26	2	7	13
27	2	20	13
28	2	32	12
29	2	44	12
30	2	56	12

ІЮЛЬ.

Дни мѣсяца по новому стилю	Екваціи. Часы въ переди. Минуты.	Секунды.	Суточная разность. Секунды.
1	3	8	12
2	3	20	12
3	3	31	11
4	3	42	11
5	3	53	11
6	4	3	10
7	4	13	10
8	4	23	10
9	4	33	10
10	4	42	9
11	4	50	8
12	4	58	8
13	5	6	8
14	5	13	7
15	5	20	7
16	5	26	6
17	5	31	5
18	5	36	5
19	5	41	5
20	5	45	4
21	5	49	4
22	5	52	3
23	5	54	2
24	5	56	2
25	5	57	1
26	5	58	1
27	5	58	0
28	5	58	0
29	5	57	1
30	5	55	2
31	5	52	3

АВГУСТЪ.

Дни мѣсяца по новому стилю	Еквацїи. Часы въ переди. Минуты.	Секунды.	Суточная разность. Секунды.
1	5	49	3
2	5	46	3
3	5	42	4
4	5	37	5
5	5	32	5
6	5	25	7
7	5	19	6
8	5	12	7
9	5	5	7
10	4	56	9
11	4	47	9
12	4	38	9
13	4	28	10
14	4	18	10
15	4	6	12
16	3	54	12
17	3	42	12
18	3	30	12
19	3	17	13
20	3	3	14
21	2	49	14
22	2	34	15
23	2	19	15
24	2	4	15
25	1	48	16
26	1	31	17
27	1	15	16
28	-	58	17
29	-	40	18
30	-	22	18
31	-	4	18

СЕНТЯБРЬ.

Дни мѣсяца по новому стилю	Екваціи. Часы на зади. Минуты.	Секунды.	Суточная разность. Секунды.
1	-	14	18
2	-	33	19
3	-	52	19
4	1	11	19
5	1	31	20
6	1	51	20
7	2	11	20
8	2	31	20
9	2	51	20
10	3	12	21
11	3	32	20
12	3	53	21
13	4	14	21
14	4	35	21
15	4	56	21
16	5	17	21
17	5	38	21
18	5	59	21
19	6	20	21
20	6	41	21
21	7	2	21
22	7	23	21
23	7	43	20
24	8	4	21
25	8	24	20
26	8	45	21
27	9	4	19
28	9	24	20
29	9	43	19
30	10	3	20

ОКТЯБРЬ.

Дни мѣсяца по новому стилю	Екваціи. Часы на зади. Минуты.	Секунды.	Суточная разность Секунды.
1	10	22	19
2	10	41	19
3	10	-	19
4	11	18	18
5	11	36	18
6	11	53	17
7	12	10	17
8	12	26	16
9	12	42	16
10	12	58	16
11	13	14	16
12	13	28	14
13	13	42	14
14	13	56	14
15	14	10	14
16	14	23	13
17	14	35	12
18	14	46	11
19	14	57	11
20	15	7	10
21	15	17	10
22	15	25	8
23	15	34	9
24	15	42	8
25	15	49	7
26	15	55	6
27	16	0	5
28	16	55	5
29	16	8	3
30	16	11	3
31	16	13	2

НОЯБРЬ.

Дни мѣсяца по новому стилю	Еквацïи. Часы на зади. Минуты.	Секунды.	Суточная разность. Секунды.
1	16	15	2
2	16	15	0
3	16	15	0
4	16	14	1
5	16	13	1
6	16	11	2
7	16	8	3
8	16	3	5
9	15	58	5
10	15	52	6
11	15	46	6
12	15	37	9
13	15	29	8
14	15	20	9
15	15	9	11
16	14	59	10
17	14	47	12
18	14	34	13
19	14	20	14
20	14	6	14
21	13	50	16
22	13	34	16
23	13	18	16
24	13	-	18
25	12	41	19
26	12	23	18
27	12	3	20
28	11	42	21
29	11	20	22
30	10	59	21

ДЕКАБРЬ.

Дни мѣсяца по новому стилю	Еквацїи Часы на зади. Минуты.	Секунды.	Суточная разность. Секунды.
1	10	36	23
2	10	13	23
3	9	48	25
4	9	24	24
5	8	59	25
6	8	34	25
7	8	7	27
8	7	40	27
9	7	14	26
10	6	46	28
11	6	18	28
12	5	50	27
13	5	21	29
14	4	52	29
15	4	23	29
16	3	53	30
17	3	24	29
18	2	54	20
19	2	24	30
20	1	54	30
21	1	24	30
22	-	53	31
23	-	23	30
	Часы	въ переди.	
24	-	7	30
25	-	37	30
26	1	7	30
27	1	37	30
28	2	7	30
29	2	37	30
30	3	6	29
31	3	35	29

НѢЧТО О ЛОГИКѢ.

Вмѣсто того великаго числа правилъ, изъ коихъ обыкновенно въ школахъ преподаваемая Логика составлена, и коихъ большая часть, или безполезны, или запутаны, мнѣ кажется, что слѣдующихъ четырехъ правилъ довольно будетъ желающимъ вести разсудокъ свой къ изысканію истинны.

1. Недолжно ни когда заключительно судить, есть ли такая-то вещь, или нѣтъ ея, не имѣя на то причины, которую бы можно было объяснить и доказать столь ясными доводами, чтобъ разумъ былъ оными естественно убѣжденъ.

2. Опасаясь, дабы не быть увлеченнымъ скоростію ума, или предразсудками, коими мы наполнены, должно обдумать и разсмотрѣть всѣ термины, въ коихъ какая либо причина изложена, и раздѣлить ея на столько частей, сколько можно.

Ибо не возможно, имѣя столь ограниченный умъ, каковъ есть нашъ, хорошо судить о нѣсколько протяженной вещи безъ того, чтобъ не раздѣлить ея по частямъ.

3. Сверьхъ сего, должно учредить порядокъ во всѣхъ мысляхъ, коими предлагаемый предметъ наполненъ. То, что простѣе, общее, удобопонятнѣе, должно предшествовать труднѣйшему; по тому, что ни что столь не помогаетъ, какъ сей порядокъ, для узнанія, не обманываемся ли мы въ какихъ разсужденіяхъ, то есть, преходя отъ одной вещи къ другой постепенно.

4. Наконецъ, должно стараться дѣлать столь полныя изчисленія, чтобъ ни чего не опустить, относящагося къ предлагаемому предмету. Естьли же хотя одну важную вещь позабудешь; то не возможно, чтобъ не было погрѣшности въ предлагаемой вещи.

Но для понятія въ кратчайшихъ словахъ сихъ четырехъ правилъ. должно помнить сіе:

Не судить утвердительно о такой вещи, которая темна, или безъ очевидной ясности.

Раздроблять вещь, о коей разсуждать должно.

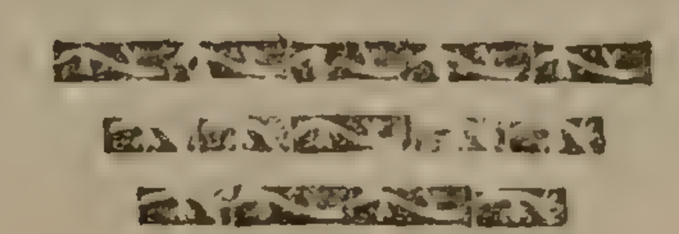
Наблюдать постепенный порядокъ въ мысляхъ.

Дѣлать полныя изчисленія всего, относящагося къ предлагаемому предмету.

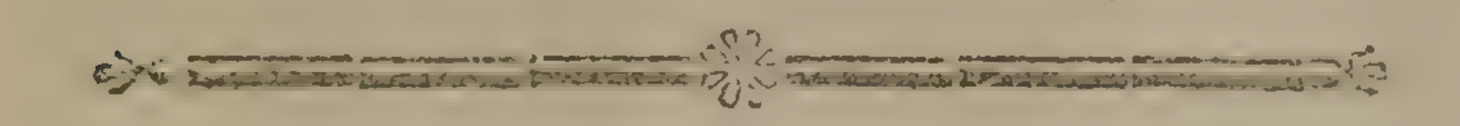
О ДОЛГОТѢ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ.

Г. Варгентейнъ сочинилъ диссертацію о Географической долготѣ, или о способѣ, узнавать, на сколько градусовъ отдалены мы отъ даннаго мѣста на Востокѣ, или на Западѣ. Весьма трудно имѣть неподвижные телескопы на морѣ, для наблюденія

ежедневныхЪ затмѣній Юпитеровыхъ спутниковЪ. Морскіе часы, весьма вѣрные и неподвижные, и весьма легкое наблюденіе часа полуденнаго, суть весьма вѣрный способЪ для сего; по тому, что разность солнечнаго полдня вЪ томЪ мѣстѣ, гдѣ корабль находится, сЪ часомЪ, показываемымЪ часами, покажетЪ разность долготы, находящейся между симЪ мѣстомЪ и тѣмЪ, гдѣ часы были поставлены: но искусство не могло еще изобрѣсти столь вѣрныхЪ морскихЪ часовЪ. Склоненіе компаса не можетЪ служить кЪ сему употребленію; по тому, что по многимЪ новымЪ наблюденіямЪ найдено, что оно до безконечности измѣняется.

СТАТЬЯ ЕКОНОМИЧЕСКАЯ.

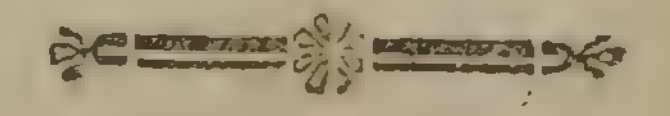

ЛѢКАРСТВА ОТЪ РАЗНЫХЪ БОЛѢЗНЕЙ.

ПРЕВОСХОДНОЕ ЛѢКАРСТВО ОТЪ НОГТОѢДЫ.

Намажь на лоскутокъ кожи доброй слой Неаполитанскаго пластыря, дѣлаемаго изъ равныхъ частей ртути и Венеціянскаго терпентина, и положа на больной палецъ, заверни въ осмеро, или въ девятеро сложенною тряпкою. По прошествіи сутокъ, развяжи палецъ, и намазавъ свѣжаго пластыря на ту же кожу, заверни по прежнему тою же тряпкою. Изобрѣтатель сего лѣкарства выпользовалъ онымъ болѣе пяти сотъ че-

ловѣкъ. Когда приложишь сего пластыря; то боль, мало по малу утишаясь, чрезъ девять или десять часовъ совсемъ сдѣлается не чувствительна, а послѣ второй перевязки матерія ногтоѣды сдѣлается чистою водою. Тогда прокалываютъ нарывъ остріемъ ножницъ, или тому подобнаго, дабы гной вытекъ: тотъ же самой пластырь продолжаютъ прикладывать въ продолженіе осьми или десяти дней, чѣмъ лѣченіе и кончится. Сіе лѣкарство исцѣляетъ всякаго рода ногтоѣды, изъ чего можно заключить, что оно должно производить то же дѣйствіе и надъ чирьями всякаго рода, даже и надъ тѣми, кои бываютъ иногда близъ задняго прохода, и оставляютъ часто по себѣ столь бѣдственныя слѣдствія, какъ-то фистулы и проч.

ЛѢКАРСТВО ОТЪ РАЗНЫХЪ БОЛѢЗНЕЙ, какъ то, отъ скорбутическихъ припадковъ, отъ застарѣлой цынги, отъ нарывовъ въ легкомъ, отъ застарѣлаго кашля, отъ слабости отъ чахотныхъ лихорадокъ, отъ круженій всякаго рода, отъ боли въ желудкѣ, происходящей отъ худаго варенія, отъ в дяной болѣзни, происходящей отъ недостатка крови, отъ каменной болѣзни, отъ сильныхъ мѣсячныхъ женскихъ кровотѣченій, отъ расположенія къ параличу, или къ разслабленію, отъ частыхъ головныхъ болѣзней, и отъ поноса, причиняемаго излишними мокротами и ослабленіемъ отъ того желудка.

Превосходное лѣкарство отъ всѣхъ сихъ болѣзней, суть сосновыя шишки. Въ нихъ содержится бальзамическая смола, производящая въ тѣлѣ одержимыхъ какою либо изъ вышеписанныхъ немощей удивительное дѣйствіе. Ихъ должно просто налить горячею водою, и давъ не много настояться, употреблять по утрамъ натощакъ вмѣсто чаю; продолжая сіе питье нѣсколько времени, можно быть увѣрену, что получишь совершенное исцѣленіе ранѣе или позже, смотря по тому, сколь застарѣла болѣзнь.

ЛѢКАРСТВО ОТЪ ГЛУХОТЫ.

естьли оная происходитъ отъ разслабленія нервовъ.

Возьми унцію луковаго соку и столько же Французской водки: смѣшай вмѣстѣ хорошенько, и подогрѣй: сего теплаго состава должно три раза въ день впускать въ ухо, по три, или по четыре капли каждой разъ; особливо же должно сіе учинить ложася спать.

ЛѢКАРСТВО ОТЪ ГОЛОВНОЙ БОЛѢЗНИ.

Агличане имѣютъ весьма употребительное между ими и дѣйствительное лѣкарство отъ всякаго рода головныхъ болѣзней, застарѣлыхъ или періодическихъ, какъ-то, мигрена, лѣтучая боль, тягость и проч. Сіе лѣкарство есть ни что иное, какъ *Алкуль*, или винный спиртъ, ректифированный съ купоросным маслом. Сей жидкости наливъ на ладонь,

прижимаютъ руку ко лбу, и держатъ такъ нѣсколько времени. Обыкновенно, въ четыре, или по большой мѣрѣ въ пять минутъ, самая жесточайшая головная боль симъ исцѣляется.

СПРАВЕДЛИВЫЙ РЕЦЕПТЪ, какъ составлять жизненную Ессенцію.

Возьми унцію и драхму сабуру, драхму цыцварнаго сѣмя, столько же бѣлой древесной губки (*), столько же травы горѣчавки, Восточнаго шафрана, лучшаго ребарбару и Веницейскаго теріяку.

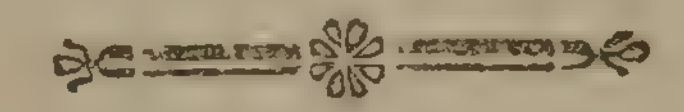
Истолки въ порошокъ, и просѣй ситомъ шесть первыя специи, послѣ чего всыпь ихъ съ теріякомъ въ толстую бутылку. Налѣй на сіе галенокъ доброй Французской водки: завяжи бутылку хорошенько намоченнымъ пергаминомъ; когда оной высохнетъ; то наколи на немъ многія дирочки булавкою, дабы отъ бро-

(*) По Латинѣ Агарикусъ албумъ.

женія бутылка не лопнула. Поставь ея въ печь на девять сутокъ, и не забывай болтать по утру и въ вечеру, дабы спеціи хорошенько смѣшалися: въ десятый день, не болтая бутылку, развяжи и сливай полегоньку настой въ другую бутылку, пока сливаемое будетъ чисто, и заткни хорошенько слитое; по томъ налѣй на тѣ же спеціи полгаленка Французской водки, и оставь также на девять дней, завязавъ плотно пергаминомъ, и поступай какъ выше сказано. Въ десятый день слѣй; когда же увидишь, что потечетъ мутное; то положивъ въ воронку хлопчатой бумаги, пропускай многократно сквозь оную, естьли нужда того потребуетъ, чтобъ было чисто. При семъ процѣживаніи должно наблюдать, чтобъ воронка была покрыта тряпкою, дабы сія Ессенція не выдыхалася: сіи два настоя смѣшай вмѣстѣ, и храни ихъ въ плотно закупоренныхъ бутылкахъ. Можно упот-

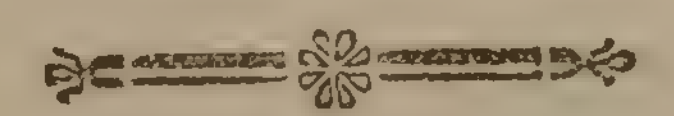
ребляmь оную Ессенцію въ первые дни по учиненіи сего.

Поелику наставленіе, какъ употреблять сію Ессенцію и мѣра пріемовъ предписаны въ особой изданной о томъ книжкѣ; то я о семъ и умалчиваю.

ЛѢКАРСТВО ОТЪ СЛАБОСТИ *или мутности глазъ.*

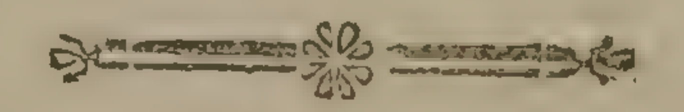
Положи въ стеклянную бутылку печенокъ или кишекъ изъ рѣчныхъ пискарей, и поставь на солнцѣ: они превратятся въ желтое масло, которое и прикладывай къ глазамъ.

ЛѢКАРСТВО ОТЪ ВОДЯНОЙ БОЛѢЗНИ.

Возьми хорошаго Прованскаго масла, и нагрѣвъ не много руку, при симъ масломъ поутру и въ вечеру весь

животъ страждущаго водяною болѣзнію человѣка. Сіе столь простое лѣкарство испытано въ Англіи надъ многими больными, и производитъ удивительныя дѣйствія.

РАЗНЫЯ ЛѢКАРСТВА
отъ сильнаго кровотеченія изъ носу.

I.

Изотри крапивныхъ листьевъ, и смочивъ ихъ водою, изъ такихъ же листьевъ перегнатою, приложи къ подошвамъ и къ ладонямъ.

II.

Пережги яичной скорлупы на желѣзной раскаленной лопаткѣ, истолки въ порошокъ, и вдунь онаго нѣсколько въ ноздри.

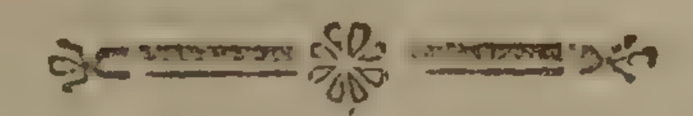
III.

Приложи къ ноздрямъ мяты, и положи оной подъ языкъ.

IV.

Возьми вытекшей изъ носу кро-

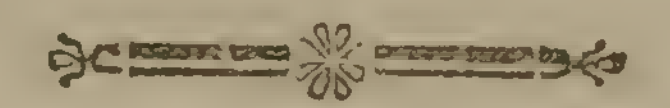
зи, и высушивъ ея на раскаленной черепицѣ, истолки, и дуй въ носъ.

ЛѢКАРСТВО ОТЪ БЕЗСОНИЦЫ.

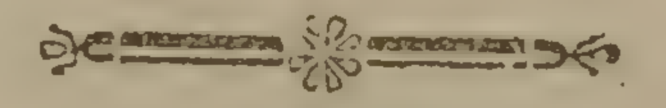
Всѣ снотворныя лѣкарства вообще, какъ-то, опiумъ, лауданумъ и проч. производятъ сонъ. Но поелику сiи пособiя суть всегда противоестественны; то лучше прибѣгать къ натуральнѣйшимъ средствамъ. Тѣлодвиженiе и здоровой воздухъ часто исцѣляли отъ сей немощи; употребленiе оршада, лимонада и сывороткии тому подобныхъ холодительныхъ напитковъ, выпивъ оныхъ большой стаканъ, ложася спать, весьма дѣйствительнымъ служитъ лѣкарствомъ. Фiалковой сиропъ также съ успѣхомъ отъ сего употребляется. Поелику безсоница можетъ произойти отъ труднаго варенiя желудка; то должно, какъ можно, меньше ужинать, не быть долго въ постѣлѣ, забав-

ляться музыкою, или какимъ либо пріятнымъ чтеніемъ: однимъ словомъ, избѣгать горячихъ напитковъ, кофе и пряныхъ яствъ.

ЛѢКАРСТВО ОТЪ ТРЕПЕТАНІЯ СЕРДЦА.

Естьли оное случается не часто и не сильно; то употребленіе мяты, вмѣсто чаю, исцѣляетъ. Но иногда должно прибѣгнуть къ кровопусканію, пить сыворотку, минеральныя воды, марціяльной шафранъ, мыло и проч.

РЕЦЕПТЪ,

какъ дѣлать превосходную воду для лица, чтобъ оное казалося не больше, какъ въ двадцать лѣтъ.

Возьми двѣ тѣлячьи ноги, и вари ихъ въ осмнадцати фунтахъ рѣчной воды, до тѣхъ поръ, пока половина

укипитъ; по томъ прибавь къ тому фунтъ Сарачинскаго пшена, и вари еще съ мякишемъ бѣлаго хлѣба, съ молокомъ и съ свѣжимъ коровьимъ масломъ, положа каждаго по два фунта. По томъ подбавь десять яичныхъ бѣлковъ съ ихъ скорлупою и съ перепонкою; по томъ все сіе перегони въ стекляномъ кубѣ, посредствомъ кипятка воды, налитой въ другой сосудъ, въ которой должно поставить помянутой кубъ; въ перегнатую же такимъ образомъ воду, положи не много камфары и сабуру, и оною водою притирайся.

Другая вода, придающая лицу живой природной румянецъ.

Возьми бычачью, или тѣлячью ногу; сдери съ нея кожу, истолки всю крупно, и положи въ кубъ, перегони, какъ выше сего сказано, и сею водою обтирайся каждое утро.

РАЗНЫЕ СЕКРЕТЫ, ВООБЩЕ ДО ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВА КАСАЮЩІЕСЯ.

О СКОТСКИХЪ ОБЫКНОВЕННѢЙШИХЪ БОЛѢЗНЯХЪ,

о предохраненіи отъ оныхъ скота, и о исцѣленіи зараженныхъ.

По многократнымъ наблюденіямъ, дѣлаемымъ при вскрытіи тѣлъ умершихъ животныхъ, часто находили воспаленіе внутренностей съ наклонностію къ Антонову огню, задній проходъ весь въ ранахъ и усѣянъ пузырьями фіолетоваго цвѣта, легкое повреждено и покрыто маленькими пузырьками, наполненными красноватымъ гноемъ, печенку затверделую, а желчный пузырь наполненный перегорѣлою желчію, подобною кофейной гущѣ; примѣчены также гноевые прыщи между кожею и мясомъ, кои можно сравнить съ оспою спрятав-

шеюся. Въ нѣкоторыхъ примѣчено, что причина смерти произошла отъ небольшаго поврежденія мозговаго вещества. Въ иныхъ найденъ разлившейся по всей крови Антоновъ огонь.

На тѣлахъ животныхъ примѣчаютъ нѣкоторыя опухоли, наружныя съ Грецкой орѣхъ величиною. Сія опухоль бываетъ жестка и черна безъ гною, и подобна язвеннымъ шишкамъ, случающимся во время чумы у людей. Ближайшія къ сей опухоли сосуды надуваются, и становятся жестки, и натянуты подобно струнамъ. Простой народъ называетъ сіи опухоли язвенными чирьями. Когда сія опухоль показывается на груди, или близь головы; то животное столь скоро умираетъ, что не возможно успѣть ему пособить; или ежели и подадутъ какую помощь: но оная бываетъ обыкновенно безполезна. Иногда кожа въ разныхъ мѣстахъ, а особливо на ногахъ трескается; языкъ покрывается такими

же прыщами, и весь начнетъ лупиться; на немъ сдѣлаются раны, кои препятствуютъ скотинѣ ѣсть кормъ, и такимъ образомъ умираетъ она, естьли надмѣру долго пробудетъ отъ сего безъ пищи.

Скотина подвержена бываетъ нѣкоторому роду весьма ядовитой осы. Сія болѣзнь обыкновенно приключается овцамъ. Она начинается чрезвычайнымъ жаромъ, за коимъ слѣдуютъ многія жестокія движенія, какъ-то, сильное біеніе въ пахахъ, опухоль всей кожи, которая сдѣлается черною, или багровою, и покрывается вся пузырьями.

Есть еще весьма опасная болѣзнь, коей быки и коровы, болѣе прочихъ скотовъ, подвержены. Она начинается тягостію въ головѣ, и слабостію, которая имъ препятствуетъ даже стоять на ногахъ. За тѣмъ слѣдуетъ ознобъ и дрожь во всемъ тѣлѣ, послѣ коего вскорѣ наступаетъ чрезвычайный жаръ, біеніе

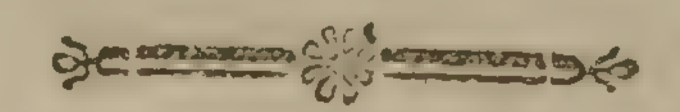
въ пахахъ и многіе другіе признаки, весьма мало отъ оспѣнныхъ различествующіе. Тогда коровы теряютъ иногда молоко; изъ глазъ течетъ у нихъ клейкій и острый гной, а иногда и сукровица; бываютъ холодны снаружи, но внутри, кажется, чувствуютъ сильное воспаленіе; и естьли помянутая матерія перестаетъ течь; то они погибаютъ вскорѣ отъ труднаго дыханія, сипѣнія и кашля. Сія болѣзнь называется *саломъ*.

Нѣкоторая заразительная болѣзнь, истребляющая множество скота, показывается синеватымъ пузыремъ, которой садится подъ языкомъ: лѣченіе сей болѣзни, какъ и прочихъ вышеупомянутыхъ, будетъ сообщено ниже сего.

Скотъ подверженъ еще бываетъ кровотеченіямъ: признакъ сей болѣзни есть тотъ, что скотина съ великимъ трудомъ начнетъ калиться. За симъ вскорѣ слѣдуетъ родъ поноса, сопряженнаго съ великимъ за-

трудненіемъ въ испражненіи: скотина выпускаетъ изъ прохода клѣйкую матерію и весьма вонючій гной, которой вскорѣ превращается въ весьма болѣзненное кровоиспусканіе. Лѣкарства отъ сего показаны будутъ ниже.

Можно легко узнать, есть ли лихорадочный жаръ въ скотинѣ, приложивъ руку между лѣвою переднею ея ногою и грудью: въ здоровомъ состояніи почувствуешь рукою, что сердце ея бьется въ минуту отъ сорока пяти до сорока осьми разъ. Но естьли біеніе пульса превосходитъ сіе число; то навѣрное можно положить, что скотина больна.

ПРЕДОХРАНИТЕЛЬНЫЯ СРЕДСТВА во время скотской заразы.

1е. Должно держать скотину въ чистомъ и здоровомъ воздухѣ.

2е. Надлежитъ осматривать

скотину по два и по три раза въ день; смотрѣть, чтобъ стойла были чисты, окуривать ихъ въ отсутствіе скотины, ладономъ, или можжевеловыми ягодами, порохомъ, сѣрою, смолою и прочими тому подобными матеріями, кои должно класть въ жаровню, и по многу разъ въ день носить по всѣмъ стойламъ, наблюдая, чтобъ во время сего куренія двери были плотно заперты, и отперѣть ихъ не прежде, какъ не задолго до пришествія съ поля скотины; дабы духъ сей не много разошелся: ибо скотина можетъ отъ того угорѣть, или испугаться. Хорошо также раскладывать огни вокругъ скотныхъ дворовъ, для очищенія внѣшняго воздуха. Естьли кто не въ состояніи достать помянутыхъ для куренія матеріяловъ; то можно употребить для сего старыя башмаки и тряпки, сжигая ихъ въ разныхъ мѣстахъ того строенія, гдѣ держится скотина.

3е. Должно исправно чистить ясли, мыть ихъ уксусомъ, или виномъ, въ которомъ бы прежде, часъ мѣста, покипѣло мозжевеловое дерево, рута, мята, тминъ, или прочія тому подобныя душистыя травы, можно также натирать ихъ чеснокомъ, лукомъ, или чертовымъ дермомъ.

4. Когда скотина придетъ съ поля; то должно ее обмыть и хорошенько обтерѣть губкою, или толстою холстиною, обмакнувъ оную въ щелокъ, изъ вина и уксуса сдѣланной, въ коемъ кипѣли душистыя травы. Послѣ сего скотину не прежде должно выпускать, какъ когда она совершенно обсохнетъ.

5. Паче всего должно стараться не гонять ея въ поле съ зараженною скотиною, и держать ея, сколь можно, далѣе отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ зараза свирѣпствуетъ. Достовѣрные опыты подтверждаютъ, что ежели прервешь все сообщеніе у больной

скотины съ здоровою; то сія ни какъ не заразится.

6е. Естьли какая скотина умретъ въ стойлѣ отъ заразы; то должно ея немедлѣнно выбросить вонъ, выкинуть ея постилку, и даже сжѣчь оную: дабы ядъ не заразился по коровнику.

7е. Во время засухи и большихъ жаровъ должно наблюдать, чтобъ чаще поили скотину, то есть коровъ, быковъ, лошадей и проч. но, какъ можно, избѣгать, чтобъ не пили они стоячихъ и гнилыхъ водъ, или тѣхъ, въ коихъ мочили пѣньку. Болотныя воды суть столь же врѣдны, когда онѣ надмѣру низки. Не должно также ночью оставлять ихъ на паствѣ; не рано выгонять въ поле, но по возхожденіи уже солнца, и когда оно очиститъ теплотою лучей своихъ воздухъ.

8е. Должно, примѣтя опасность, пускать скотинѣ кровь изъ шеи, и выпускать оной быкамъ по

полутора галенка, а коровамъ по одному. Что касается до телокъ; то должно имъ выпускать только по полугаленку, а телятамъ по соразмѣрности. На другой день должно имъ дать слабительное изъ одной унціи чортова дерма, столько же крокусъ *металлорумъ*, то есть, металлическаго шафрана, три драхмы селитры, и такое же количество сѣрнаго цвѣта, смѣшавъ все оное съ даемымъ имъ овсомъ или сѣчкою, или съ виномъ, и вливъ имъ онаго въ горло. Мѣру сего пріема должно уменьшать, смотря по разнымъ родамъ, возрастамъ и силамъ животныхъ. Сіе проносное надлежитъ повторять два раза чрезъ три дни, и не выпускать скотину изъ стойла въ тотъ день, какъ дашь ей сего лѣкарства.

9е. Теріакъ и орвіетанъ суть превосходныя предохранительныя средствы отъ заразы: ихъ должно размѣшать въ винѣ, для лошади, или

быка полторы унціи, для коровы унцію, для телицы полъунціи, и такъ по соразмѣрности для другихъ животныхъ.

10 е. Утверждаютъ, что живая, или мертвая жаба, завернутая въ холстину съ солью, чеснокомъ полураздавленнымъ, ртутью и чертовымъ деромомъ, и повѣшенная на шею скотинѣ, есть превосходное предохранительное средство. Когда же нѣсколько времени такъ ея подержишь; то должно бросить все сіе въ огонь.

11 е. Положи въ приготовленную для питья скотинѣ воду одинъ или два фунта антимоніи, и вскипѣти оную за полчаса до пойла. Та же самая антимонія можетъ служить на нѣсколько разъ, вскипѣтивъ ея со свѣжею водою.

12 е. Должно повѣсить въ коровникѣ мѣшокъ соли. Когда скотина одинъ разъ оной отвѣдаетъ; то не преминетъ вся одна за другою приходить лизать оную, входя въ ко-

ровникъ: ибо естественное ихъ побужденіе внушаетъ имъ, какая польза отъ того произходитъ. Сей соли въ годъ не изойдетъ для сего болѣе семи или осми фунтовъ, что ни чего почти не составляетъ, и безъ сего предохраненія хозяинъ потѣряетъ гораздо больше отъ заразы, которой соль противится.

ЦѢЛИТЕЛЬНЫЯ ОБЩІЯ ЛѢКАРСТВА.

Поелику скотскія болѣзни начинаются обыкновенно отвращеніемъ къ корму; то должно, сколь возможно рачительнѣе стараться прочищать, промывать и полоскать имъ горло; что слѣдующимъ образомъ производится: возьми двѣ добрыя щепоти перцу съ полгорстію соли, смѣшай сіе съ нѣсколькими чесночными головками, очищенными и истолченными, и брось все оное въ полугаленокъ хорошаго уксусу. По томъ,

взявъ палку, обвей ея чистымъ полотномъ, и обмакнувъ ея въ сей составъ, три оною хорошенько языкъ, небо во рту, и весь ротъ больнаго животнаго, стараясь заставить его проглотить онаго нѣсколько каплей. Сіе лѣкарство должно повторять до тѣхъ поръ, пока охота къ пищѣ возвратится. Вмѣсто перцу можно употреблять также луковый сокъ.

Естьли же отвращеніе къ корму, не взирая на сіе, будетъ продолжаться; то должно пустить скотинѣ кровь вышеписаннымъ образомъ, или дать ей проглотить стаканъ винограднаго вина съ настоянною воономъ антимоніею. Надлежитъ дать ей сіе выпить поутру: но естьли болѣзнь не терпитъ времени; то можно и во всякую пору оное учинить. Въ прочемъ, не надобно ей давать послѣ сего ѣсть, какъ по прошествіи трехъ, или четырехъ часовъ, и дать ей во все сіе время отдыхать. Можно также давать ей

по унціи желтой сѣры (а не зеленоватой,) съ полъунціею соли, въ овсѣ, или въ винѣ, и продолжать сіе лѣкарство пять или шесть дней.

Естьли болѣзнь заразительна и совершенно откроется; то возьми горсть можжевеловаго сѣмя и столько же корня Ангелики (*), изсушивъ оное, истолки въ порошокъ, прибавь къ тому горсть зеленой руты, двѣ чесноковки и довольное количество хорошаго меду: сбей все сіе вмѣстѣ, и дай онаго количествомъ съ Грецкой орѣхъ быку, или лошади, коровѣ же третью долю сего пріема, и такъ по пропорціи прочимъ животнымъ.

ЛѢКАРСТВО ОТЪ ВСЯКАГО РОДА СКОТСКИХЪ БОЛѢЗНЕЙ.

полезное для овецъ, козъ, коровъ, лошадей и вообще для всякой скотины.

Положи мокнуть въ мѣрную бутыл-

(*) Дягельнику.

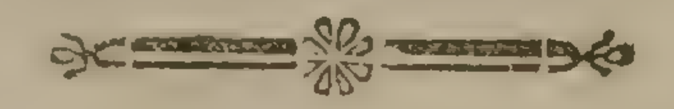
ку воды унцію сурмяной печени, завернувъ оную въ тряпку, и прибавя драхму Александрійскаго листу, можно также положить туды самой мушкатнаго орѣха и прочихъ горячительныхъ пряныхъ кореньевъ: ибо всѣ почти болѣзни, на пастбѣ находящихся скотинъ, произходятъ отъ холода и сырости. Въ прочемъ, сіе лѣкарство очень хорошо и безъ сихъ пряностей. Дай сему составу сутки настояться; но естьли время того не терпитъ; то дай ему покипѣть минутъ десять, и простудивъ употребляй.

Сего лѣкарства даютъ по четверти галенка овцамъ и прочей мѣлкой скотинѣ; но быкамъ, коровамъ и лошадямъ по цѣлому галенку.

Скотину, принявшую сіе лѣкарство, должно держать въ тепломъ хлѣву, и прежде вечера не давать ей ѣсть, или по крайней мѣрѣ, чрезъ три или четыре часа по проглошеніи лѣкарства. Надлежитъ также

и предъ принятіемъ онаго подержать ихъ часа три въ теплѣ.

Естьли скотину вырветъ вскорѣ по принятіи лѣкарства; то чрезъ два часа должно ей опять дать пріемъ онаго; но чтобъ сей пріемъ составлялъ только четвертую долю прежде даннаго.

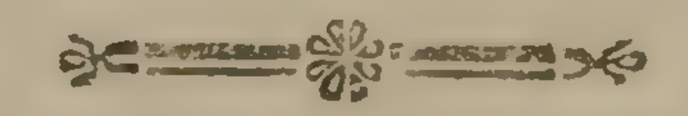
ЛѢКАРСТВА ЧАСТНЫЯ ОТЪ ОПУХОЛЕЙ.

Естьли жаръ въ скотинѣ великъ, и паха бьется сильно; то должно начать кровопусканіемъ, по томъ крестообразно разрѣзать опухоль, вымыть хорошенько рану водкою, или простою водою съ распущеннымъ въ ней довольнымъ количествомъ соли; вымазать ея и совсемъ покрыть терпентиномъ, разведеннымъ на яичномъ желткѣ съ медомъ и водкою, и перевязывать рану два раза въ день охлопками, или развитою веревкою.

Можно также употреблять для сего перьяной стволъ, наполненный ртутью, и съ обѣихъ концовъ запечатанный, которой посредствомъ ланцета проводятъ позакожью, по верьхъ шеи быкамъ, а лошадямъ должно сію заволоку проводить у шеи. Посредствомъ сего сдѣлается изобильное истеченіе дурной мокроты и гноя, что обыкновенно исцѣляетъ скотину. Нѣкоторые дѣлаютъ заволоки быкамъ, проколовъ ихъ шиворотъ раскаленнымъ желѣзомъ въ палецъ толщины, и продѣваютъ сквозь сію скважину веревку, которая въ ней остается и производитъ истѣченіе гнилой мокроты, не давая отверстію закрыться. Когда же мокрота начнетъ уменьшаться; то должно дать скотинѣ проносное изъ полъунціи чертова дерма, унціи *крокусъ металлорумъ*, трехъ драхмъ ялапы и такова же количества сабуру. Сіе все должно истолочь, и съ легка вскипѣтить въ полугаленкѣ бѣлаго

нія. Сіе лѣкарство повторяется два раза чрезъ два, или три, дни.

Сіи опухоли излѣчаются часто кормленіемъ скота листьями и ягодами бековины, и въ то же время проведеніемъ заволоки изъ бековиной лозы, для произведенія скопленія мокроты, а потомъ истеченія.

ЛѢКАРСТВО ОТЪ САПУ.

Въ сей болѣзни должно какъ можно стараться, чтобъ матерія текла у скотины изобильно. Для сего раза по два, или по три, ставь скотинѣ въ ротъ распорку изъ орѣховаго, или можжевеловаго дерева. Когда она около часа времени будетъ пускать слюну; то вымой ей горло внутри тѣмъ полосканьемъ, о коемъ мы говорили выше, для возвращенія ей охоты къ корму. Естьли же симъ не возвратишь онаго; то дай ей съѣсть полгорсти раздавленныхъ моз-

жевеловыхъ ягодъ, съ унціею крокусъ *металлорумъ*, смѣшавъ сіе съ отрубями: но естьли не станетъ ѣсть; то смѣшай съ виномъ и влей въ горло, а чрезъ два часа дай ей для утоленія жажды меду, съ теплою водою смѣшаннаго. Должно также нѣсколько разъ въ день шприцовать ей въ уши и въ ноздри свекольнаго соку съ наваромъ изъ табашныхъ листьевъ. Надлежитъ заставить ее чихать, дуя ей въ ноздри перомъ, или соломиною, тертаго табаку, или щепоть тертаго корня бѣлой чемерицы. Въ прочемъ сіи чихательныя лѣкарства бываютъ дѣйствительнѣе, когда прежде окурятъ скотину ладономъ, сѣрою, можжевельникомъ, коихъ бы дымъ попадалъ имъ въ ноздри.

ОТЪ ПУПЫРЯ, ПОДЪ ЯЗЫКОМЪ БЫВАЮЩАГО.

Вскипѣти въ глиняномъ горшкѣ горсть руты, съ двумя унціями Богемской

ангелики, и столько же царской травы (*); когда сей наваръ уменьшится до половины; то всыпь въ него полфунта кордiальнаго порошку, и дай проглотить сiю жидкость теплую. Должно прежде хорошенько вычистить языкъ животному слѣдующимъ полосканьемъ: возьми уксусу, въ которомъ настой прежде полгорсти шалфея, и столько же подснѣжника (**) и корня ангелики, истолченнаго съ нѣсколькими чесноковками и съ горстью соли.

ОТЪ КРОВОТѢЧЕНIЯ.

1е. Возьми горсть травы желѣзняку, и положивъ въ глиняной горшокъ, налѣй водою, и дай кипѣть до тѣхъ поръ, пока половина выкипитъ, и дай проглотить сей наваръ животному столь теплой, сколько

(*) По Латинѣ императорiа.
(**) По Латинѣ семпервивумъ.

возможно. Чрезъ минуту послѣ сего, дай ей съѣсть связку ржаной соломы, накрой ее хорошенько, и не давай ѣсть прежде двухъ или трехъ часовъ.

2е. Давай ей черезъ день по два раза въ день по трои унціи ипекакуаны, или рвотнаго корня въ порошкѣ, или полъунціи ребаобару, или унцію рапонтику въ порошкѣ съ унціею теріака, разведеннаго въ винѣ. Естьли кровотѣченіе послѣдуетъ послѣ слабительнаго; то давай только нѣсколько дней сряду по одному истолченному въ порошокъ мушкатному орѣху, полъунціи карицы, по двѣ драхмы гвоздики, также въ порошкѣ: вскипѣтя все сіе слегка въ винѣ.

Обыкновенное пойло, должна быть простая вода, въ которой погашено было раскаленное желѣзо, и отъ времени до времени наваръ изъ травы подорожника съ дубовыми жолудями. Не надлежитъ вдругъ упо-

употреблять надмѣру стягивательныя лѣкарства: ибо многія животныя отъ того погибли. Но можно, не опасаясь дурныхъ слѣдствій, дать проглотить скотинѣ унцію терпентину, разведеннаго на яичномъ желткѣ въ полубутылкѣ вина.

РАЗНЫЯ СРЕДСТВА,

сохранять яица свѣжими чрезъ долгое время.

I.

Возьми отрубей, соли, или дубовыхъ опилковъ, и положи въ нихъ яица, или въ золу, или также въ просо.

2.

Положи по легоньку яица въ деревянныя ящики, въ коихъ бы ни чего инаго не было, и по томъ поставь оныя лѣтомъ, въ свѣжее мѣсто, а зимою въ теплое, наблюдая, чтобъ отнюдь не было въ томъ мѣстѣ ни какой сырости: по опы-

тамъ извѣстно, что хранимыя симъ образомъ яица бываютъ свѣжими столь долго, сколько то свойство ихъ дозволяетъ.

3.

Положи яица въ горшокъ, или въ другую какую посуду, и налѣй на нихъ воды такъ, чтобъ она ихъ превышала. Сію воду должно перемѣнять всякой день, или по крайней мѣрѣ, чрезъ два дни.

4.

Свари яица въ смятку по обыкновенію; послѣ чего храни ихъ: когда же пожелаютъ оныя ѣсть; то стоитъ только ихъ подогрѣть въ водѣ. Они будутъ столь свѣжи, какъ изъ подъ курицы.

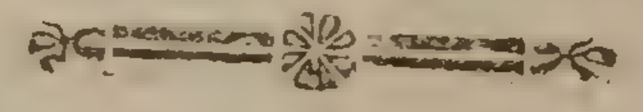
5.

Иные совѣтуютъ, чтобъ сваривъ яица до половины, положить ихъ въ свѣжую воду, и дать имъ простынуть: послѣ чего положить въ боченокъ или въ кадочку слой соли и слой сихъ яицъ, поперемѣнно,

поступая бѣрежно, чтобъ не разбить. Когда захотятъ ихъ употреблять; то надлежитъ положить ихъ въ кипятокъ, не ставя на огонь.

6.

Дабы сохранить яица долгое время свѣжими, надлежитъ только остановить ихъ выдохновеніе, пресѣкши сообщеніе съ внѣшнимъ воздухомъ. Сіе можно учинить посредствомъ какого либо лака, или, натерѣвъ яица какимъ жирнымъ веществомъ, какъ-то, масломъ, саломъ, или ветчиннымъ жиромъ, въ тотъ самой день, какъ они снесены. Или короче: наполнивъ горшки свѣжими яицами, залѣй растопленнымъ бараньимъ жиромъ такъ, чтобъ онымъ наполнилися всѣ промѣжутки до самаго верьху горшка: наблюдай при томъ, чтобъ сей жиръ былъ негорячь, дабы отъ него яица не сварилися. Симъ способомъ можно хранить яица три года такъ, что они будутъ совершенно свѣжи.

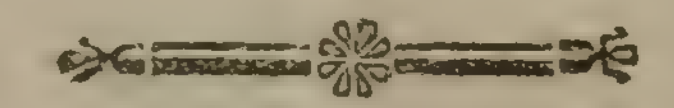

О ЛѢКАРСТВЕННЫХЪ СВОЙСТВАХЪ ЯИЦЪ.

Куриныя яица, кромѣ употребленія ихъ въ пищу, употребляются и во врачебной наукѣ. Всякому извѣстно превосходство ихъ, особливо же, когда онѣ совершенно свѣжи, и сварены въ смятку: приготовленныя симъ образомъ онѣ легче и питательнѣе. Тѣ, кои не доварены, не столь насыщаютъ, какъ хорошо сваренныя; но онѣ полезны для груди. Желтки яичные подмѣшиваютъ въ промывательныя. Едва можно безъ помощи ихъ распустить терпентинъ. Въ сваренномъ въ мешечекъ яицѣ, проглатываютъ многіе медикаменты, коихъ дѣйствію оно споспѣшествуетъ, служа имъ въ то же время и оберткою.

Яичные желтки служатъ къ умѣренію чрезвычайнаго апетита, къ скорѣйшему назрѣнію чирьевъ, апостемою называемыхъ, и проч.

Изъ сихъ желтковъ, въ густую сваренныхъ, добывается превосходное масло, не только отъ разныхъ болѣй, отъ ожоги или опары, но и еще отъ безчисленнаго множества иныхъ припадковъ.

КАКЪ ДѢЛАТЬ ЯИЧНОЕ МАСЛО.

Возьми яицъ, которыя бы не старѣе были одной недѣли. Сваривъ ихъ въ густую, вынь изъ нихъ желтки, истолки ихъ въ ступѣ, и поставь на тихой огонь въ сковородѣ, или въ другой какой посудѣ, гдѣ мѣшай ихъ безпрестанно до тѣхъ поръ, какъ они превратятся въ масло. Тогда положи ихъ въ мѣшокъ, изъ крѣпкой холстины сшитой, и выдавливай посредствомъ двухъ горячихъ желѣзныхъ полосъ.

Кромѣ вышеписанныхъ свойствъ сего масла, залѣчиваетъ оно еще и раны съ удивительною скоростiю;

оно чернитъ волосы, умягчаетъ боль, отъ почечуя произходящую, и исцѣляетъ трещины, приключающіяся на грудяхъ женскихъ. Однимъ словомъ, ему приписываютъ то же свойство, которое имѣетъ масло, изъ смирны или мирры дѣлаемое.

Яица примѣшиваютъ въ лѣкарства, отъ угрызенія ядовитыхъ животныхъ даваемыя.

Бѣлки яичные не мѣнѣе желтковъ употребительны въ лѣкарствахъ. Сырые они имѣютъ прохладительное и весьма стягивательное свойство. Бѣлокъ, сбитый съ ладономъ, съ мастикою и съ чернильнымъ орѣшкомъ, въ порошекъ истолченнымъ, производитъ пластырь, которой прикладывается ко лбу, для унятія кровотѣченія изъ носу. Бѣлокъ, приложенной къ недавно полученной ранѣ, препятствуетъ ей пухнуть и рдѣться. Исцѣляетъ также воспаленіе въ глазахъ.

Бѣлокъ и желтокъ яичный будучи сбиты вмѣстѣ съ сокомъ или съ водою изъ травы подорожника и паслинки (*), составляютъ пластырь для ожоги.

Яичной зародышь, проглоченный, производитъ потъ.

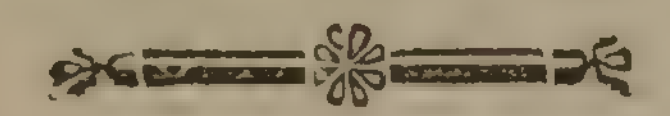
Родъ молока, находящагося при вскрытіи полусваренныхъ яицъ весьма хорошо для груди: оно мягчительно, прохладительно и крѣпительно.

Яичная скорлупа, истолченная въ порошокъ и выпитая съ виноградным виномъ, остановляетъ кровохарканіе: такъ же и продолжительный поносъ, когда оную скорлупу сожжешь и съ виномъ выпьешь. Скорлупа, изъ которой вылупился цыпленокъ, истолченная въ порошокъ и выпитая съ виномъ, есть весьма превосходное средство, для разбиванія камня въ почкахъ или въ пузырѣ. Пріемъ сего порошка долженъ быть полдрахмы.

(*) По латинѣ соланумъ.

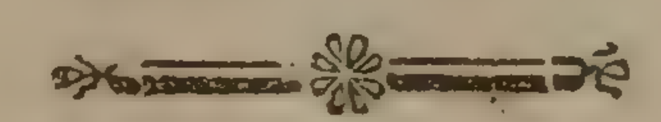
СПОСОБЪ СОХРАНЯТЬ ДИЧИНУ.

Вынь изъ бочки, въ которой недавно было виноградное вино, одну или двѣ доски, и повѣсь въ ней на гвоздяхъ дичину такъ, чтобъ оная не дотрагивалася одна до другой, и не касалася бы до дрождей, естьли оныя осталися на днѣ бочки. Должно напередъ выпотрошить дичину. Симъ средствомъ можно сохранить всю ея свѣжесть мѣсяцъ и болѣе.

СПОСОБЪ
учинять мяса животныхъ мягкими.

Дай проглотить курицѣ, или иной какой птицѣ рюмку уксусу, и чрезъ четверть часа по томъ заколи ее; то она будетъ весьма мягка.

О КРАШЕНІИ.

Какъ приготовлять черную краску, для крашенія шелковыхъ и другихъ матерій.

Положи истолченнаго въ порошокъ *литаргиріумъ* (глетъ) въ два фунта щелоку, изъ кубовой золы сдѣланнаго, и дай кипѣть до тѣхъ поръ, какъ половина выкипитъ: оставшее процѣди сквозь холстину

Какъ красить матеріи, бумагу и проч. въ зеленой цвѣтъ.

Возьми соку травы руты, Арабской камеди, горныхъ квасцовъ и яри Венецейской: положи все сіе въ бѣлой уксусъ, и дай хорошенько настояться. Въ сей холодной настой обмакни матерію, и она приметъ весьма хорошій зеленый цвѣтъ.

Красить желѣзо въ мѣдной цвѣтъ.

Возьми яри, простаго купоросу, и нашатыря; но чтобъ купоросу было больше, нежели тѣхъ двухъ веществъ. Истолки хорошенько все сіе вмѣстѣ и смочи крѣпкимъ уксусомъ: потомъ дай кипѣть на тихомъ огнѣ полчаса. Въ сей горячій составъ положи желѣзо, и закрой плотнѣе сосудъ, дабы паръ не могъ изъ него выходить. Когда сей сосудъ и содержащееся въ немъ вещество простынетъ; то, открывъ оной, вынь желѣзо, которое приметъ на себя цвѣтъ мѣди.

Красить кость въ голубую краску.

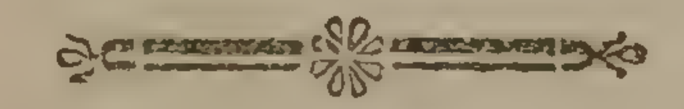
Возьми довольное количество щелоку, изъ виноградной золы сдѣланнаго; прибавь къ тому индиго, распущеннаго въ золѣ, изъ пережженныхъ винныхъ дрождей, положи въ оное кость и кипѣти, пока приметъ она хорошій голубый цвѣтъ.

СПОСОБЪ УЗНАВАТЬ,

гдѣ находятся водяные источники.

Когда кто желаетъ узнать навѣрно, гдѣ можно найти воду; то надлежитъ, за нѣсколько времени до восхожденія солнца лѣчь на брюхо въ полѣ, и опершись бородою въ землю, смотрѣть вокругъ себя: естьли увидишь въ какомъ мѣстѣ паръ, или поднимающійся туманъ; то можно быть увѣрену, что тамъ найдешь воду. Въ прочемъ должно разсматривать свойство земли: вода, находящаяся въ меловой землѣ бываетъ не вкусна и въ маломъ количествѣ; находимая подъ мѣлкимъ пескомъ, причиняетъ много труда работающимъ: ибо надобно весьма глубоко рыть, кромѣ того, что она неизобильна и непріятна. Черная земля содержитъ въ себѣ лучшую воду. Самая же лучшая и здоровѣйшая вода есть та, которая находится въ каменныхъ горахъ.

и высушивъ ея въ тѣни, покрой еще два раза тою же водою, и высуши, какъ и въ первой разъ. По томъ покрой кожу два раза крѣпкимъ уксусомъ, въ которомъ бы прежде долго лежали куски желѣза, такъ, что будучи онымъ съѣдены, они бы не годилися къ употребленiю, и которой уксусъ должно по томъ кипѣтить четыре раза сряду. Высуши кожи въ тѣни, какъ прежде, и вылощи ихъ стѣкломъ. Онѣ будутъ совершенно черны и весьма красивы.

Какъ красить перья, лошадиныя волосы, козью шерсть, нитки, ленъ, шелкъ и прочее тому подобное.

Приготовя желаемаго цвѣта краски, кипѣти ея понемногу въ водѣ, подбавя истолченныхъ въ порошокъ горныхъ квасцовъ. По томъ распусти въ горячей водѣ квасцовъ, и положи въ оную ту вещь, которую намѣренъ

красить, на двенадцать часовъ. Послѣ чего, положа ее въ краску, кипѣти въ оной, пока хорошенько окрасится.

Красить лошадиные волосы въ золотой цвѣтъ.

Взявъ три фунта воды, положи въ нея шафрану и дай четверть часа кипѣть; по томъ положи въ нея фунтъ лошадиныхъ волосовъ и кипѣти еще, пока останется половина, наблюдая при томъ, чтобъ горшокъ былъ закрытъ. Послѣ сего вынь волосы, и положи ихъ въ холодную воду, а наконецъ высуши.

О КРАШЕНІИ ШЕРСТИ.

Синій цвѣтъ. Истолки въ иготи фунтъ крутику, которой смѣшай съ мѣрными осмью галенками старой урины. Поставь на огонь, и мѣшай хорошенько. Когда сія смѣсь будетъ

въ прогорячь; то брось въ нее шерсть, и оставь въ ней нѣсколько времени. Она получитъ густосиній цвѣтъ.

Должно соразмѣрять количество краски и пр. съ количествомъ шерсти.

Черный. Истолки въ крупной порошокъ два фунта чернильныхъ орѣшковъ, и положи ихъ въ желѣзной горшокъ съ осмью бутылками рѣчной воды. Прибавь къ тому фунтъ купоросу. Вскипѣти все сіе хорошенько до тѣхъ поръ, какъ сія жидкость сдѣлается, какъ чернило. Тогда положи въ нея кипѣть шерсть. Когда простынетъ; то вынувъ шерсть, повѣсь ея сохнуть.

Красный. Налѣй рѣчной воды въ большую глиняную корчагу. Когда она разогрѣется; то всыпь въ нея шестнадцать фунтовъ пшеничныхъ отрубей. Давъ покипѣть нѣсколько минутъ, перелѣй все въ щелочной чанъ, и прибавь въ двое холодной

воды, и такъ покрывъ, оставь на недѣлю. По томъ свѣсивъ шерсть, положи ея въ сію воду, прибавя фунтъ квасцовъ на каждыя десять фунтовъ шерсти. Кипѣти все сіе цѣлой часъ. По томъ вынь шерсть. Истолки въ порошокъ фунтъ *рубіа тинкторумъ* (*) и всыпь оной въ помянутой составъ. Когда онъ хорошенько смѣшается съ прочими снадобьями, и когда все сіе разогрѣется; то, раздѣля шерсть руками, положи ея въ сію краску. Когда же сей составъ столько сдѣлается горячь, что рукѣ не льзя будетъ терпѣть; то мѣшай тогда палкою. Когда увидишь, что шерсть приняла хорошій алой цвѣтъ; то вынувъ ея повѣсь сохнуть.

Желтый. Вскипѣти шерсть въ водѣ съ такимъ же количествомъ квасцовъ, какъ и для краснаго цвѣта. По томъ вынь ее и высуши. Поставь на огонь большей котелъ

(*) Марена.

съ рѣчною водою и большимъ количествомъ желтучной травы, по Латынѣ называемой *герба лутея*, или *флосъ тинкторіусъ*. По томъ брось въ нее шерсть, растеребивъ ее хорошенько руками, дабы ни что не могло остаться не окрашеннымъ. Она приметъ яркій желтый цвѣтъ.

Зеленый. Окрась сперва шерсть въ синій цвѣтъ. Когда она высохнетъ; то положи ее въ желѣзной котелъ съ водою и съ помянутою въ предъидущемъ членѣ травою. Отъ сего состава получитъ шерсть зеленый цвѣтъ.

О СОСТАВЛЕНІИ РАЗНЫХЪ ЛАКОВЪ.

I.

Положи въ стѣкляной кубъ бѣлаго янтарю и гумми копалу весьма бѣлаго, каждаго по унціи, мастики зернистой двѣ драхмы, и полъунція лучшей мозжевеловой смолы (сан-

даракѣ), истолокши все сіе въ порошокъ. Прибавь къ тому унцію терпентиннаго масла (*), сколь возможно лучшаго; заткни кубъ пробкою, залѣпи воскомъ, и завяжи свинымъ пузыремъ: поставя сосудъ въ горячій пѣсокъ, дай такимъ образомъ вариться сему составу двенадцать часовъ тихимъ огнемъ. По томъ, давъ простынуть, влѣй въ сосудъ потихоньку шесть унцій виннаго спирта. Заткни его опять плотно, и поставь въ кипятокъ, или въ горячую золу на двенатцать часовъ. Послѣ сего втораго варенія, всѣ смолы совершенно распустятся: процѣди составъ сей сквозь тряпку, и храни въ бутылкѣ, для употребленія.

2.

Весьма красный, и не уступающій почти Китайскому, лакъ.

Возьми хорошо очищеннаго гумми лаку, положи его въ стеклянной сосудъ, и налѣй лучшимъ виннымъ

(*) Скапидаръ.

спиртомъ, чтобъ онъ превышалъ его на четыре пальца; по томъ, заткнувъ плотно сосудъ, поставь на солнцѣ, или въ умѣренную теплоту, на три или на четыре дни, помѣшивая отъ времени до времени. Когда смола совсемъ распустится; то процѣди ея сквозь холстину, и опять на сутки поставь на солнцѣ, послѣ чего лакъ будетъ готовъ.

Должно употреблять въ дѣло самое только чистое, которое плаваетъ сверьху, и покрывать онымъ кистью дерево, которое должно прежде окрасить желаемою краскою. Надлежитъ дать засохнуть первому слою прежде, нежели покрывать въ другой разъ.

3.

Истолки въ порошокъ унцію мастики, которая бываетъ въ видѣ застылыхъ слезъ, или каплей, ибо сія есть самая лучшая, сандараку и гумми лаку, каждаго по полторы унціи. Положи сіи порошки въ стек-

ляную бутылку, прибавь къ тому четыре унціи виннаго спирта, заткни бутылку, и поставь на четыре дни на солнцѣ. Къ сему лаку прибавляютъ киновари, лазори, жженой слоновой кости, и всякихъ другихъ красокъ, смотря по той вещи, которую покрывать желаешь. Надлежитъ онымъ покрывать многими слоями, давая каждому прежде высохнуть.

4.

Возьми сандараку и мастики въ капляхъ, каждаго по унціи, самаго чистаго гумми лаку двѣ унціи, и осмнатцать унцій виннаго спирту. Положи все сіе въ стекляной долгогорлой кубъ, какія бываютъ въ Аптекахъ, такимъ образомъ, чтобъ оставалося еще довольно пустоты, и поставь оной въ пѣсочной огонь, или въ просѣянную золу: сдѣлай такъ, чтобъ было на четыре пальца разстоянія между кубомъ и дномъ чугуннаго котла, или другаго сосуда:

удобнаго выдерживать огонь, въ которой всыпана зола, или пѣсокъ. Сей сосудъ съ пѣскомъ поставь на горячіе уголья, и разведи сначала довольно сильной огонь; но когда винный спиртъ начнетъ закипать; то отгреби почти все уголье, и оставь только нужное количество для поддерживанія жару. Когда лакъ покипитъ четыре или пять часовъ; то процѣди его сквозь шелковую матерію и влѣй въ стѣклянную бутылку, которую должно прежде нѣсколько нагрѣть, дабы она не лопнула.

Употребленіе сего лака. Разведи въ небольшой глиняной муравленой посудинѣ тертой и чистой киновари съ такимъ количествомъ лаку, сколько будетъ потребно онаго, для составленія краски, которая бы не была ни блѣдна, ни густа. По томъ разогрѣй нѣсколько сію краску, и сними съ огня, какъ скоро увидишь, что изъ нея пойдетъ паръ: по томъ нагрѣвъ дерево, которое желаешь

лакировать. покрой слоемъ сего лака, и дай сохнуть въ тѣни сутки или двое. Когда сей первый слой высохнетъ; то покрой еще, не разогрѣвая уже дерева: сему второму слою дай сохнуть два, или три дни; потомъ продолжай покрывать дерево симъ же образомъ, пока довольно будетъ на немъ лаку. Когда послѣдній слой высохнетъ; то выполируй его пемзою, въ порошокъ истертою, хвощемъ и оливковымъ масломъ. Выперевъ хорошенько дерево тряпкою, дабы придать ему лучшій лоскъ, подогрѣй не много сего лаку безъ всякой примѣси, и когда онъ начнетъ дымиться, то снявъ съ огня, возьми онаго на мягкую кисть, и води въ задъ и въ передъ по дереву, которое должно не много разогрѣть. Когда онъ сдѣлается сухъ и крѣпокъ; то дай ему послѣдній лоскъ, натеревъ его оливковымъ масломъ и въ мѣлкой порошокъ истолченнымъ трепеломъ, и выгладь замшею.

Вмѣсто киновари можно употребить зженую слоновую кость, лазорь, или какой кто желаетъ цвѣтъ съ симъ лакомъ.

5.

Возьми четверть унціи гумми копалу, столько же сандараку, и истолки ихъ вмѣстѣ. Положи унцію сего порошка въ такой же стеклянной кубъ, какъ выше сказано, чтобъ онъ былъ весьма сухъ, съ тремя унціями виннаго спирта. Заткни горлышко куба тряпкою, которую сверьху замажь клестеромъ довольно густымъ, и покрывъ сверьху еще тряпкою, завяжи оную подъ горломъ куба: По томъ поставь, какъ выше сказано, сей кубъ въ горячую золу, и дай кипѣть, пока весь порошокъ растопится совершенно.

Употребленіе. Взявъ дерево, которое желаешь покрывать, выкраси его прежде въ какой хочешь цвѣтъ, а краску должно развести на рыбьемъ клѣю, въ водкѣ намоченномъ.

Когда окрашенная вещь высохнетъ; то покрой ея первымъ слоемъ сего лака: когда оной высохнетъ; покрой еще, и давъ высохнуть, покрой въ третій разъ, и такимъ же образомъ и въ четвертый, естьли то будетъ потребно. Когда помянутая вещь высохнетъ; то выполируй ея постнымъ масломъ, и въ мѣльчайшій порошокъ истолченнымъ трепеломъ, и вытри хорошенько тряпкою.

6.

Положи фунтъ бѣлой мастики въ бутылку, налѣй сверьхъ ея терпентиннаго масла столько, чтобъ оное совершенно мастику покрыло. По томъ разогрѣй бутылку въ горячей водѣ, дабы мастика растопилася. Когда она растопится; то взболтай хорошенько бутылку, дабы смѣшать ея совершенно съ масломъ.

7.

Положи въ стеклянную бутылку полъунціи гумми лаку, драхму мастики, и двѣ драхмы сандараку;

истолокши все сіе въ порошокъ, налей четыре унціи виннаго спирта: заткнувъ бутылку плотно пробкою, залѣпивъ воскомъ, и завязавъ сверьхъ сего лайкою, распускай сей составъ на весьма тихомъ огнѣ. Когда все сіе совершенно распустится; то получишь весьма хорошій лакъ, называемый обыкновенно *бѣлымъ лакомъ*. Должно наблюдать, чтобъ бутылка была только до половины наполнена, прежде, нежели поставишь ея на огонь. Поелику она должна быть плотно заткнута; то отъ нѣсколько излишняго жару можетъ лопнуть.

8.

Возьми пятнадцать унцій ректифированнаго виннаго спирта, двѣ унціи гумми лаку въ порошкѣ, двѣ унціи сандараку; положи все сіе въ стекляной вышепомянутой кубъ, и поставя въ другой сосудъ, наполненый кипяткомъ, процѣди сквозь полотно, когда увидишь, что составъ совершенно растопился. На семъ

лакѣ разводятъ всякія краски. Но прежде употребленія онаго, дерево должно покрыть слѣдующимъ лакомъ: возьми восемь унцій аспиднаго масла, пять унцій сандарака въ порошкѣ, и стопивъ сіе хорошенько на огнѣ, покрой горячимъ ту вещь, которую лакировать желаешь, и когда она высохнетъ, то покрывай ея вышеписаннымъ лакомъ, смѣшавъ оной съ какою разсудишь краскою.

9.

Возьми въ мѣльчайшій порошокъ истолченнаго раснова ладану, и налѣй на него виннаго спирту, чтобъ онъ превышалъ его на три или на четыре пальца. Сей лакъ имѣетъ великій блескъ, и скоро сохнетъ, но онъ весьма нѣженъ. Естьли кто пожелаетъ, чтобъ онъ былъ прозраченъ; то должно употребить на то одинъ только расной ладанъ, такъ, какъ сказано; но чтобъ ему придать цвѣтъ золота; то надобно положить въ него шафрану.

10.

Возьми раснова ладану, сандараку и мастики, истолки ихъ хорошенько; налѣй на нихъ виннаго спирта: дай распуститься сему составу на тихомъ огнѣ, или на солнцѣ; смолы удобно распустятся, и составятъ весьма блестящій и скоро засыхающій лакъ.

11.

Возьми двенадцать унцій ректифированнаго виннаго спирта, четыре унціи гумми лаку, и двѣ унціи истолченнаго въ порошокъ сандараку: распусти все сіе въ винномъ спиртѣ, и процѣди сквозь тряпку. Сей лакъ употребляется также, какъ описанной подъ номеромъ 5.

12.

Возьми три унціи сандараку, унцію камфары, полторы унціи желтаго янтарю, засушеннаго и вареннаго терпентину, иначе называемаго фальшивою канифолью, три унціи: истолки все сіе въ порошокъ и распусти въ винномъ спиртѣ.

13.

Турецкой лакъ.

Возьми часть терпентину, и вымой его въ теплой водѣ пять разъ; по томъ истолки особо двѣ части сандараку, которой поставь въ какой либо посудинѣ на огонь: когда начнетъ дымиться; то брось туды терпентинъ съ немногимъ количествомъ аспиднаго масла. По томъ сними съ огня, и влѣй въ сіе часть водки съ тремя частями воды резинной, или смолы древесной: тогда получишь превосходный лакъ, которой въ шесть дней засыхаетъ.

Примѣч. Упомянутая здѣсь вода изъ древесной смолы, и называемая Италіянцами *аква ди раза*, есть аспидное масло, или сѣирное терпентинное масло.

14.

Красной лакъ.

Очисти фунтъ аспиднаго масла, давъ ему четверть часа покипѣть съ фунтомъ глету, или литаргирі-.

умъ. Когда оно симъ образомъ очистится; то положи его съ шестью унціями гумми лаку въ стекляной кубъ, или въ муравленой горшокъ. Когда гумми распустится; то прибавь въ горшокъ киновари, истертой на уринѣ. Дай три слоя сего лаку покрываемой вещи, давая каждому изъ нихъ засыхать по три часа. По томъ положишь послѣдній слой лака, составленнаго изъ одной части виннаго спирта, съ четырмя долями аспиднаго масла и съ довольнымъ количествомъ гумми лаку.

15.

Положи въ стекляной кубъ двѣ унціи сургуча, истолченнаго въ мѣлкой порошокъ и просѣяннаго ситомъ: влѣй въ него четыре унціи терпентиннаго масла, и растопи сургучь тихимъ огнемъ. Покрой вещь однимъ слоемъ сего лака. По томъ, смѣшавъ хорошенько вмѣстѣ сабуру и янтарю, каждаго по двѣ унціи,

растопляя ихъ вмѣстѣ потихоньку въ двенадцати унціяхъ льнянаго масла, и употребляй сей лакъ, для покрыванія сверьхъ перваго.

16.

Лакъ для всякаго цвѣта красокъ.

Возьми гумми копалу унцію, гумми лаку и сандараку, каждаго по четыре унціи. Положи все сіе въ стекляной кубъ съ 24 унціями виннаго спирта, и распускай на горячей золѣ. По томъ процѣди сквозь тонкую и чистую тряпку: наконецъ, прибавя къ процѣженному ложку терпентинной эссенціи, влѣй въ бутылку, и заткнувъ оную плотнѣе, поставь на солнцѣ. Когда содержащаяся въ ней жидкость посредствомъ теплоты очистится; то слѣй чистое изъ сей бутылки въ другую, которую и заткни плотнѣе, для лучшаго соблюденія лака.

Употребленіе. Естьли желаешь имѣть черный лакъ; то примѣшай

къ нему Голладской самой тонкой сажи. Симъ черным лакомъ должно покрыть вещь три раза, давая каждому слою сохнуть въ тѣни; по томъ выполируй вещь, какъ выше предписано, и покрой въ послѣдній разъ свѣтлымъ лакомъ, коего составъ предложенъ будетъ въ слѣдующемъ 17 номерѣ, или какимъ либо другимъ, къ тому удобнымъ. Для лучшаго лакированія надлежитъ, чтобъ покрываемая вещь была тѣпла, и надобно для сего держать ея предъ легкимъ соломеннымъ огнемъ.

Такимъ образомъ можно дѣлать разноцвѣтные лаки, примѣшивая въ нихъ какой пожелаешь краски.

Но должно всегда наблюдать, чтобъ послѣ послѣдняго слоя, давъ ему высохнуть, полировать вещь трепеломъ.

17.

Свѣтлый лакъ, для всякаго рода красокъ.

Вскипѣти не много самаго чистаго терпентину въ орѣховомъ маслѣ: когда онъ нѣсколько покипитъ; то прибавь къ нему не много водки, и еще вскипѣти. Естьли усмотришь, что лакъ съ лишкомъ густъ; то подбавь къ нему не много терпентину.

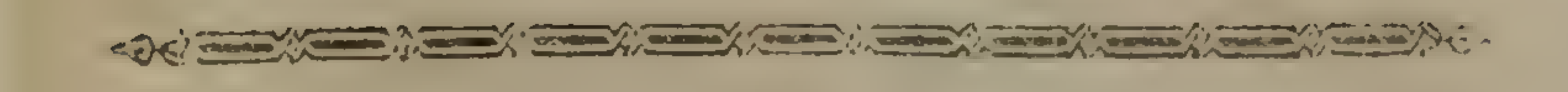
18.

Черный лакъ.

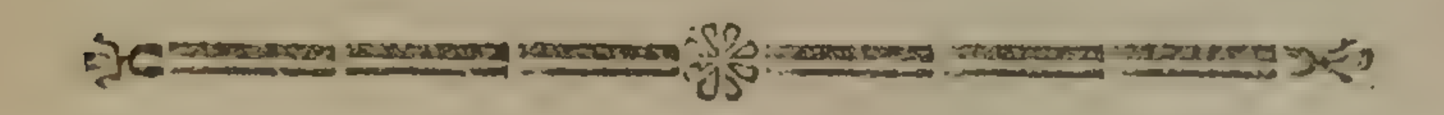
Возьми сандараку и канифоли, въ порошекъ истолченныхъ, каждаго по унціи, и гумми лаку четыре унціи. Растопи канифоль въ довольномъ количествѣ виннаго спирта; подбавь къ тому сандаракъ, такъ же растопленный, и по томъ гумми лакъ въ порошокъ истолченный, мѣшая безпрестанно, пока онъ растопится. Тогда должно процѣдить сію жидкость: естьли что останется на тряпкѣ; то прибавь къ тому не много виннаго спирта, дабы оное распус-

тилося, и по томъ процѣди по прежнему. Наконецъ возьми сажи изъ пережженной слоновой кости, разотри ея на винномъ спиртѣ, и примѣшай сей черной краски двѣ драхмы съ двумя унціями лаку.

Продолженіе будетъ въ слѣдующей части.

СТАТЬЯ НРАВОУЧИТЕЛЬНАЯ

РАЗСУЖДЕНІЕ О ТОМЪ,
что молодые люди, ищущіе единыхъ забавъ, и старики, сожалѣющіе, что не могутъ уже вкушать оныхъ, суть равно презрѣнія достойны.

Изъ всѣхъ смѣшныхъ желаній, кои мы всякой день слышимъ, обращаясь въ обществѣ, нѣтъ ни одного столь недостойнаго честнаго человѣка, какъ то, чтобъ хотѣть быть помоложѣ. Сіе желаніе раждается отъ напоминовенія какого либо прошедшаго постыднаго въ самомъ себѣ дѣянія, или которое не достойно повторенія. Сіе есть знакъ заблужденнаго, или развращеннаго ума, въ томъ, кто думаетъ, что мы имѣемъ нужду въ молодости единственно для того,

чтобъ пользоваться крѣпостію нервовъ и костей, коею мы съ молода обладали. Столь же безразсудно желать старику, говоритъ Цицеронъ, силы молодаго человѣка, какъ сему желать силы быка или лошади. Сіи желанія суть равно противны природѣ, которая должна быть нашею путеводительницею во всемъ томъ, что не противно справедливости, законамъ и разсудку. Хотя всякой старикъ былъ молодъ, и всякой молодой человѣкъ ожидаетъ старости; но кажется, что царствуетъ весьма не естественное несогласіе между сихъ двухъ временъ жизни. Сей злощастный недостатокъ взаимнаго обхожденія произходитъ, или отъ глупой гордости, или отъ безразсудной заносчивости въ молодости, а въ старости отъ неблагоразумнаго унынія. Молодой человѣкъ, почитающій добродѣтель и прилѣпляющійся къ оной, и старикъ, не имѣющій ни малой склонности къ распутству,

не имѣютъ ни малаго участія въ семъ моемъ разсужденіи; одни только пустоголовые щеголи, кои принимаютъ наглый и глупогордый видъ съ старшими себя, и старые дураки, завидующіе ихъ безчинствамъ, суть одни, кои достойны презрѣнія. Я признаюсь, что сіе послѣднее слово весьма жестоко; но какое мнѣніе можно имѣть о молодомъ вертопрахѣ, гоняющемся за едиными чувственными утѣхами, и о старикѣ, которой бѣсится, что уже не въ состояніи оными наслаждаться? — Когда молодые люди предаются совершенно распутнымъ своимъ хотѣніямъ; то люди благоразумные ничего не предвидятъ для нихъ, какъ преждевременную и мучительную старость, естьли смерть не пресѣчетъ еще въ молодости ихъ бѣдственныхъ дурачествъ. Старикъ показывающій сожалѣніе, что не можетъ болѣе вкушать прошедшихъ утѣхъ; симъ являетъ отвратительную склонность

къ распутству. Старикъ угрюмый, по причинѣ лѣтъ своихъ, есть изъ всѣхъ тварей противоположнѣйшій правиламъ здраваго смысла и разсудка. Какія печальныя мысли раждаетъ старый волокита, негодующій одинъ съ демонами на уставы провидѣнія, между тѣмъ, какъ все тваря онымъ покаряются? — Какъ бы то ни было; однако же разсмотримъ, что онъ потѣрялъ съ лѣтами своими. Онъ не можетъ болѣе удовлетворять страстямъ, кои имѣлъ въ молодости; но разсудокъ его, не возмущаемый уже оными, становится тверже и основательнѣе. Одинъ престарѣлый дворянинъ разговаривая на сихъ дняхъ съ нѣкоторымъ изъ своихъ пріятелей о старинныхъ приключеніяхъ, кои они въ молодости имѣли, вскричалъ: ахъ, другъ мой! Тото было время! Ето правда, отвѣчалъ ему другой; но мы тогда не были такъ спокойны, какъ теперь. Не малое должны мы

чувствовать удовольствіе, миновавъ чрезмѣрный жаръ нашей юности. Когда и самая жизнь наша есть горячка для молодыхъ повѣсъ; то утѣхи въ оной, ими вкушаемыя, ни что иное, какъ брѣдъ; и не мѣнѣе смѣшно желать возвращенія сего времени нашей жизни, какъ человѣку здоровому жалѣть о тѣхъ великолѣпныхъ палатахъ и очаровательныхъ садахъ и гульбищахъ, кои ему мѣчталися, какъ онъ былъ болѣнъ сильною горячкою.

Что касается до разумныхъ утѣхъ, и кои одни достойны сана человѣческаго, и состоятъ въ наслажденіи честнымъ именемъ, въ надежде вѣчнаго блаженства, и въ сообществѣ добрыхъ людей; то мы болѣе удобности имѣемъ пользоваться оными по мѣрѣ приближенія нашего къ старости. Естьли жизнь, подобно драмѣ, раздѣлить на дѣйствія, и слѣдовать свѣтильнику разума; то послѣднее дѣйствіе найдется

лучшимъ и достойнѣйшимъ предпочтенія, естьли человѣкъ наслаждается въ теченіе онаго совершеннымъ здоровьемъ. Напоминовеніе молодости, проведенной въ добродѣтели, представляетъ уму утѣху благоразумную, спокойную и ни чемъ не отравляемую.

Съ другой стороны, тѣ, кои по нещастію не могутъ съ удовольствіемъ разсуждать о прошедшей своей жизни, имѣютъ, по крайней мѣрѣ, то утѣшеніе, что не подвержены они болѣе тѣмъ искушеніямъ, и не впадутъ въ прежнія свои дурачества. Весьма хорошо сказано, что желающій быть долго старымъ, долженъ рано начать таковымъ быть. И дѣйствительно: естьли мы не отстанемъ отъ нашихъ порочныхъ склонностей прежде, нежели время учинитъ насъ къ онымъ не способными; то уже тогда будетъ поздо, и страсть останется у насъ въ сердцѣ, хотя мы и не будемъ въ состояніи удовлетворить оной.

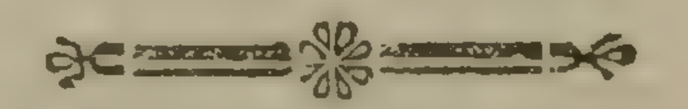
Желаніе блистать въ такъ называемомъ большомъ свѣтѣ, ничтожными и суетными качествами, причиною тому, что молодые люди презираютъ стариковъ, а старые столь смѣшно дѣлаются молодыми; но сіе есть совершенное испровержение порядка и правилъ разсудка въ обѣихъ полахъ: ибо вмѣсто того, чтобъ слѣдовать естественному направленію ума, коего должность состоитъ въ томъ, чтобъ одобрять, или охуждать предлагаемое природою и разумомъ, гоняются за привидѣніями.

Пожилой возрастъ добродѣтельной особы, того, или другаго пола, даетъ ей родъ нѣкотораго надвластія, которое гораздо предпочтительнѣе всѣхъ тщетныхъ утѣхъ юности. Естьли почтеніе, покорность и уваженіе причиняютъ какое либо удовольствіе получающему оныя человѣку; то можно сказать, что старый добродѣтельный мужь не имѣетъ въ

оныхъ никакого недостатка. Сравнивъ недостатки и выгоды сихъ обѣихъ состояній жизни нашей, найдемъ мы въ нихъ такое равенство, что удивительно, какъ нѣтъ большей связи у старыхъ людей съ молодыми. Сіи приближаются къ смерти гораздо многочисленнѣйшими дорогами, по замѣчанію Цицерона: и какой молодой человѣкъ можетъ сказать справедливѣе старика, что онъ проживетъ до завтрешняго дня? Молодость подвержена большимъ немощамъ. Болѣзни сихъ лѣтъ суть жесточаѣ, а выздоровленіе сомнительнѣе. По истиннѣ, молодой человѣкъ надѣется прожить долѣе; но сія надежда весьма неосновательна, по тому, что ни чего нѣтъ безразсуднѣе, какъ полагаться на неизвѣстность. Старикъ, которой не имѣетъ ни какого повода симъ ласкаться, тѣмъ самымъ и щастливѣе молодаго; ибо онъ уже насладился тѣмъ, чего другой только еще на-

дѣется: одинъ желаетъ долго жить; а тотъ уже жилъ долго. Но, увы! Естьли что въ жизни человѣческой, чтобъ можно было назвать симъ словомъ? Все то, что долженствуетъ нѣкогда кончиться, не заслуживаетъ никакого уваженія въ разсужденіи продолжительности своей. Когда часы, дни, мѣсяцы и годы протѣкаютъ; то какая нужда, въ какой часъ, въ какой день, въ какомъ мѣсяцѣ, или въ какомъ году мы умремъ. Хорошему актеру должно рукоплескать, въ какомъ бы онъ явленіи піесы не окончилъ свое лице, и въ какое бы время ни сошелъ съ театра. Такъ точно и человѣкъ честный и здравомыслящій: кратчайшей жизни довольно ему, дабы доказать обществу, что онъ честенъ и добродѣтеленъ; естьли же отступитъ отъ должности своей; то какъ бы онъ мало не жилъ, но жилъ надмѣру долго. Естьли всегда будетъ выполнять обязанности, на-

лагаемыя на него правилами честности, и продолжитЪ поступать такЪ до конца своей жизни; то краткость, или продолжительность оной не составляетЪ для него ни какой важности.

О ТОМЪ,

ЧТО ДВИЖЕНІЕ И ВОЗДЕРЖНОСТЬ

суть два главнѣйшія предохранительныя средства отЪ болѣзней.

Тѣло наше такЪ устроено, что движеніе необходимо нужно для сохраненія онаго вЪ здоровомЪ состояніи. Но есть и другое предохранительное средство, не меньше полезное и сильное, и которое можетЪ замѣнить мѣсто движенія, когда не льзя исполнять ихЪ обѣихЪ. Предохранительное, о коемЪ я хочу сказать, есть воздержность, которая превосходитЪ всѣ средства, для сохраненія

здоровья изобрѣтенныя, по тому, что оное можно исполнять всякаго званія людямъ, во всякомъ мѣстѣ и во всякое время. Ето есть родъ діеты, которую каждой можетъ на себя наложить, не прерывая своихъ дѣлъ, и не тратя ни денегъ ни времени. Ежели движеніе очищаетъ и освобождаетъ тѣло отъ всякой излишности; то воздержность предупреждаетъ накопленіе сей излишности: естьли движеніе прочищаетъ каналы; то воздержность никогда не загграждаетъ ихъ, и не засоряетъ. Естьли движеніе приводитъ соки наши въ надлежащее равновѣсіе, и споспѣшествуетъ чрезъ то кровообращеніе; то воздержность даетъ полную свободу дѣйствовать натурѣ, которая можетъ тогда употреблять всю свою силу: естьли движеніе прогоняетъ начинающуюся болѣзнь; то воздержность истребляетъ ее и искореняетъ.

Большая часть лѣкарствъ служатъ токмо къ замѣщенію недос-

статка движенія, или воздержности. Правда, что лѣкарства необходимо нужны въ жестокихъ и скоропостижныхъ болѣзняхъ, кои не позволяютъ прибѣгать къ медлѣнному дѣйствію сихъ двухъ великихъ стражей здоровья: но естьли бы люди пріобыкли къ движенію и воздержности; то, почти, никогда не имѣли бы нужды въ лѣкарствѣ. Мы видимъ, что люди, живущіе звѣриною ловлею суть здоровѣйшіе, и что жизнь ихъ была продолжительнѣе, когда они тѣмъ однимъ питалися. Шпанскія мухи, кровопусканія и проч. употребляются одними, почти, тунеядцами и распутными людьми. Сверьхъ же того, всѣ сія слабительныя лѣкарства, столь часто нами употребляемыя, служатъ только къ поддержанію здоровья, купно съ невоздержностью: Аптекари упражняются въ дѣланіи подкоповъ подъ поваровъ, кои съ своей стороны подъ нихъ подкапываются, такъ, какъ и винопродавцы.

увѣряютъ, что Діогенъ, встрѣтясь на улицѣ съ молодымъ человѣкомъ, идущимъ на пиръ, отвелъ его домой, подъ видомъ спасти его отъ крайней опасности, въ которую онъ добровольно вдавался. Но что сказалъ бы сей философъ нынѣ, естьли бы видѣлъ онъ роскошное лакомство нашихъ новыхъ столовъ? Не почелъ ли бы онъ человѣка за дурака, и не сталъ ли бы приказывать слугамъ связать его, какъ съумасшедшаго, увидя, что онъ въ одинъ обѣдъ пожираетъ птицъ, рыбу, говядину, телятину, баранину, поросятину, поглощаетъ масло и уксусъ съ саладами, изъ тридцати разныхъ травъ приготовленными, пьетъ трехъ или четырехъ родовъ вино, поджигаетъ апетитъ смертоносными соусами, въ которые накладено тысяча пряностей, ѣстъ закуски и плоды безчисленной различности вкуса и запаха? Какія сильныя потрясенія, и какое безпорядочное броженіе, дол-

жна произвести въ тѣлѣ столь безобразная смѣсь? Что касается до меня, когда я вижу столъ набранныя со всемъ нынѣшнимъ моднымъ великолѣпіемъ; то мнѣ кажется видѣть подагру, каменную болѣзнь, водяную, горячки, лихорадки и тьму разныхъ иныхъ немощей, коимъ мы подвержены, сидящихъ въ засадѣ между блюдами и торелками.

Природа довольствуется простѣйшимъ и обыкновеннѣйшимъ. Всѣ животныя, выключая человѣка, питаются однимъ кушаньемъ. Иные ѣдятъ рыбу, другіе траву, тѣ мясо, а сіи коренья. Одинъ только человѣкъ ѣстъ все, что ни попало; ни что отъ него не ускользаетъ; малѣйшій овощь, малѣйшій земной наростъ, ягодки, сморчокъ, все должно служить его пищею, или угождать его жадности.

Не возможно установить и положить правилъ воздержанію, по тому, что одна и та же вещь можетъ

быть колйкостію для одного, и воздержностію для другаго: но мало находится людей, кои бы, достигнувъ извѣстнаго возраста, не вѣдали, какая пища имъ болѣе прилична. Естьли бы я былъ лѣкарь моихъ читателей, и долженъ бы былъ предписывать имъ правила воздержности, соразмѣрно состоянію каждаго, а особливо, смотря по климату нашему и образу жизни; то предписалъ бы я имъ сіи, однимъ славнымъ Медикомъ предложенныя: *не ѣшь никогда больше одного блюда: естьли же отвѣдаешь другова; то не пѣй ни какого крѣпкаго напитка, прежде окончанія обѣда. Сверьхъ сего, воздерживайся отъ соусовъ, развѣ будутъ они весьма просто и безъ всякой примѣси изготовлены.* Человѣкъ, желающій держаться сего краткаго предписанія, и столь удобовыполнительнаго, не можетъ, кажется, впасть въ излишество. Слѣдуя первому, безопасенъ онъ отъ разности вкуса,

которая влечетъ къ крайности; а по вторюму онъ уклоняется отъ всѣхъ хитростей, изобрѣтенныхъ для приданія ложнаго аппетита, или для возвращенія онаго, когда онъ совсемъ почти изчезъ. Что касается до числа рюмокъ вина, кои должно за столомъ выпить; то должно слѣдовать въ томъ одному славному Аглинскому писателю, которой говоритъ: первую рюмку пью для себя, вторую для моихъ пріятелей, третью для радости, а четвертую для враговъ моихъ. Но, поелику человѣкъ, живущій и обращающійся въ свѣтѣ, не можетъ строго наблюдать сихъ правилъ; то мнѣ кажется, чтобъ, по крайней мѣрѣ, всякому надлежало положить дни воздержанія, смотря по своему сложенію. Сей-то есть истинный способъ привести натуру въ состояніе сносить голодъ и жажду, когда того болѣзнь или должность требуетъ, избавляться отъ тягости, возобновлять потерянныя

силы, и возвращать всѣмъ ослабшимъ пружинамъ всю ихъ упругость к дѣятельности, кромѣ того, что къ статѣ употребленное пощеніе часто отклоняетъ какую либо жестокую болѣзнь, и съ корнемъ вырываетъ ея изъ нашего тѣла. Древніе писатели повѣствуютъ намъ, что Сократъ не чувствовалъ ни малаго вреда отъ жестокой язвы, опустошавшей городъ Аѳины, и которая столь славна въ Исторіи: сіе приписываютъ они воздержности, наблюдаемой всегда симъ философомъ.

Я не могу утерпѣть, чтобъ не включить здѣсь нѣкотораго примѣчанія, родившагося въ умѣ моемъ, всякой разъ, какъ читалъ я житія древнихъ философовъ, сравнивъ ихъ съ жизнію Государей и Вельможь. Кажется, что жизнь первыхъ, коихъ почти вся философія состояла въ наблюденіи воздержанія и тѣлодвиженія, имѣла совсемъ особливые предѣлы, нежели жизнь прочихъ людей.

По крайней мѣрѣ, всегда видимъ мы, что при смерти своей они были ближе ко сту лѣтъ, нежели къ шестидесяти. Но нѣтъ примѣра, показывающаго яснѣе, что воздержаніе много споспѣшествуетъ долголѣтію, какъ примѣръ Лудовика Корнаро, Нобля Веницѣйскаго. Я тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ о немъ упоминаю, что оный утвержденъ многими достовѣрными людьми, кои лично его знали. Сей Лудовикъ Корнаро, былъ весьма слабъ и немощенъ до тридцати-пяти, или сорока-лѣтняго возраста. Тогда вздумалъ онъ предписать себѣ строжайшую діету, и симъ столь укрѣпилъ разстроенное свое здоровье, что, достигнувъ осмидесяти лѣтъ, издалъ въ свѣтъ небольшую книжку о томъ, подъ симъ заглавіемъ: *истинный способъ прожить болѣе ста лѣтъ въ совершенномъ здоровьѣ.* Онъ жилъ еще послѣ сего столько, что сдѣлалъ три или четыре изданія своей книжки, и проживъ дѣй-

ствительно болѣе ста лѣтъ, умеръ безъ всякой боли, или, лучше сказать, заснулъ съ своими предками. Многіе авторы говорятъ съ похвалою о сей книжкѣ, гдѣ видны веселость, то спокойствіе духа, здравый смыслъ и страхъ Божій; сопутствующіе всегда съ человѣкомъ воздержнымъ, добродѣтельнымъ и трезвымъ.

РАЗСУЖДЕНІЕ О ТОМЪ,
что качества разума и сердца предпочтительнѣе красотѣ лица.

Одинъ изъ моихъ пріятелей имѣетъ двухъ дочерей, коихъ назову я одну Дафною, а другую Летиціею. Первая есть одна изъ славнѣйшихъ красавицъ нашего вѣка, а вторая не имѣетъ ни какихъ прелѣстей, по которымъ бы можно было ее замѣтить. Ихъ щастіе и нещастіе, ка-

жется, зависятъ отъ одного сего наружнаго обстоятельства. Дафна съ самой колыбели слыша одни похвалы красотѣ своей, осталася таковою, какою произвела ея природа, то есть, весьма красивымъ для глазъ предметомъ Будучи увѣрена въ своихъ прелѣстяхъ, она горда и нагла до несносности со всѣми обращающимися съ нею. Летиція же, не слыхавшая до двадцати лѣтъ ни малѣйшей себѣ учтивости, увидѣла себя принужденною стараться усовершенствовать природныя свои дарованія, дабы тѣмъ вознаградить недостатокъ прелѣстей, видимыхъ ею въ сестрѣ своей. Сія бѣдная дѣвица ни когда, почти, не была права во всѣхъ случающихся спорахъ; ни кто не уважалъ ея рѣчей, хотя онѣ были всегда исполнены здраваго смысла и ума, по тому, что она принуждена была свѣсить всякое слово прежде начатія говорить. Но съ Дафною было совсемъ другое; ея всегда

слушали съ благосклонностїю, и одобряли уже прежде, нежели она скажетъ одно слово. Сїи столь различные поступки произвели дѣйствїя, соразмѣрныя ихъ причинамъ. Съ Дафною весьма скушно говорить, а разговоры Летицїи, напротивъ того, весьма прїятны. Дафна, увѣренная во общей къ себѣ благосклонности, не училася искусству нравиться; но Летицїя, не имѣя надѣжды на сїю выгоду, полагалася только на свои дарованїя. На лицѣ Дафны видно всегда нѣчто важное и печальное; Летицїя же являетъ въ себѣ веселость, откровенность и спокойство духа. Прошедшею зимою одинъ дворянинъ, увидя Дафну въ комедїи, смертельно въ нее влюбился. Онъ былъ столько богатъ и знатенъ, что не имѣлъ нужды искать, кто бы его познакомилъ съ отцемъ ея, и какъ скоро объявилъ свое желанїе; то былъ принятъ въ домѣ и наслаждался всею свободою родственника;

но благосклонности его любовницы состояла въ однихъ только принужденныхъ видахъ, въ строгихъ взорахъ, и въ нѣкоторыхъ почтительныхъ вѣжливостяхъ. Летиція же принимала его всегда съ веселостію и съ невинною вольностію сестры, что заставляло его часто говорить: о любезная Летиція! Естьли бы ты была такъ хороша, какъ Дафна? — Она сіи слова принимала съ обыкновеннымъ своимъ веселымъ видомъ: ибо не имѣла ни какихъ касательно его намѣреній. Между тѣмъ, онъ все продолжалъ тайно воздыхать о своей красавицѣ, и находилъ всегда утѣшеніе въ обхожденіи любви достойной Летиціи. Наконецъ, наскучивъ глупою гордостію Дафны, и прельстясь милымъ нравомъ другой сестры, сказалъ онъ ей въ одинъ день, что имѣетъ ей нѣчто сообщить, которое, можетъ быть, будетъ ей непротивно. Божусь тебѣ, Летиція, сказалъ онъ, что я въ

тебя страстно влюбился, а сестру твою презираю. Такое нечаянное и необыкновенное объявленіе столь смѣшно показалося его новой любовницѣ, что она не могла утерпѣть, чтобъ не захохотать. Я это предвидѣлъ, сказалъ онъ, что ты будешь надо мною смѣяться; но я буду просить тебя у твоего батюшки. Онъ не преминулъ того здѣлать: отецъ ея, обрадованный, что останется ему только одна красавица, которую, думалъ онъ, легко будетъ ему сбыть съ рукъ, принялъ его прозьбу съ величайшимъ удовольствіемъ и удивленіемъ. Что до меня; то я ничего не нашелъ забавнѣе побѣды, учиненной пріятельницею моею Летиціею. Всѣ ея знакомые поздравляли ее съ столь неожидаемымъ щастіемъ, и смѣются надъ смертоубійственнымъ жеманствомъ ея сестры.

Естьли кто сокрушается о нѣкоторыхъ природныхъ своихъ недостаткахъ; тотъ показываетъ чрезъ

то свое малоумїе; но съ другой стороны, столь же недостойно превозноситься за получаемыя нами выгоды отъ ея щедрости. Кажется, что женщины въ разсужденїи сего неисправимы. Какъ бы то ни было, я включу здѣсь, въ ихъ пользу, выписку изъ одного письма, писаннаго моимъ прїятелемъ о красавицахъ, кои дѣлаютъ изъ того свое званїе, и кои суть не менѣе несносны мущинъ, превозносящихся остроумїемъ своимъ.

„Г. Сент-Евремонтъ говоритъ „нѣгдѣ, что умирающая красавица „не столько сожалѣетъ о жизни, „сколько о красотѣ своей. Можетъ „быть, что свою насмѣшку надмѣру „далеко онъ простираетъ; но она „основана на неоспоримомъ замѣчанїи, „состоящемъ въ томъ, что сильнѣйшая страсть въ женскомъ полѣ „есть страсть къ красотѣ. Отъ „сего происходитъ, что всѣ хитрости, изобрѣтенныя для умноженїя „или поддержанїя ея, принимаютъ

,,отъ съ распростертыми руками.
,,Не говоря о всѣхъ шарлатанствахъ,
,,къ тому употребляемыхъ, и кои
,,ежедневно расходятся въ семъ ве-
,,ликомъ городѣ, (въ Лондонѣ) нѣтъ
,,ни одной порядочнаго дому дѣвуш-
,,ки во всей Англіи, которая бы не
,,знала похвалъ, приписываемыхъ
,,Майской росѣ, и которая бы не
,,имѣла какого рецепта, для прида-
,,нія лучшаго цвѣта лицу. Я самъ
,,зналъ одного искуснаго Врача, че-
,,ловѣка здравомыслящаго, которой,
,,проводивъ восемь лѣтъ въ Уни-
,,верситетѣ, и объѣздивъ многія Ев-
,,ропейскія страны, прославился по-
,,средствомъ одной изъ тѣхъ худо-
,,жественныхъ водъ, кои почитают-
,,ся способными придавать лицу
,,красоты.

,,Сія, почти, всѣмъ женщинамъ
,,общая страсть, раждающаяся отъ
,,похвальной причины, или желанія
,,нравиться, и основанная на довольно
,,справедливомъ мнѣніи, что искус-

„ство можетъ помогать природѣ;
„подало мнѣ поводъ къ размышле-
„нію о средствахъ, могущихъ обра-
„тить то въ ихъ пользу. И такъ,
„мнѣ кажется, что весьма бы прі-
„ятную услугу оказали имъ; когда
„бы, изхитивъ ихъ изъ рукъ пло-
„щадныхъ лѣкарей, и воспрепятство-
„вавъ имъ давать себя въ обманъ,
„открыли бы имъ истинную тайну
„сохранять ихъ красоту, или ум-
„ножать блескъ оной.

„Но прежде начатія сей мате-
„ріи, надлѣжитъ положить нѣсколь-
„ко фундаментальныхъ правилъ.

„1. Что однѣ черты лица столь
„же мало способны сдѣлать женщи-
„ну красавицею, какъ простой даръ
„слова придать ей ума.

„2. Что гордость разрушаетъ
„всю симметрію и пріятность; а
„жеманство болѣе оспы лицо без-
„образитъ.

„3. Что женщина не можетъ
„быть красавицею, естьли способна
„она къ вѣроломству.

„4. Что ненавистное въ прія„тельницѣ, въ любовницѣ стано„вится уродливымъ.„

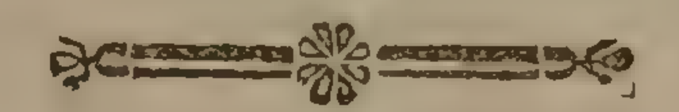
Положивъ сіи правила, легко доказать, что истинный способъ увеличивать красоту состоитъ въ томъ, чтобъ украсить себя всѣмъ тѣмъ, что добродѣтельно и похвалы достойно. Симъ однимъ тѣ, коихъ природа избрала своими любимцами, или, какъ говоритъ Аглинскій стихотворецъ Дриденъ, которыя сдѣланы изъ чистѣйшаго фарфора рода человѣческаго, оживляются и бываютъ въ состояніи, блистать своими прелѣстями. Чрезъ сіе также и обиженныя природою, или, такъ сказать, на скорую руку сотворенныя, могутъ вознаградить всѣ свои наружныя недостатки.

Сверьхъ всего того, не на то ли женщины созданы, дабы услаждать наши горести, и содѣлывать наши радости совершеннѣйшими и чистѣйшими? И не весьма ли то

низкая и недостойная ихъ мысль, чтобъ почитать ихъ единственными предметами, для увеселенія глазъ нашихъ созданными? Симъ отнимаемъ мы у нихъ все пространство ихъ власти, и ставимъ наряду съ ихъ раскрашенными лицами. Красота, возвышенная добродѣтелью, пленяющею умъ и сердце, не есть ли предметъ, несравненно благороднѣйшій? Сколь заразы прелѣстницы суть приторны и противны, въ сравненіи съ настоящими прелѣстями невинности, благочестія, непритворнаго веселонравія и откровенности Сильвіи! Сіи добродѣтели прибавляютъ новую пріятность ея полу, и украшаютъ, такъ сказать, самую ея красоту. Сія пріятность, которая бы наконецъ оставила дѣвицу, соблюдается нынѣ въ нѣжной матери, въ благоразумной пріятельницѣ и въ вѣрной супругѣ. Краски, искусно на холстинѣ расположенныя, могутъ увеселить зрѣніе, нетрогая сердца; и та жен-

щина, которая не старается присоединять душевныхъ качествъ къ тѣлеснымъ дарованіямъ, можетъ только позабавить зрителей, яко картина; но никогда не восторжествуетъ надъ ними, яко красавица.

И такъ, да вѣдаетъ гордая красавица, что не смотря на все то, что зеркало ея представляетъ ей лѣстнаго, правильныя ея черты не будутъ имѣть ни силы, ни жизни, не будучи оживотворены божественными лучами добродѣтели и разума.

ПРОЖЕКТЫ.

НРАВОУЧИТЕЛЬНАЯ ПОВѢСТЬ,

переведенная съ Аглинскаго.

Я имѣю теперь 100,000 гвиней, говорилъ престарѣлый Г.... всходя на высокую гору, отколѣ видны были богатыя помѣстья, имъ купленныя.

Я пріобрѣлъ сіи 100,000 гвиней

моими трудами: я куплю сыну моему мѣсто въ Парламентѣ, а дочь мою выдамъ за какого нибудь Лорда и Пера Королевства.

Мнѣ только еще шестьдесятъ пять лѣтъ отъ роду; съ моими 100,000 гвинеями я здоровъ и крѣпокъ, ѣмъ и пью хорошо, и проведу остатокъ жизни моей въ веселости.

Такъ, конечно, повторилъ съ жаромъ Г..... взошедъ на гору, *я имѣю 100,000 гвиней!* Здѣсь я построю себѣ домъ; тутъ разведу садъ: вотъ мѣсто, гдѣ будутъ мои житницы и анбары, а здѣсь построю оранжерею, въ которой разведу пропасть ананасовъ.

Сіи избы мнѣ не нравятся; я велю ихъ сломать.

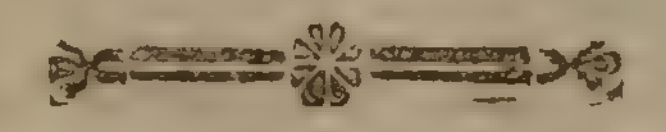
Но куды дѣнутся крестьяне, спросилъ у него идущій за нимъ его прикащикъ? А что мнѣ до того за дѣло, отвѣчалъ старый Г.... Мѣльница, которую ты видишь, будетъ также разломана, и не будетъ бо-

лѣе остановлять рѣчки, орошающей мои луга.

Гдѣ же крестьяне будутъ молоть свой хлѣбъ, спросилъ приказщикъ? Ето не мое дѣло, прервалъ старикъ.

Г..... возвратился домой весьма доволенъ своею прогулкою; онъ поужиналъ очень охотно, размышляя о своихъ прожектахъ; пилъ много, выкурилъ двѣ трубки табаку, и легъ спать. Вскорѣ заснулъ, и болѣе уже не просыпался.

Крестьяне живутъ еще и по сіе время въ тѣхъ избахъ, кои Г..... хотѣлъ сломать; мѣлютъ свой хлѣбъ въ той мѣльницѣ, которую онъ хотѣлъ разрушить, а помѣщикъ ихъ преданъ забвенію.

ИЗБРАННЫЯ МЫСЛИ СЛАВНѢЙШИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ О РАЗНЫХЪ ПРЕДМЕТАХЪ.

О ЧЕСТНОСТИ.

Честный человѣкъ не долженъ никогда быть судимъ другими, но самъ собою: и какъ скоро онъ себя осуждаетъ; то ни кто извинить его не можетъ.

Честность подобна пространному морю, которое вмѣщаетъ въ себѣ всѣ рѣки; а та должна вмѣщать въ себѣ всѣ добродѣтели.

Честность не есть, какъ то многіе думаютъ, такая добродѣтель, которая бы вела въ богадѣльню. Мы видимъ въ городѣ двухъ человѣкъ, одинакаго состоянія, изъ коихъ одному недостаетъ честности, а другой наполненъ оною и мыслитъ благо-

родно. Сей пріобрѣтаетъ довѣренность, и приводитъ свои дѣла въ цвѣтущій порядокъ; другой же, потѣрявъ кредитъ, приходитъ въ нищету.

Нечувствительность и ожесточеніе сердецъ дошли до такой крайности, что бѣдность честнаго человѣка не получаетъ иной помощи, кромѣ безплодной похвалы.

О ЩЕДРОСТИ.

Чтобъ быть щедрымъ, надлѣжитъ имѣть три качества: власть, дабы быть въ состояніи обязать; великодушіе, дабы обязывать безъ корысти и не ожидая заплаты; наконецъ, благоразуміе, чтобъ умѣть хорошо управлять онымъ. И такъ, щедрость есть исчадіе богатства, добросердечія и мудрости.

О ПОХВАЛАХЪ.

Мы охотнѣе хвалимъ тѣ дѣй-

ствія, о коихЪ слышали, нѣжели тѣ, кои сами видѣли: настоящіе возбуждаютЪ вЪ насЪ зависть, а прошедшіе наше почтеніе; ибо мы не боимся, чтобЪ сіи насЪ помрачили, или открыли бы нашу малость, а о настоящихЪ мы думаемЪ, что они насЪ наставляютЪ и унижаютЪ.

Похвала есть дань, справедливо платимая талантамЪ и добродѣтелямЪ. Она оживотворяетЪ художества, возбуждаетЪ соревнованіе: но надлѣжитЪ, чтобЪ она была у мѣста.

Когда дѣвушка хвалитЪ другую за какое либо дарованіе, или хорошее качество; то будьте увѣрены, что она сама обладаетЪ симЪ качествомЪ вЪ вышней степени.

Самая лѣстная похвала для пригожей женщины есть зло, говоримое о ея соперницахЪ.

АПОѲЕГМЫ,

или нравоучительныя достопамятныя сказанія древнихъ Философовъ.

Пифагоръ. Зрѣлище свѣта подобно играмъ Олимпійскимъ. Одни тамъ держатъ лавки, и помышляютъ только о полученіи барыша; другіе дѣйствуютъ на оныхъ, и подвергаясь опасности, ищутъ славы; иные довольствуются только смотрѣніемъ на игры сіи, и участь сихъ послѣднихъ, не есть хуждшая.

Другъ, скрывающій отъ насъ наши пороки, есть для насъ вреднѣе врага, укоряющаго насъ оными.

Духъ, имѣющій надмѣру много нужды въ своемъ тѣлѣ, учиняетъ темницу свою несносною.

Ничего нѣтъ стыдливѣе худой совѣсти.

Фалесъ. Великая охота говорить, есть знакъ дурачества.

Блаженство тѣла состоитъ во здравіи, а блаженство духа въ знаніи.

Хилонъ. Кто желаетъ найти въ женѣ красоту, богатство и знатность вмѣстѣ; тотъ хочетъ имѣть госпожу вмѣсто подруги.

Великая душа ни когда не забываетъ оказанныхъ ей благодѣяній; но легко предаетъ забвенію тѣ, кои она другимъ оказала.

Три самыя трудныя вещи суть: сохранить тайну, позабыть обиду, и хорошо употреблять досужные часы.

Столь же подло нападать на безоружнаго человѣка, какъ и злословить тѣхъ, кои не могутъ защищаться.

Въ молодости должно быть благоразумну и осторожну; а веселость есть бальсамъ старости. Сію мысль изъяснилъ Хилонъ такъ: должно быть молоду въ старости, и стару въ молодости.

Питтакъ. Прощеніе лучше раскаянія: то есть, что лучше прощать, нежели мстить; поелику за мщеніемъ слѣдуетъ всегда раскаяніе.

Не открывай никогда предпринятаго тобою намѣренія: дабы не быть подвержену посмѣшеству, естьли ты въ немъ не успѣешь.

Половина лучше цѣлаго. Сіе есть родъ загадки, которую Питтакъ оставилъ намъ угадывать; но ее можно изъяснить, сказавъ, что кто все имѣетъ, тому не осталося ни чего желать. А поелику желаніе есть мѣра удовольствія; то человѣкъ безъ

желаній необходимо долженъ быть несчастливъ.

Віасъ. Изъ всѣхъ приключеній въ жизни нашей бываемыхъ, ни одного нѣтъ столь несноснаго, какъ перемѣна счастія.

Лучше быть судіею между врагами, нѣжели между друзьями; ибо въ первомъ случаѣ мы непремѣнно пріобрѣтаемъ друга, а въ другомъ врага.

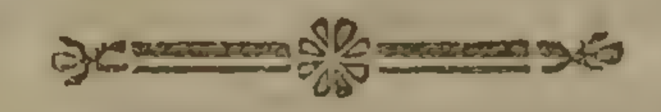
Клеовулъ. Двухъ вещей должно опасаться: зависти пріятелей и ненависти непріятелей.

Анахарзисъ. Видъ пьянаго человѣка есть лучшее наставленіе трезвости, которое можно дать дѣтямъ.

Анаксагоръ. Лѣты и сонъ открываютъ намъ по немногу дорогу къ смерти.

Знаніе столь же вредно неумѣющимъ онымъ пользоваться, сколько другимъ полезно; или, какъ говоритъ Монтань, оно есть скипетръ въ рукахъ мудрыхъ, а въ безумныхъ гремушка.

Продолженіе будетъ впредь.

О ХУДОМЪ ВОСПИТАНІИ СЕЛЬСКИХЪ ДВОРЯНЪ.

Примѣръ хорошаго воспитанія въ сынѣ Евдокса и въ дочери Леонтина.

Вчера, прогуливаясь съ пріятелемъ моимъ К. увидѣлъ я ѣдущаго верьхомъ молодаго человѣка, румянаго и повидимому крѣпкаго и сильнаго, которой проскакалъ мимо насъ съ двумя слѣдующими за нимъ слугами. Я спросилъ у моего пріятеля, кто такой былъ сей хорошій молодецъ, и узналъ отъ него, что то былъ мо-

лодой весьма богатой дворянинъ, воспитываемый нѣжною матерью, которая жила за нѣсколько миль отъ того мѣста, гдѣ мы находилися. Она очень добрая барыня, продолжалъ мой другъ; но по несчастію столько старалася о здоровьѣ своего сына, что онъ ни къ чему болѣе не способенъ, какъ только быть здоровымъ. Она вскорѣ примѣтила, что чтеніе утомляетъ его зрѣніе, а отъ писанія болитъ у него голова. И такъ, пустила она его по лѣсамъ, какъ скоро онъ могъ ѣздить верьхомъ, и носить на плечѣ ружье. Однимъ словомъ, я узналъ тутъ отъ моего пріятеля, что сей молодой человѣкъ, кромѣ здоровья, ни чемъ не обладаетъ; и что, ежели цѣль нашего созданія состоитъ только въ томъ, чтобъ жить; то въ цѣломъ Государствѣ не найдется подобнаго сему молодца.

Должно признаться, что съ тѣхъ поръ, какъ я живу въ деревнѣ, случилось мнѣ слышать о великомъ

множествѣ молодыхъ людей, ожидающихъ, или получившихъ богатое наслѣдство, кои, или будучи поддерживаемы лѣстію своихъ служителей, или отъ того, что и воспитывающіе ихъ заражены такимъ же дурачествомъ, думаютъ, что имъ нѣтъ нужды въ прочихъ дарованіяхъ, и ни къ чему иному не служатъ, какъ только къ размноженію своего потомства, которому по прямой линѣи достаются ихъ помѣстья и достоинства.

Сіе мнѣ часто приводитъ на мысли истинное приключеніе двухъ пріятелей, которое я здѣсь подробно сообщу, подъ скрытыми именами: ибо мораль, содержащаяся воономъ, весьма полѣзна.

Евдоксъ и Леонтинъ были весьма недостаточные люди, какъ начали показываться въ свѣтѣ. Они были оба умны и добродѣтельны. Учася вмѣстѣ, сдѣлались они неразрывными друзьями, и продолжали быть

таковыми до конца своей жизни. Когда Евдоксъ началъ искать своего счастія; то нашелъ средство проникнуть въ нѣкоторой Дворъ, гдѣ, съ помощію своихъ природныхъ и пріобрѣтенныхъ дарованій, былъ употребляемъ въ разныя должности, и занимая постепенно разные чины, дошелъ до высокой степени, и пріобрѣлъ великое богатство. Леонтинъ, напротивъ того, ни о чемъ другомъ не старался, какъ обогащать свой умъ науками, обхожденіемъ съ разумными людьми и путешествіями. Онъ не только имѣлъ свѣденіе во всѣхъ наукахъ; но и зналъ всѣхъ знаменитѣйшихъ ученыхъ людей въ Европѣ. Онъ разумѣлъ совершенно выгоды Государей, зналъ обыкновенія и правила придворныя, и едва находилъ въ Вѣдомостяхъ имя какого либо славнаго человѣка, съ которымъ бы онъ не говорилъ, или, по крайней мѣрѣ, не видалъ его. Однимъ словомъ, онъ столь хорошо

обдумалъ и смѣшалъ познанія свои о людяхъ и книгахъ, что самъ учинился однимъ изъ совершеннѣйшихъ мужей своего вѣка. Въ продолженіе наукъ своихъ и путешествій, онъ велъ всегда исправную переписку съ Евдоксомъ, которой часто пріятно занималъ знатнѣйшихъ придворныхъ особъ получаемыми имъ отъ Леонтина извѣстіями. Какъ скоро переступили они, тотъ и другой, сороковой годъ, которой есть такой возрастъ, говоритъ Ковлей, *гдѣ не должно шутить жизнію, и проводить время въ бездѣлкахъ*; то рѣшился по старому еще своему уговору, удалиться въ деревню, и проводить тамъ остатокъ жизни. Въ семъ намѣреніи женилися они оба, почти въ одно время. Леонтинъ съ своимъ капиталомъ и съ приданымъ жены своей купилъ себѣ деревню, которая приносила пять сотъ рублей доходу, въ сосѣдствѣ съ Евдоксомъ, которой купилъ знатныя помѣстья, принося-

шія ему три ста тысячь ежегоднаго доходу. Обѣ ихъ жены родили почти въ одно время: жена Евдоксова родила сына, а Леонтинова дочь; но у сего послѣдняго супруга, составлявшая все его щастіе, умерла чрезъ нѣсколько дней послѣ рожденія дочери. Онъ бы ни какъ не перенесъ столь сильнаго удара; естьли бы частыя посѣщенія Евдоксовы его нѣсколько не утѣшили.

Въ одинъ день, какъ они разговаривали съ обыкновенною откровенностію, то Леонтинъ, будучи увѣренъ, что онъ не въ состояніи дать приличнаго воспитанія своей дочери, по причинѣ своего недостатка, а Евдоксъ, убѣжденный равномѣрно, что сынъ его, долженствующій быть наслѣдникомъ столь великаго богатства, можетъ быть подверженъ худымъ нѣкоторымъ оборотамъ мыслей и склонностей, ослѣпясь своимъ богатствомъ; то разсудили они помѣняться дѣтьми,

то есть, положили, чтобъ мальчикъ воспитывался у Леонтина такъ, какъ бы родной его сынъ, а дѣвочка жила бы у Евдокса подъ именемъ его дочери до юношескаго возраста. Супруга Евдоксова, будучи увѣрена, что сынъ ея не можетъ имѣть лучшаго мѣста для своего воспитанія, какъ у Леонтина въ домѣ, и зная сверьхъ того, что онъ всегда будетъ въ ея глазахъ, согласилася на сію мѣну. И такъ она взяла маленькую Леониллу, такъ называлась дочь Леонтинова, и начала воспитывать ея, какъ родную свою дочь. Оба сіи друзья почувствовали столь великую любовь ко ввѣреннымъ попѣченію ихъ дѣтямъ, что оказывали къ нимъ истинную отеческую горячность, хотя одно только имя родителей носили. Хотя Флоріо, сей молодой богатой наслѣдникъ, живущій съ Леонтиномъ, имѣлъ великое почтеніе и любовь къ мнимому своему отцу; но его научили также ока-

зывать радость при видѣ Евдокса, которой съ своей стороны часто хаживалъ къ своему другу, гдѣ ничего не опускалъ, для снисканія къ себѣ почтенія и любви молодаго Флоріо. Сей отрокъ едва пришелъ въ такіе лѣта, что могъ судить о маломъ имѣніи своего мнимаго отца, какъ началъ помышлять, чтобъ устроить въ свѣтѣ свое щастіе посредствомъ своихъ дарованій и знанія. Наполненъ будучи сею мыслію, которая день отъ дня утверждалася болѣе и болѣе въ умѣ его, онъ прилѣжалъ со всевозможнымъ ревніемъ ко всему тому, въ чемъ Леонтинъ совѣтовалъ ему упражняться. Природныя его дарованія, будучи управляемы и руководствуемы столь искуснымъ наставникомъ, вскорѣ привели его въ состояніе сдѣлать быстрые успѣхи во всѣхъ частяхъ его воспитанія. Ему не было еще двадцати лѣтъ, какъ, окончавъ науки и всѣ прочія упражненія со всеоб-

щимъ одобренiемъ, былъ посланъ онъ учиться правамъ и законамъ, кои весьма малой части богатыхъ наследниковъ известны. Флорiо не былъ въ семъ числе: онъ, будучи увеpенъ, что съ пятью стами дохода, не могъ онъ жить съ Леонтиномъ, какъ бы имъ хотелося, продолжалъ учиться съ прилежанiемъ до техъ поръ, пока совершенно узналъ все законы и правленiе своего отечества.

Мне бы должно было прежде уведомить читателей моихъ, что Флорiо во время пребыванiя своего съ мнимымъ своимъ отцомъ, былъ весьма хорошо принятъ въ доме Евдокса, где познакомясь съ Леонилдою съ самаго еще младенчества, нечувствительно въ нее влюбился. Поелику онъ воспитанъ былъ въ правилахъ чести и добродетели; то сiя страсть причиняла ему великое безпокойство и волненiе. Не имея надежды получить когда либо въ супруги столь богатую наследницу,

онъ лучше желалъ умерѣть, нѣжели предпріять что либо непозволенное. Леонилла, присоединяющая къ рѣдкой красотѣ великую скромность и добродѣтель, питала тайную къ Флоріо склонность; но вела себя съ такою осторожностію, что онъ никогда не могъ того примѣтить. Не смотря на пламень, снѣдающій его, и которой сильнѣе дѣйствуетъ въ благородномъ и добродѣтельномъ сердцѣ, Флоріо старался запастися всѣмъ тѣмъ, что можетъ способствовать человѣку въ снисканіи щастія и съ блескомъ показаться въ свѣтѣ, какъ вдругъ получилъ повелѣніе отъ Леонтина пріѣхать немедлѣнно въ деревню. Нѣтъ въ томъ ни малѣйшаго сомнѣнія, чтобъ, восхищенный доброю славою, снисканною въ свѣтѣ его сыномъ, не горѣлъ онъ нетерпѣніемъ ему открыться. Но какъ бы то ни было, на другой день его возвращенія, Леонтинъ сказалъ ему, что Евдоксъ имѣетъ нѣчто весьма

важное ему сообщить, и сказавъ сіе, облобызалъ его съ навернувшимися на глазахъ слезами. Какъ скоро Флоріо пришелъ въ великолѣпный сей домъ, которой находился у нихъ въ сосѣдствѣ; то послѣ взаимныхъ привѣтствій, Евдоксъ взялъ его за руку, и повелъ въ свой кабинетъ. Тамъ-то открылъ онъ ему всю тайну его рожденія и воспитанія, и заключилъ слѣдующими словами: „Мнѣ не остается другой дороги къ засвидѣтельствованію благодарности моей къ Леонтину, какъ женить тебя на его дочери. Посредствомъ открытой мною тебѣ тайны, онъ всегда будетъ имѣть удовольствіе быть твоимъ отцомъ, а Леонилла пребудетъ всегда моею дочерью; ея ко мнѣ привязанность и дѣтская любовь, хотя неправильно помѣщенная, была столь примѣрна, что она достойна величайшаго награжденія. Ты же будешь имѣть удовольствіе пользоваться великимъ богатствомъ, коего бы

ты не зналъ цѣны, пріобыкнувъ съ младенчества къ оному, и вѣдая, что оно тебѣ принадлѣжать будетъ. Продолжай только, какъ ты до сего дѣлалъ, быть онаго достойнымъ. Я оставилъ мать твою въ ближней комнатѣ. Материнское ея сердце ощущаетъ къ тебѣ безпредѣльную горячность. Она открываетъ Леониллѣ ту же тайну, которую я теперь тебѣ сообщилъ.,, Выслушавъ сіи слова Флоріо, былъ столько пораженъ своимъ щастіемъ, что не могъ промолвить ни одного слова; но, упавъ къ ногамъ своего родителя, и проливая источникъ радостныхъ слезъ, лобызалъ онъ его колѣна, просилъ прерывающимся голосомъ его благословенія, и глубокимъ молчаніемъ изъявлялъ ему всю нѣжность, повиновеніе и благодарность, коими сердце его было наполнено, но которыхъ изъяснить онъ былъ не въ силахъ. Наконецъ соединили сію щастливую чету, и великодуш-

ный Евдоксъ далъ имъ половину своего дохода. Леонтинъ и Евдоксъ провели остатокъ жизни своей вмѣстѣ, и обрѣли свою награду въ почтительныхъ и нѣжныхъ поступкахъ, въ разсужденіи ихъ, Флорія и Леониллы.

ПИСЬМО О МНИМЫХЪ БОЛЬНЫХЪ.

Государь мой!

Я въ числѣ тѣхъ слабыхъ людей, кои называются болѣзнующими, и признаюсь, что я пріучилъ къ сему худому состоянію тѣло мое, или лучше сказать, духъ, упражненіемъ въ Медицынѣ. Какъ скоро началъ я прилѣжать къ чтенію разсуждающихъ о томъ книгъ; то почувствовалъ въ себѣ неправильное біеніе пульса, и ни когда не случалося мнѣ читать описанія какой нибудь болѣзни,

не воображая, что я одержимЪ оною. Ученое сочиненіе о горячкахЪ и лихорадкахЪ Доктора Зинденгама, приключило мнѣ томную лихорадку, которая продолжалася во все время, употребленное мною на прочтеніе сего преизящнаго творенія. Послѣ сего обратился я кЪ авторамЪ писавшимЪ о чахоткѣ, и едва началЪ ихЪ читать, какЪ показалося мнѣ, что я чахну: до тѣхЪ порЪ былЪ я вЪ сихЪ мысляхЪ, пока, наконецЪ, потолстовЪ весьма много, нѣкоторой стыдЪ излѣчилЪ меня отЪ сего воображенія. Вскорѣ за симЪ нашелЪ я вЪ себѣ всѣ признаки подагры, выключая боли; но излѣчился отЪ нее чтеніемЪ одного разумнаго сочиненія о каменной болѣзни: и такЪ избавился я отЪ подагры, чтобЪ впасть вЪ каменную болѣзнь, по примѣру многихЪ Врачей, кои одну болѣзнь выгоняютЪ другою. НаконецЪ я столько начитался МедицынскихЪ книгЪ, что получилЪ дюжину бо-

лѣзней вдругъ; но прочитавъ, наконецъ, славнаго *Санкторія*, рѣшился я слѣдовать его методѣ, и наблюдать всѣ его правила, кои, не опустивъ ни одного, всѣ рачительно собралъ и выписалъ. Всѣмъ ученымъ людямъ извѣстно, что сей искусный мужь, для удобнѣйшаго дѣланія своихъ опытовъ, изобрѣлъ нѣкоторой Математической стулъ, столь искусно на воздухѣ повѣшенный посредствомъ пружинъ, что наономъ все можно было вѣсить, какъ на лучшихъ вѣсахъ. Симъ образомъ зналъ онъ сколько унцій принимаемой имъ пищи выходило испариною, сколько выходило прочими каналами, и какое количество превращалося въ собственное его существо. Сдѣлавъ себѣ такой стулъ, пріучилъ я себя на ономъ учиться, ѣсть, пить и спать такъ, что можно сказать, что я прожилъ три года на вѣсахъ. По моему вычисленію, когда я нахожуся въ совершенномъ здоровьѣ;

то равно пять пудъ имѣю вѣсу; проводивъ же одинъ день безъ пищи, убавляется изъ того около фунта; пообѣдавъ же хорошенько, пріобрѣтаю я одинъ фунтъ лишній. И такъ, я все мое стараніе употребилъ на то, чтобъ наблюдать равновѣсіе между сими двумя улѣтающими фунтами тягости моего тѣла. Послѣ обыкновеннаго моего обѣда, вѣсъ мой прибавляется до пяти пудъ и полуфунта: естьли же, пообѣдавъ, увижу, что чего нибудь къ тому недостаетъ; тогда, хотя и не хочется, дополняю питьемъ полпива сей недостатокъ, или съѣмъ еще кусокъ хлѣба, чтобъ достигнуть до сего вѣса. Въ величайшихъ же дѣлаемыхъ мною иногда излишествахъ, я прибавляю къ тому только остальныя полфунта: что я дѣлаю нарочно, для здоровья, въ каждый первый въ мѣсяцѣ понедѣльникъ. Когда же послѣ обѣда покажется мнѣ, что я исправно поѣдался и свѣсился; то

начинаю ходить до тѣхъ поръ, пока выдетъ изъ меня посредствомъ испаренія пять унцій и четыре скрупула принятой пищи. Достигнувъ до сего, перестаю я ходить, и начинаю читать, и во время ученія теряю я еще три унціи съ половиною моего вѣса. Что касается до остальнаго лишку; то я не веду ему порядочнаго расхода. Я не справляюсь никогда съ часами, ни съ желудкомъ, въ разсужденіи моего обѣда и ужина: но когда стулъ мой покажетъ, что мой фунтъ пищи изчезъ; то я изъ того заключаю, что я голоденъ, и немедлѣнно начинаю ѣсть. Въ обыкновенные мои постные дни я теряю по полпара фунта своего вѣсу, а торжественные стоятъ мнѣ каждой по два добрыхъ фунта.

Пріемъ моего сна, положивъ кругомъ, стоитъ изъ четверти фунта и нѣсколько грановъ болѣе или мѣнѣе: и естьли я, проснувшись, нахожу, что не выполнилъ сей порціи;

то остальное до сыпаю на моемъ стулѣ. Смотря по вѣрному вычисленію потѣряннаго и пріобрѣтаемаго ежедневно мною въ прошломъ году, касательно вѣса, что я всегда исправно записываю въ нарочно сдѣланную для того книгу, я нахожу, что оной былъ всегда около пяти пудъ болѣе, или мѣнѣе. Такимъ образомъ, думаю я, что здоровье мое ни на одну унцію не уменьшалося въ тѣченіи помянутаго времени. Но не взирая на всѣ мои старанія къ соблюденію равновѣсія моего тѣла, я пришелъ въ слабость и изнеможеніе; сдѣлался блѣденъ, пульсъ у меня безпорядоченъ, и мнѣ угрожаетъ водяная болѣзнь. Сдѣлайте же милость, государь мой, примите меня въ число вашихъ больныхъ, и сообщите мнѣ средства къ соблюденію здоровья моего, кои бы были надѣжнѣе, до сего мною употребляемыхъ. Симъ вы до безконечности обяжете пребывающаго къ вамъ, и проч.,,

Страхъ смерти бываетъ смертоносенъ, принуждая насъ брать такія мѣры, для сохраненія нашей жизни, кои служатъ токмо къ похищенію ее у насъ. Разсужденіе нѣкоторыхъ историковъ, что въ бѣгствѣ убиваютъ болѣе людей, нѣжели въ порядочномъ сраженіи, можетъ быть приложено къ сему великому числу мнимыхъ больныхъ, кои разрушаютъ крѣпость своего сложенія, принимая безчисленное множество лѣкарствъ, и кои для избѣжанія смерти, бросаются, такъ сказать, въ ея объятія. Сіе обыкновеніе не только опасно, но и недостойно сына разумной твари. Стараться только о томъ, чтобъ сохранить свою жизнь, полагать то единственною цѣлію нашего въ семъ свѣтѣ пребыванія, поставлять важнѣйшимъ своимъ дѣломъ соблюдѣніе здоровья, и не имѣть въ головѣ ничего болѣе, кромѣ микстуръ, слабительнаго и декоктовъ, суть виды столь подлые и

столь недостойные человѣка, что кто, хотя нѣсколько, имѣетъ великости духа, тотъ пожелаетъ скорѣе умерѣть тысячу разъ, нежели жить такимъ образомъ. Кромѣ сего безпрестанная забота о жизни отъемлетъ всѣ удовольствія ея, и покрываетъ мрачнымъ облакомъ всю природу; по тому, что не льзя намъ находить ни малаго утѣшенія въ наслажденіи тою вещію, которую мы всякую минуту боимся потѣрять.

Мое намѣреніе совсемъ не то, чтобъ хулить людей, принимающихъ должное попеченіе о ихъ здоровьѣ: напротивъ того, поелику веселость нрава и расторопность въ дѣлахъ, зависятъ, по большой части, отъ здороваго сложенія; то не возможно довольно принимать старанія, для поддержанія онаго. Но сіе стараніе, къ коему обязываютъ насъ здравый смыслъ, должность и природное побужденіе, не долженствуетъ никогда вовлекать насъ въ пустые страхи,

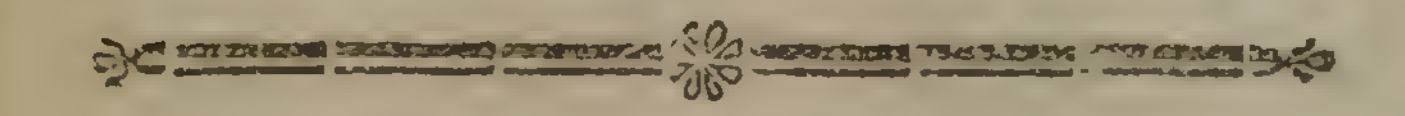
въ меланхолію и въ мнимыя болѣзни, сопутствующія всегда тому, которой старается болѣе о сохраненіи жизни своей, нѣжели о исправленія своихъ нравовъ. Однимъ словомъ, честное устроеніе жизни должно быть главнымъ нашимъ предметомъ, а сохраненіе ее второе мѣсто занимать должно въ нашихъ мысляхъ. Слѣдуя сему правилу непоколебимо, изберемъ мы лучшій путь къ сохраненію жизни нашей, не растроивая здоровья сильными душевными страстями и невоздержаніемъ, и достигнемъ до той высочайшей точки блаженства, состоящаго, какъ говоритъ Марціалъ, въ томъ, чтобъ ожидать смерти, не желая ее, и не страшася.

Что касается до бѣдняка, управляющаго здоровьемъ своимъ по унціямъ и скрупуламъ, и которой вмѣсто того, чтобъ слѣдовать естественному позыву къ пищѣ, или питію, къ спанью или бодрствованію,

къ сидѣнію или гулянію, сообразуется въ томъ со своимъ стуломъ; то я его отсылаю къ сей баснѣ: „Юпитеръ въ награжденіе одного крестьянина за его благочестіе, обѣщалъ ему исполнить все то, чего онъ пожелаетъ. Мужикъ захотѣлъ управлять по своему произволѣнію погодою, и получивъ исполненіе своей прозьбы, началъ располагать по своему дождемъ, снѣгомъ, ненастьемъ и ведромъ, смотря по тому, какъ онъ находилъ нужною каждую изъ сихъ погодъ. Но по окончаніи года, какъ онъ ожидалъ изобильной жатвы; то увидѣлъ, что сосѣднія поля гораздо болѣе его принесли хлѣба, а съ своего онъ почти ни чего не собралъ: и такъ, боясь, что бы въ конецъ не разориться, просилъ онъ Юпитера, чтобъ онъ благоволилъ взять опять на себя міроправленіе.„

СТАТЬЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ДОСТОПАМЯТНЫХЪ ДѢЯНІЙ И СКАЗАНІЙ ЗНАМЕНИТЫХЪ ЛЮДЕЙ НОВѢЙШЕЙ ИСТОРІИ.

Анекдоты о Папѣ Сикстѣ V, родившемся въ 1521 году въ нѣкоемъ селѣ, Анконской провинціи, близъ замка Монтальто, и возшедшемъ на Папскій престолъ въ 1585 году.

I. Сей Первосвященникъ былъ сынъ одного бѣднаго крестьянина. На десятомъ году его возраста, отецъ, желая сбыть его съ рукъ, отдалъ его одному богатому мѣщанину пасти овецъ; но хозяинъ его, будучи имъ недоволенъ, отнялъ у него сію должность, и заставилъ стерѣчь свиней. Нѣкій монахъ Францисканскаго ор-

дена, шедшій въ Асколи, городокъ Анконской провинціи, дабы сказывать тамъ во время поста проповѣди, заблудился не подалеку отъ одного села, и старался найти кого нибудь, кто бы показалъ ему дорогу. Малолѣтный Феликсъ (такъ онъ назывался) пасъ близъ того мѣста своихъ свиней. Какъ скоро увидѣлъ онъ монаха; то, подошедъ къ нему съ учтивостію, поклонился и предлагалъ свои услуги. Добрый старецъ принялъ съ радостію предложеніе сего рабенка, и спрашивалъ его гдѣ дорога въ Асколи. Онъ отвѣчалъ ему, что готовъ его на оную вывести, и пошелъ предъ нимъ съ такимъ проворствомъ и веселостію, что при всякомъ разѣ, какъ онъ оборачивался назадъ, дабы лучше слышать, что онъ съ нимъ говорилъ. Сей добрый старецъ былъ въ восхищеніи, и не могъ понять, чтобъ маленькой свинопасъ могъ быть столько уменъ и проворенъ. Наконецъ,

вышедъ на дорогу, поблагодарилъ онъ Феликса, и хотѣлъ отослать его назадъ; но мальчикъ, будто не слыша, что онъ ему говоритъ, продолжалъ за нимъ итти, что и заставило монаха спросить у него, смѣючись, не до самаго ли города хочетъ онъ его проводить. Феликсъ отвѣчалъ ему смѣлымъ и скромнымъ видомъ, что онъ не только въ Асколи, но и на край свѣта съ нимъ пойдетъ. Монахъ, удивленный рѣшимостію и твердостію сего ребенка, согласился взять его съ собою; но прежде говорилъ ему, чтобъ онъ пригналъ домой свиней, и по томъ пришелъ бы къ нему въ монастырь св. Франциска въ Асколи. Феликсъ, боясь потерять его изъ вида, отвѣчалъ ему, что свиньи его привыкли сами возвращаться какъ скоро начинало смеркаться, и продолжая итти съ монахомъ, пришли они подъ вечеръ вмѣстѣ въ Корделіерской монастырь. Такъ-то Феликсъ обучился наукамъ и постригся.

2. Въ самой день своего постриженія явилъ онъ толъ духъ благородной гордости и независимости, которой образовалъ всегда его характеръ. Дьяконъ велѣлъ ему пѣть на клиросѣ; но Феликсъ отвѣчалъ ему съ гордостію, что онъ уже болѣе не послушникъ. Сей отвѣтъ, коего дьяконъ не предвидѣлъ, столь ему показался досаденъ, что онъ всѣмъ встрѣчающимся съ нимъ братіямъ говорилъ, что ихъ свинопасъ уже забывается.

3. Быстрые успѣхи его въ наукахъ, а особливо въ Философіи, возбудили зависть его товарищей. Феликсъ еще болѣе досаждалъ имъ своими насмѣшками, и безпрестанно говорилъ съ насмѣшливымъ видомъ: *не хотите ли со мною поспорить?* Сіи молодые люди, раздраженные его поступками, старались отмстить ему. Наконецъ условилися они визжать по свиному, какъ скоро гдѣ только его увидятъ. Феликсъ, наскучивъ сими ругатель-

стѣами, сказалъ, что первому, кто ему попадется, онъ размозжитъ голову, и взялъ для сего въ руки церьковной запоръ. Племянникъ Игумна ихъ, по несчастію, подбѣжалъ къ нему, и началъ дразнить его по прежнему. Феликсъ, подпустивъ его къ себѣ, ударилъ изъ всей силы дубиной, сказавъ ему: я пасъ свиней, ето правда, но самъ никогда свиньею не былъ; и какъ ты очень худо ихъ передразниваешь; то я научу тебя по лучше говорить ихъ языкомъ.

4. Испросивъ у своихъ начальниковъ позволенія посмотрѣть Папу, которой проѣзжалъ чрезъ Лукку, привлекъ онъ зависть прочихъ старцовъ, которые досадуя на данное ему предъ ними предпочтеніе, говорили, смотря на него презрительными глазами: вотъ право хорошаго молодца выбрали видѣть Папу! Но какъ онъ разумѣлъ шутку, и всегда имѣлъ готовой отвѣтъ; то от-

вѣчалъ, смѣючися: я пойду поучиться, какъ быть Папою, и посмотрю, полюбится ли мнѣ ето.

5. Въ Луккѣ пробылъ онъ только три дни, по причинѣ дороговизны квартиръ. Въ сіе время онъ, сколь можно подробнѣе, навѣдался о всемъ касающемся до двора и особы Папы. Въ одинъ день, между прочими сидя за столомъ съ нѣкоторыми монахами Папской свиты, онъ столько выспрашивалъ ихъ о томъ, что одинъ изъ нихъ сказалъ ему, разсмѣявшись: мнѣ кажется, что тебѣ хочется быть Папою. На что онъ, также смѣючись, отвѣчалъ, что онъ еще не въ такихъ лѣтахъ, чтобъ скоро могъ быть онымъ; но что, ежели бы Провидѣнію угодно было возвести его на сіе достоинство, то чувствуетъ онъ въ себѣ довольно способности, для выполненія всѣхъ обязанностей, къ сему сану присоединенныхъ.

6. По возвращеніи его изъ Лукки, одинъ Баккалавръ, нашедъ его въ кельѣ съ нѣкоторыми другими старцами, поклонился ему низко, взявъ за руку, и сказалъ ему: съ тѣхъ поръ какъ ты видѣлъ Его Святѣйшество, то отъ тебя за милю пахнетъ Папою. Феликсъ отвѣчалъ ему: естьли тебѣ такъ завидны та честь и удовольствіе, которыя имѣлъ я, видя сію высокую особу; то какую досаду почувствуешь ты тогда, когда я самъ буду занимать сіе мѣсто.

7. Какъ случилося съ нимъ въ Венеціи одно весьма непріятное дѣло; то Сенатъ хотѣлъ его задержать: но онъ поспѣшно уѣхалъ въ гондолѣ, и избѣгнулъ отъ поисковъ. По счастливомъ прибытіи его въ Римъ, пріятели пришли къ нему съ поздравленіями о благополучномъ его избавленіи. Одинъ изъ прежнихъ его соучениковъ сказалъ ему въ шуткахъ: естьли бы не догадался ты убраться молча; то худая бы тебѣ

была раздѣлка съ Сенатомъ. На что Монтальтъ (онъ принялъ сіе имя) отвѣчалъ: я не дамъ себя ни куда посадить не бывъ прежде Папою. Другой пріятель пошутилъ съ нимъ также, которому онъ сказалъ, что сдѣлавъ обѣтъ быть нѣкогда Папою, не разсудилъ онъ за благо дать себя посадить въ Венеціи въ тюрьму.

8. Будучи нѣкогда въ дорогѣ, потѣрялъ онъ свою епанчу, которая была некрѣпко съ зади привязана; онъ долго не примѣтилъ своей потѣри; но когда уже увидѣлъ; то не хотѣлъ воротиться за нею назадъ. На другой день поутру, нагнавъ на дорогѣ купца, поѣхалъ онъ съ нимъ вмѣстѣ, и ѣдучи разговаривалъ. Купецъ увидя, что пошелъ небольшой дождь, отвязалъ отъ сѣдла епанчу, и надѣлъ ее на себя. Но Монтальтъ, признавъ ее за свою, безъ всякихъ обиняковъ снявъ ее съ купца, и надѣлъ на себя, не сказавъ ему нислова.

9. Будучи пожалован въ Кардиналы Папою Піемъ V, безпрестанно онъ помышлялъ о способахъ къ достиженію сана Первосвященника, которой былъ единственнымъ предметомъ его честолюбія. Когда увидѣлъ онъ, что Григорій XIII, преемникъ Пія V, ослабѣвалъ ежедневно болѣе, и приближался къ концу своей жизни; то онъ началъ притворяться немощнымъ и почти умирающимъ, ласкаючи себя, что чрезъ то при первомъ избраніи Папы, Кардиналы не преминутъ выбрать его въ сіе достоинство, яко человѣка, коего болѣзни очистятъ вскорѣ сіе мѣсто. Съ тѣхъ поръ сталъ онъ ходить съ костылемъ и согнувшись въ крюкъ, говорилъ дрожащимъ и слабымъ голосомъ. Какъ одинъ изъ Кардиналовъ оставлялъ его нѣкогда у себя обѣдать; то онъ всячески отъ того отзывался, говоря, что уже не способенъ пиршествовать. Однакожъ, наконецъ, согласился на

его усильныя прозьбы: но сидя за столомъ, два раза притворно упадалъ въ обморокъ, будто отъ чрезмѣрной слабости. Кардиналъ сказалъ ему: ежели вы не будете кушать; то вѣрно умрете, не бывавши Папою. Когда, отвѣчалъ ему Монтальтъ, избирали на сїе мѣсто дряхлаго и умирающаго старика, какъ я? Я и теперь было, продолжалъ онъ, едва не умеръ отъ спершейся въ груди моей мокроты, которая мнѣ часто не даетъ и дохнуть. Послѣ сего Кардиналъ началъ ему совѣтовать, чтобъ онъ лѣчился, и принималъ такія лѣкарства, кои бы укрѣпляли и облегчали его грудь и желудокъ: лѣкарства, сказалъ онъ ему на сїе, правда, хотя иногда уменьшаютъ болѣзнь; но могутъ ли они уменьшить лѣта. Онъ не ѣзжалъ ни когда верьхомъ, какъ только по принужденїю, и тогда цѣлой часъ прїуготовлялся, крехтѣлъ и охалъ, пока, наконецъ, садился на

лошака съ помощію своихъ служителей, коимъ говорилъ, возлыхая: друзья мои, приличнѣе бы гораздо было мнѣ быть несену четырьмя человѣками въ могилу, нежели ѣздить на лошакѣ вокругъ городскихъ стѣнъ, и я болѣе имѣю нужды въ одрѣ, нежели въ верьховой скотинѣ.

10. Во время десяти дней, какъ продолжалася церемонія погребенія усопшаго Папы, тѣ изъ Кардиналовъ, кои желали быть его преемниками, старалися разными пронырствами, чтобъ избраніе пало на нихъ. Монтальтъ меньше всѣхъ ихъ о томъ заботился; но можетъ быть болѣе ихъ помышлялъ о Папскомъ престолѣ. Онъ шелъ столь особливою къ тому дорогою, что ни кто не могъ вообразить, чтобъ онъ, хотя малѣйшее, имѣлъ къ тому желаніе. Одни видя простой и даже безчувственный и почти глупый видъ, которой онъ притворно принялъ, и по которому въ насмѣшку назвали его

ѣсломъ шествія, не могли предста-вить себѣ, чтобъ и онъ хотѣлъ быть избраннымъ. Другіе не могли подумать, чтобъ человѣкъ, удрученный дряхлостію и немощами, могъ быть избранъ въ Папы. Онъ изъ всѣхъ Кардиналовъ казался слабѣйшимъ и немощнѣйшимъ, и невѣроятно было, чтобъ возвели на Святый престолъ человѣка, коего они почитали сами невѣждою, и которой едва могъ стоять на ногахъ. Однакожъ сіи-то самыя причины Монтальтъ и былъ обязанъ избраніемъ своимъ.

II. Когда узналъ онъ, что большая половина голосовъ была въ его пользу; то, не сомнѣваясь болѣе о своемъ избраніи, началъ онъ давать нѣкоторую волю честолюбію своему, которое онъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ обуздывалъ. Онъ вышелъ изъ своего мѣста, не дожидаяся заключенія положенія, и бросивъ костыль свой на средину залы,

выпрямился, и показался гораздо больше ростомъ, нежели прежде: но что еще удивительнѣе, то кашлянулъ онъ съ такою силою, какъ будто тоидцатилѣтній молодой человѣкъ. Всѣ Кардиналы, удивленные сею перемѣною, смотрѣли съ изумленіемъ другъ на друга. Нѣкоторые, казалося, даже и раскаевалися уже въ семъ избраніи; что увидя, настоятель сказалъ, не станемъ такъ спѣшить въ разсмотрѣніи голосовъ есть погрѣшность; но Монтальтъ съ твердостію ему отвѣчалъ: разсмотрѣніе голосовъ правильно; и по томъ сей самый человѣкъ, которой за два часа предъ тѣмъ едва могъ сказать слово, не закашлявшись, запѣлъ, *Тебѣ Бога хвалимъ*, столь чистымъ и громкимъ голосомъ, что весь сводъ церковный затрясся.

12. Церемоніймейстеры спрашиваютъ по обыкновенію у новаго Папы, охотно ли онъ пріемлетъ Первосвященство. На сей вопросъ сказалъ

Монтальтъ одному изъ нихъ, глядя важнымъ и величественнымъ видомъ: мнѣ не можно въ другой разъ принять того, что уже я получилъ; но я принялъ бы и еще столько, чувствуя въ себѣ, по благости Божіей, довольно способности управлять не только церьковію, но и цѣлымъ свѣтомъ.

13. Примѣчено, что когда Церемонійместеры его облачали; то онъ съ удивительною силою и проворствомъ дѣйствовалъ руками. Кардиналъ Рустикучи, не понимая столь чуднаго превращенія, сказалъ ему съ довольною короткостію: Первосвященство, Святый отецъ, есть превосходное лѣкарство, поелику возвращаетъ оно молодость и здоровье старымъ немощнымъ Кардиналамъ. Монтальтъ отвѣчалъ съ приличнымъ Папѣ величествомъ: я въ томъ увѣренъ собственнымъ моимъ опытомъ.

14. Вышедъ изъ Конклава, онъ по обыкновенію благословлялъ съ

такою ловкостію и проворствомъ, что народъ, сбѣжавшійся его смотрѣть, спрашивалъ съ удивленіемъ, гдѣ же Папа? Не уже ли ето тотъ Кардиналъ Монтальтъ, котораго видали мы упадающаго на улицахъ въ обморокъ, не уже ли ето тотъ человѣкъ, которой не могъ стоять на ногахъ, и у котораго голова всегда лежала на плечѣ? Какъ ето возможно, чтобъ онъ сдѣлался такъ прямъ и величествененъ?

15. Кардиналъ Медицисъ пріѣхалъ къ нему, по обыкновенію на поклонъ съ поздравленіемъ со всеми прочими Кардиналами, и видя его прямо и бодро стоящаго, сказалъ ему: Ваше Святѣйшество совсемъ нынѣ не тѣ, которые были Кардиналомъ. На что Сикстъ отвѣчалъ: тогда я искалъ ключей отъ рая, и чтобъ удобнѣе ихъ найти, ходилъ я согнувшись, и наклонялъ голову; но съ тѣхъ поръ, какъ они въ моихъ рукахъ, я взираю только на

небеса, не имѣя болѣе нужды въ земныхъ вещахъ.

16. Во время шествія его изъ Конклава въ церьковь Святаго Петра, народъ кричалъ безпрестанно, да здравствуетъསикстъ, присовокупляя къ симъ возглашеніямъ по обыкновенію сіи слова: Святый отецъ, подаждь намъ изобиліе и правосудіе. Сикстъ отвѣчалъ два раза: просите только изобилія, яко милости: ибо, что касается до правосудія; то я съ природы люблю отдавать его всякому. Сію склонность подтвердила въ послѣдствіи строгость его правленія.

17. Изъ церькви Святаго Петра привели его во дворецъ Папскій, и по ушествіи Кардиналовъ, подали ему нѣкоторыя закуски, коихъ онъ не много поѣлъ. дабы подкрѣпить себя нѣсколько отъ усталости, симъ днемъ ему причиненной. Кардиналы Александринъ и Рустикучи послѣдовали за нимъ даже въ его спальню,

и приставали къ нему, чтобъ онъ успокоился и отдохнулъ; на что онъ отвѣчалъ имъ, что труды будутъ лучшимъ его успокоенiемъ. Александринъ сказалъ ему на сiе съ довольною вольностiю: Ваше Святѣйшество не говорили вчера съ такою силою. Это для того, отвѣчалъ Сикстъ, что вчера я не былъ еще Папою; но теперь сталъ онымъ. Но вотъ что довершило увѣрить сихъ двухъ Кардиналовъ, что они не будутъ имѣть ни малѣйшей власти при его правленiи. Взошедъ въ спальню его, начали они отдавать нѣкоторыя повелѣнiя, дабы ни въ чемъ не было недостатку въ его покояхъ; но Сикстъ, будучи не доволенъ ихъ услужливостiю, сказалъ имъ съ весьма важнымъ видомъ: пожалуйте не принимайте на себя сего труда; я и самъ умѣю снабдить себя всѣмъ нужнымъ.

18. Его Гофмаршалъ пришелъ къ нему доложить, что онъ при-

кажетъ подать себѣ въ ужинѣ, по тому, что, будучи Кардиналомъ, всякой разъ о томъ ему докладывали. Сякстъ, посмотрѣвъ на него пристально, сказалъ: развѣ у Государей спрашиваютъ, что они прикажутъ изготовить? Я хочу, чтобъ столъ мой былъ таковъ, каковъ бываетъ Королевской, и тогда я посмотрю, что мнѣ болѣе понравится.

19. Онъ пригласилъ къ своему столу тѣхъ изъ Кардиналовъ, кои наиболѣе способствовали къ его избранію, и ласкали себя, что подъ его только именемъ будутъ они всемъ управлять. Сей обѣдъ былъ имъ болѣе противенъ, нѣжели пріятенъ: ибо Сикстъ для того только ихъ и позвалъ, чтобъ объявить имъ, будто въ разговорахъ, что онъ намѣренъ все видѣть собственными своими глазами. Онъ даже не позволилъ имъ на то себѣ и отвѣтствовать; и какъ скоро кто изъ нихъ намѣрялся сказать свое

мнѣніе о семъ; то онъ не давалъ ему ни чего вымолвить, говоря, что церьковь должна имѣть одного начальника. Рустикучи не могъ однако же утерпѣть, чтобъ не сказать ему: я удивляюсь, что Ваше Святѣйшество, будучи въ Конклавѣ, говорили намъ, что вы не въ состояніи одни управлять церьковію; а нынѣ совсемъ противное тому говорите. Ето правда, отвѣчалъ Сикстъ, что я вамъ тогда такъ говорилъ, по тому, что я точно также и думалъ; но какъ нынѣ начинаю я уже тому не вѣрить: то вы отъ меня такихъ рѣчей впередъ не услышите. Естьли бы же было что либо противнаго совѣсти моей въ сей перемѣнѣ мыслей; то въ такомъ случаѣ я духовнику своему дамъ власть разрѣшить меня и простить въ томъ. Вы меня сдѣлали Папою, я въ томъ признаюсь; но сіе вы учинили для собственной своей корысти, а не для моей: я долженъ по вашему примѣру

думать также и о моихъ выгодахъ. Сдѣлавъ имъ сей пріятный комплиментъ, отпустилъ ихъ отъ себя.

20. Со временъ Папы Павла II, всѣ Папы имѣли обыкновеніе въ день вшествія своего, отворять тюрьмы, и освобождать преступниковъ. Сіе обыкновеніе привлекало разбойниковъ и прочихъ злодѣевъ, кои охотно приходили, и давали сажать себя въ тюрьмы, при окончаніи Конклава и по избраніи Папы были оправданы и освобождены. Избраніе Сикста обмануло болѣе пяти сотъ изъ нихъ, которые съ поспѣшностію дали себя посадить въ замокъ Святаго Ангела, и въ нѣкоторыя другія тюрьмы, не сомнѣваясь, чтобъ не получить прощенія въ день его возшествія на Престолъ Папскій. Они тѣмъ болѣе были въ томъ увѣрены, что простота его и снисхожденіе къ имѣвшимъ нужду въ его услугахъ, въ бытность его Кардиналомъ, подали поводъ думать, что царствованіе

его исполнено будетъ прощеній и милостей; но сіи нещастные весьма въ томъ обманулися. За два дни до коронаціи Сикста, Губернаторъ Римскій и Коммендантъ крѣпости Св. Ангела пришли къ нему, дабы учредить по его приказанію освобожденіе невольниковъ въ день сей церемоніи. Они спросили у него, всѣмъ ли онъ имъ окажетъ сію милость, или исключитъ кого нибудь, и проч. Папа, раздраженный сими вопросами, и покраснѣвъ отъ гнѣва, отвѣчалъ имъ слѣдующимъ образомъ: о какихъ милостяхъ, о какихъ тюрьмахъ осмѣливаетесь вы мнѣ говорить? Развѣ вы не знаете вашей должности, или вы желаете меня научить тому, чего я совсемъ не хочу знать? Судьи довольно отдыхали въ царствованіе моего предшественника; но я не хочу, чтобъ и при моемъ продолжалося ихъ постыдное усыпленіе. Я надмѣру долго съ прискорбіемъ видѣлъ въ Римѣ преступленія безъ

наказанія, чтобъ почитать злодѣевъ прощенія достойными. Прочія Государи, признаюсь, что дѣлаютъ при семъ случаѣ такія милости; но Римъ имѣетъ токмо нужду въ судьяхъ: и въ семъ-то качествѣ намѣренъ я съ мечемъ правосудія въ рукахъ, учинить мое царствованіе достопамятнымъ. — И такъ, я повелѣваю не выпускать изъ темницъ ни одного преступника, какого бы онъ званія и чина ни былъ; и сверьхъ того хочу, чтобъ за ними строжае присматривали, и поспѣшили бы осужденіемъ ихъ, дабы очистить темницы для другихъ, и дабы дать знать всей землѣ, что Богъ возвелъ меня на престолъ Святаго Петра для наказанія злодѣяній и награжденія добродѣтели. Я хочу, чтобъ къ завтрему осудили четверыхъ изъ виновнѣйшихъ, изъ коихъ чтобъ двое были повѣшены и двое обезглавлены въ самый день моего шествія. Сія казнь, кромѣ примѣра строгости,

послужитъ еще къ уменьшенію стеченія народа и къ предупрежденію безпорядка, при семъ торжествѣ бывающаго.

21. Кастелли, Каноникъ и Казначей Святыя Маріи, оказалъ прежде того многія услуги Сиксту, когда еще сей былъ простымъ монахомъ. Кастелли думалъ, что по старой дружбѣ, исходатайствуетъ онъ прощеніе своему племяннику, которой въ то время находился въ тюрьмѣ. Сей молодой человѣкъ былъ обвиненъ и уличенъ въ насиліи одной молодой дѣвушки, которую похитилъ онъ изъ объятій ея отца. Кастелли замялъ сіе нещастное дѣло, и хотѣлъ кончить его тѣмъ, чтобъ женить племянника своего на сей дѣвицѣ: но какъ онъ былъ судимъ за похищеніе и насильство, и поелику надлѣжало соблюсти нѣкоторую форму къ его совершенному оправданію; то дядя разсудилъ за благо велѣть посадить его въ тюрьму,

будучи увѣренъ, что новый Папа, конечно, проститъ его, и освободитъ. Строгость, съ какою поступлено уже было съ нѣкоторыми колодниками, заставила Кастелли подать Папѣ прошеніе, въ коемъ онъ представлялъ ему, что племянникъ его во всю свою жизнь учинилъ только одно сіе преступленіе, что онъ былъ въ то время весьма молодъ, что онъ то довольно исправитъ своею женидбою, и что оставшееся ему угрызеніе заставляло его прибѣгнуть къ его милосердію, дабы быть участникомъ въ милостяхъ, при его возшествіи ожидаемыхъ. Папа, прочитавъ сіе прошеніе, отвѣчалъ Кастелли, что дружество, оказанное имъ Монтальту, ему весьма пріятно; но что Монтальтъ, учинясь Папою, долженствовалъ позабыть, что они нѣкогда были друзья, и сверьхъ того не вѣдать, что преступникъ былъ его племянникъ: но ежели онъ хочетъ просить для него

какой милости; что бы молился Богу о спасеніи души его, но чтобъ для сей жизни ни чего ему не просилъ. Сей нещастный былъ вскоръ по семъ того повѣшенъ на воротахъ того дома, гдѣ онъ учинилъ свое преступленіе. Судьи, кои старалися оправдать преступника, нашли свидѣтелей, кои сказали, что въ семъ дѣйствіи не было ни малаго насилія: отецъ же сей дѣвушки объявилъ, что сіе произходило съ его согласія и съ согласія дочери его; но Папа, узнавъ чрезъ шпіона, что все сіе противно правдѣ, приказалъ судьямъ принести ему первое обслѣдованіе сего дѣла, изъ котораго и увидѣлъ онъ, что отецъ просилъ на него, и представлялъ свидѣтелей въ насиліи. Такимъ образомъ негодуя на неправосудіе сихъ судей, приказалъ онъ одного изъ нихъ высѣчь публично въ присудствіи, а другова выгналъ изъ Рима, объявивъ все, что было несправедливаго въ

рѣшеніи сего дѣла. Они кинули жеребіи о исполненіи сего приговора. Папа послалъ за Кастелліемъ по смерти его племянника, и сказалъ ему, что отдавъ должное правосудію, желалъ онъ возблагодарить и дружеству. Онъ посвятилъ его въ Епископы Енантейской епархіи въ королевствѣ Неаполитанскомъ, а прежднее его мѣсто отдалъ одному изъ его племянниковъ.

22. Желая вѣдать все происходящее, онъ избралъ изъ купцовъ, изъ адвокатовъ, изъ поповъ и изъ монаховъ самыхъ расторопнѣйшихъ, чтобъ они служили ему шпіонами, коимъ давалъ онъ великое жалованье, исправно платимое имъ всякіе шесть мѣсяцовъ: кромѣ сего давалъ онъ еще денегъ тѣмъ, кои наилучше исполняли свою должность, извѣщая его о самыхъ скрытнѣйшихъ дѣяніяхъ. Онъ разпредѣлилъ пятдесятъ такихъ шпіоновъ въ Церьковной области, дабы вѣдать чрезъ нихъ о

поведеніи и поступкахЪ Губернаторовъ и судей, о расположеніи къ нимЪ народа, и что о немЪ самомЪ народЪ говоритЪ во всѣхЪ сихЪ мѣстахЪ. ОнЪ держалЪ во всякомЪ городѣ по два такихЪ шпіона, коя не знали другЪ друга, и имѣли каждой особливые цыфры, для вѣрнѣйшаго сообщенія ему своихЪ записокЪ. Толикое же число разослалЪ онЪ по всей Италіи и внѣ оной, во всѣ тѣ мѣста, гдѣ были Нунціи, Интернунціи и прочіе посланники Папскаго Двора, съ приказаніемЪ наблюдать съ точностію ихЪ поступки и немедлѣнно его о томЪ увѣдомлять. Еще находилось пятдесятЪ такихЪ шпіоновЪ въ Римѣ, изЪ коихЪ на каждаго наложена была особливая должность. ОдинЪ имѣлЪ повелѣніе присматривать за двумя, или тремя Кардиналами, коихЪ имена СикстЪ самЪ имЪ сказывалЪ. Другой смотрілЪ за поступками нѣкоторыхЪ Князей и БароновЪ РимскихЪ. ТотЪ

отдавалъ ему вѣрный отчетъ о проѣзжающихъ въ Римъ чужестранныхъ. Иному велѣно было примѣчать за придворными. Нѣкоторые увѣдомляли его о всемъ. что народъ говоритъ, и о всѣхъ новостяхъ, на площадяхъ и въ лавкахъ разсѣваемыхъ. Любопытство его было столь безпредѣльно, что онъ требовалъ отъ сихъ шпіоновъ отчета, какъ ведутъ себя слуги, Гвардіи солдаты и вообще всѣ военные люди Церьковной милиціи. Послику зналъ онъ собственнымъ своимъ примѣромъ, что монахи весьма свободно разговариваютъ между собою о всѣхъ новостяхъ, и что они не послѣдніе узнаютъ все, что произходитъ въ городѣ и при Дворѣ; то не было въ Римѣ ни одного монастыря, въ которомъ бы не имѣлъ онъ одного или двухъ старцовъ, кои отдавали ему вѣрный отчетъ во всемъ произходящемъ въ монастырѣ.

23. Онъ велѣлъ обнародовать

указЪ, которымЪ запрещалЪ, подЪ срокомЪ своей немилости, кричать, *да здравствуетЪ Папа СикстЪ*, когда онЪ пойдетЪ или поѣдетЪ по улицамЪ, хотя сіе издревле было вЪ обыкновеніи, и народу весьма пріятны были такія восклицанія. СикстЪ имѣлЪ много причинЪ кЪ отмѣненію сего крика и шума; главная же была та, что онЪ хотѣлЪ скрытно ходить по городу, дабы видѣть, что произходитЪ вЪ Судебныхъ мѣстахЪ и на площадяхЪ городскихЪ; и онЪ столь строго наблюдалЪ исполненіе сего указа, что два бѣдняка, не слыхавЪ обЪ ономЪ, закричавЪ, видя его на улицѣ, *да здравствуетЪ Папа СикстЪ*, были посажены на нѣсколько дней вЪ тюрьму, вЪ примѣрЪ другимЪ. Послѣ чего, когда народЪ усматривалЪ его на улицѣ; то вмѣсто того, чтобЪ выходить изЪ домовЪ, и построиться, по обыкновенію вЪ два ряда, прятался не могши снести его взоровЪ, и ему по-

падалися одни только бѣдные старики, кои не имѣя силы уйти, становилися на колѣни, и покланялися ему въ глубокомъ молчаніи. Сей страхъ столько усилился въ народѣ, что матери и кормилицы не имѣли лучшаго способа унимать дѣтей своихъ отъ слезъ, какъ говоря имъ: *вотъ ПапаНикстъ идетъ!*

24. Во время правленія его предмѣстника, Римскіе Вельможи забирали у купцовъ множество въ долгъ товаровъ, и по томъ прогоняли ихъ, когда они приходили къ нимъ за деньгами; и даже иногда велѣли гнать ихъ со двора палками; есть-ли они въ другой разъ прихаживали. Сіи бѣдные купцы, боясь потѣрять жизнь съ имѣніемъ, не смѣли просить въ судѣ на такихъ должниковъ. Сикстъ вознамѣрился прекратить сіе злоупотребленіе. Онъ послалъ за однимъ двоияниномъ, которой былъ долженъ давно большую сумму одному купцу, у коего Сикстъ

также бралъ нѣкоторыя вещи, и которой, когда купецъ требовалъ отъ него денегъ, всегда говорилъ ему, что дворяне платятъ свои долги тогда, когда имъ то разсудится. Сей человѣкъ, будучи приведенъ къ Папѣ, принужденъ былъ удовольствовать купца, коего Никстъ также призвалъ, и сверьхъ того былъ посаженъ въ тюрьму, и приказалъ его судить за то, что онъ столь долго и несправедливо пользовался чужимъ имѣніемъ. Въ то же самое время приказалъ онъ всѣмъ купцамъ принести къ нему щеты, сколько кто имъ долженъ, кои онъ всѣ заплатилъ и сдѣлался чрезъ то ихъ заимодавцомъ. Сіе столько устрашило должниковъ, что большая часть изъ нихъ пришли ночью къ купцамъ съ деньгами, и просили вычернить ихъ изъ долговой книги; но Сикстъ будучи увѣренъ чрезъ шпіоновъ, что одинъ купецъ утаилъ долгъ нѣкоего дворянина, предалъ его въ руки

правосудія, и велѣлъ судить яко ослушника. Кардинальскіе служители и прочихъ придворныхъ Вельможъ съ давняго времени были обезопасены отъ тюрьмы за свои долги, такимъ образомъ, что они брали въ долгъ у купцовъ, не опасаясь быть за то судимыми, когда не заплатятъ. Сикстъ велѣлъ обнародовать указъ, въ которомъ приказано было Кардиналамъ, чрезъ недѣлю согнать отъ себя тѣхъ изъ ихъ служителей, которые не заплатятъ всѣхъ своихъ долговъ въ сіе время, въ противномъ же случаѣ, они сами будутъ обязаны заплатить, и что имѣніе ихъ будетъ описано.

25. Сей Папа смѣялся иногда надъ слабостію и безпечностію Генриха III, которой ежедневно навлекалъ къ себѣ презрѣніе подданныхъ своихъ смѣшнымъ своимъ суевѣріемъ; и зная, что намѣреніе заговорщиковъ состояло въ томъ, чтобъ заключить его въ монастырь, и принудить по-

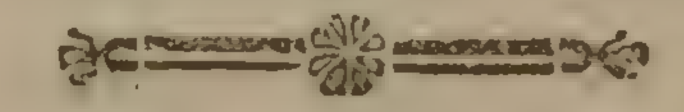
стричься; то сказалъ однажды шутя: я дѣлалъ все, что могъ, чтобъ выдраться изъ монаховъ, а Французской Король всѣми силами старается достигнуть до сего.

26. Говоря о Генрихѣ IV, называлъ онъ его Великимъ Государемъ, коего голова нарочно была сотворена для короны Французской, и что во всемъ свѣтѣ были только три Монарха: онъ, Генрихъ IV и Елисавета Аглинская Королева его современница.

27. Одинъ ремесленникъ посадилъ въ тюрьму своего племянника за то, что онъ вышелъ изъ должнаго матери почтенія, и хотѣлъ продержать его тамъ только нѣсколько часовъ, думая, что преступленіе его не заслуживало вящшаго наказанія. Папа, извѣщенный, что сей молодой человѣкъ только на нѣсколько часовъ былъ посаженъ въ тюрьму, послалъ къ тюремному старостѣ приказъ, чтобъ онъ его не

выпускалъ. Дядя, пришедъ его освободить, весьма удивился, услыша такое запрещенiе. Онъ пошелъ къ Сиксту, коему принужденъ былъ объявить, за что посадилъ онъ племянника своего въ тюрьму. Папа, выслушавъ его, сказалъ ему: ты осудалъ своего племянника посадить въ тюрьму, и отнялъ у него свободу за то, что онъ осмѣлился ударить свою мать; но я, которой есмь его Государь, и которой не долженъ терпѣть неправосудiя, я хочу, чтобъ ето дѣло было строжайшимъ образомъ изслѣдовано. И дѣйствительно, сего молодаго человѣка осудили на галеры.

Продолженiе будетъ впредь.

ОКОНЧАНІЕ ПОВѢСТВОВАНІЯ О СВАДЕБНЫХЪ ОБРЯДАХЪ НѢКОТОРЫХЪ НАРОДОВЪ.

Народы, о коихъ мы до селѣ говорили, не представляли намъ совсемъ печальнаго зрѣлища видѣть женщинъ, стѣнящихъ подъ бременемъ жестокаго самовластія, съ коимъ поступаютъ мущины многихъ народовъ съ своими подругами. Ни что, можетъ быть, столь не огорчительно для сердца человѣка чувствительнаго, какъ зрѣть силу и грубость, налагающія оковы на тихость, съ красотою соединенную! Существуютъ однако же въ нѣкоторыхъ странахъ странныя обыкновенія, показывающія, что мущины, коихъ природа одарила силою, весьма употребили во зло оную, и содѣлали участь женщинъ не сносною.

Вообще (ибо исключеній весьма мало) дикіе притѣсняютъ своихъ женъ. Тѣ, коихъ видѣлъ Г. Буген-

вилъ въ путешествіи своемъ около Свѣта, и коихъ развалъ онъ *пешере*, (по тому, что когда фрегатъ его причалилъ къ берегу; то они вскоичали *пешере*) служатъ тому поразительнымъ примѣромъ. Правда, что у сего народа женщины не имѣютъ въ себѣ тѣхъ прелѣстей, кои въ иныхъ земляхъ привязываютъ къ нимъ мущинъ; но мужьямъ ли ихъ сіе разбирать? Они сами очень малы, скверны, сухи и вонючи до крайности. У сего народа женщины однѣ разъѣзжаютъ на лодкахъ и должны берѣчь и починивать ихъ, такъ, что не смотря на стужу, пускаются онѣ къ нимъ вплавь довольно далеко отъ берега, выливать воду, естьли оная въ нихъ натѣкла. На сухомъ пути онѣ сбираютъ дрова и раковины, а мужья ихъ ни малаго участія въ ихъ работѣ не имѣютъ. Женщины не имѣющія грудныхъ ребятъ, не изъяты отъ сихъ должностей. Наконецъ сіи жестокіе и грубые му-

щины умѣли принуждать женщинъ служить себѣ въ тягчайшихъ работахъ; между тѣмъ, какъ они проводятъ жизнь свою въ праздности, которая свойственнѣе бы была слабѣйшему полу.

Дикій человѣкъ, говоритъ Г. Томасъ, будучи купно жестокъ и лѣнивъ, не зная иной любви, кромѣ Физической, и не имѣя ни одного изъ тѣхъ нравственныхъ понятій, кои только одни удобны укрощать власть и силы, деспотически повелѣваетъ твореніями, коихъ слабость ему подчиняетъ. Женщины у дикихъ суть то, что Иллоты были у Спартанъ, то есть, побѣжденный народъ, принужденный работать на побѣдителей. Отъ сего-то видали на берегахъ Оренока матерей, убивающихъ изъ сожалѣнія дочерей своихъ при рожденіи. Сіе варварское сожалѣніе почитали онѣ должностію.

Ежели есть народы, гдѣ женщины не суть жертвы строгости

законовъ, мущинами постановленныхъ, дабы присвоить себѣ всю власть; то остановимъ нѣсколько на оныхъ глаза наши. Въ островѣ Формозѣ, мужь не живетъ съ своею женою; но видается съ нею ночью, встаетъ рано, и во весь день къ ней не приходитъ; развѣ она за нимъ пришлетъ, или позоветъ мимо идущаго.

Чудное различіе въ сложеніяхъ мущинъ и женщинъ, ввело въ островѣ Цейланѣ обыкновеніе, подчиняющее мущинъ женщинамъ. Горячее сложеніе тамошнихъ женщинъ не позволяетъ имъ довольствоваться однимъ мущиною: онѣ, почти всѣ, имѣютъ по два мужа; но рѣдко, чтобъ мущина имѣлъ тамъ больше одной жены, и та часто служитъ женою цѣлой семьѣ; ибо по совершеніи брачнаго обряда, которой весьма коротокъ у сего народа, первая ночь послѣ свадьбы оставлена мужу, вторая брату его, и такъ далѣе, до шестаго колѣна включительно,

но отъ сего любовный жаръ въ женщинѣ не погасаетъ; по тому, что онѣ имѣютъ право вообще какъ женщины, такъ и дѣвки, имѣть сообщенїе съ первымъ, кто имъ понравится, лишь бы только онъ былъ имъ равенъ знатностїю.

У народовъ Лаоскаго Королевства женщины равномѣрно могутъ имѣть столько мужей, сколько имъ разсудится. Первый ребенокъ, которой родится, принадлѣжитъ старшему мужу: раждающїеся же послѣ, признаютъ за отцовъ прочихъ мужей по старшинству.

Женщины *Наиров*, или Каликутскихъ дворянъ, имѣютъ такое же право. Отецъ Ташардъ увѣряетъ, что есть такїя, кои имѣютъ до десяти мужей почитаемыхъ ими за толикое же число невольниковъ, покоренныхъ ихъ прелѣстямъ.

Знакъ первенства женщинъ надъ мущинами въ Королевствѣ Конго, есть тотъ, что тамъ мужъ по женѣ бы-

ваетъ благороденъ. Въ одной изъ провинцій сего пространнаго государства, называемой *Малимбою*, нѣкоторой весьма странной обычай доказываетъ уваженіе, отдаваемое тамъ женскому полу, которой ни гдѣ почти индѣ не можетъ располагать своею рукою. Когда Царь Малимбскій умретъ, и оставляетъ по себѣ одну только дочь; то она вступаетъ во владѣніе Королевства, лишь бы только была въ совершенныхъ лѣтахъ. Она начинаетъ тѣмъ, что объѣзжаетъ всѣ свои области; и во всѣхъ слободахъ и деревняхъ, чрезъ кои проѣзжаетъ, всѣ мущины должны построиться въ рядъ, и ея встрѣтить; тотъ изъ нихъ, кто ей болѣе понравится, долженъ проводить съ нею ночь. По возвращеніи же изъ сего путешествія посылаетъ она за тѣмъ, коимъ болѣе всѣхъ была довольна, и выходитъ за него замужъ.

Я могъ бы много распространить сіе повѣствованіе, описывая

подробности брачныхЪ обрядовЪ еще многихЪ народовЪ; но всегда бы имѢлЪ неудовольствіе, представлять читателямЪ моимЪ обычаи, часто варварскіе, и почти всегда смѢха достойные. Весьма вЪ немногихЪ странахЪ находимЪ мы мудрые законы, предписываемые человѢку Природою; или, что еще лучше, законы Природы, освященные Религіею. Весьма прискорбно для человѢчества, окинувЪ глазами вселенную, встрѢчать, почти всюду препятствія кЪ блаженству, могущему произойти отЪ брачнаго союза. Я окончу сіе картиною не давно открытаго народа, которой представляетЪ намЪ красоту, соединенную сЪ добродушіемЪ.

Г. Бугенвилю обязаны мы открытіемЪ острова Таити, и исторіею любезнаго народа, оной насѢляющаго. Рожденные вЪ наилучшемЪ климатѢ, питающіеся изящнѢйшими плодами земли плодородной безЪ всякаго воздѢлыванія, управляемые бо-

лѣе отцами, нѣжели Царями, Таитяне, не знаютъ инаго Бога, кромѣ любви: всѣ дни своей жизни ей они посвящаютъ; весь островъ есть храмъ ея. Всѣ женщины онаго суть идолы, всѣ мущины обожатели! И какія женщины! Не уступая въ красотѣ Грузинкамъ и Черкашенкамъ, суть сестры Грацій безъ покрова. Стыдъ не производитъ тамъ своего тиранства: самый легкій флеръ развѣвается вѣтромъ, и не противится желаніямъ. Дѣйствіе творить себѣ подобныхъ почитается тамъ членомъ духовнаго закона; начало онаго ободряется обѣтами и пѣніемъ всего народа, а конецъ торжествуется всеобщимъ одобреніемъ. Всякой чужестранецъ приглашается учавствовать въ сихъ щастливыхъ таинствахъ, и даже почитается у нихъ оное долгомъ гостепріимства, чтобъ ихъ звать; такимъ образомъ доброй Таитянинъ безпрестанно наслаждается чувствованіемъ своихъ собственныхъ утѣхъ,

или зрѣніемъ утѣхъ другаго. Сіи блаженные люди совершенно зависятъ отъ натуры; они получаютъ изъ рукъ ея пищу и питіе: сколь щедро награждаются они за сію воздержность и умѣренность! Кровь, вращающаяся въ ихъ жилахъ, есть кровь первоначальная: отдѣляющіеся отъ оной соки, а наипачѣ тѣ, кои определены къ утѣхамъ, къ размноженію рода, производятъ красоту, которая повсюду зрима, во всѣхъ почти людяхъ, насѣляющихъ сей островъ, и Французы весьма справедливо назвали оный новою *Цитерою*, или *Киферою*.

Публика съ удовольствіемъ видѣла въ повѣствованіи Г. Бугенвиля пріятныя подробности о Таитянахъ.

Какое удивленіе долженствовали ощутить Французы при видѣ прелестнаго зрѣлища, представившагося имъ, когда приплыли они къ острову Таити. „Большая часть жен„щинъ были наги, говоритъ Г. Бу-

„генвиль; онѣ начали дѣлать намъ
„съ лад̕ей своихъ разные привѣт-
„ственные знаки, въ коихъ, не смот-
„ря на простоту, было нѣкое смy-
„щенiе: отъ того ли, что натура
„всюды украсила прекрасный полъ
„нѣжною стыдливостiю, или отъ
„того, что въ землѣ, гдѣ царству-
„етъ еще простота златаго вѣка,
„женщины показываютъ, что не хо-
„тятъ того, чего онѣ наиболѣе
„желаютъ. Мущины ихъ, будучи
„вольнѣе и простѣе, вскорѣ съ нами
„ясно объяснилися .... Они проси-
„ли насъ усильно, чтобъ мы из-
„брали себѣ по женщинѣ, чтобъ пос-
„лѣдовали за ними на землю и по-
„казывали намъ несомнѣнными зна-
„ками, какимъ образомъ должно съ
„ними познакомиться. Я спрашиваю,
„продолжаетъ Г. Бугенвиль, какимъ
„образомъ удержать въ повиновенiи
„посреди сего зрѣлища четырехъ
„сотъ молодыхъ Французовъ,
„кои съ полгода не видали уже

,,женщинъ? Не смотря на всѣ наши ,,предосторожности, взошла на фре- ,,гатъ молодая дѣвушка, которая, ,,сбросивъ съ себя покрывало, пред- ,,ставилась всѣмъ, какъ Венера нѣ- ,,когда Фригійскому пастуху. Она ,,была совершенная красавица... Лег- ,,ко можно представить, съ какою ,,торопостію бросилися къ ней мат- ,,росы и солдаты.,,

Офицеры фрегатные успѣли однако же удержать сихъ людей, распаленныхъ жарчайшею страстію. Удерживать самаго себя не было самое легчайшее дѣло.

Не смотря на запрещенія, поваръ Капитанской нашелъ способъ уйти. Едва только вступилъ онъ на островъ съ избранною имъ красавицею, какъ увидѣлъ себя окруженнаго толпою островитянъ, кои въ одну минуту раздѣли его донага. Онъ почиталъ себя погибшимъ, не зная, чемъ кончатся восклицанія сего народа, которой разсматривалъ съ ве-

ликимъ шумомъ всѣ части его тѣла. Осмотрѣвъ его съ ногъ до головы, отдали ему его платье, подозвали дѣвку, и приставили къ нему, чтобъ исполнилъ то, зачемъ сошелъ съ нею на землю.... Сіе было тщетно. Островитяне принуждены были отвести обратно на фрегатъ бѣднаго повара, которой былъ больше мертвъ, нѣжели живъ, и которой на силу освободился отъ страху, причиненнаго ему Таитянами, рачительнымъ осмотромъ его тѣла, дабы узнать, такъ ли онъ сотворенъ, какъ они.

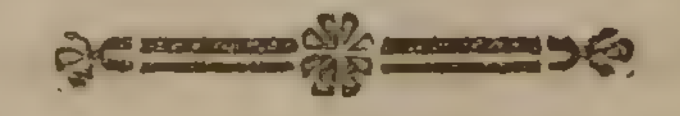
Какъ установилася между ими взаимная довѣренность, что скоро послѣдовало; то Французы сошли къ нимъ, и тогда островитяне продолжали принимать ихъ съ прежде означенною ласковостію.

,, Каждой день люди наши гуля-
,, ли, говоритъ Г. Бугенвиль; ихъ
,, зазывали въ домы, подчивали тамъ,
,, предлагали имъ молодыхъ дѣвушекъ,

„домъ наполнялся вскорѣ множест-„вомъ любопытныхъ обоего пола „людей, кои дѣлали кругъ около „гостя и младой жертвы гост-пріимства ихъ, полъ усыпали цвѣ-„тами и листьями, играли на флей-„тахъ, и припѣвали приличныя къ „тому пѣсни. Они не могли нади-„виться смущенію, показываемому „нашими; ибо нравы наши не тер-„пятъ такой явности. Однако же „я не ручаюсь, чтобъ нѣкоторые „не преодолѣли стыда, и не по-„ступили сообразно съ обычаями „той страны.„

Въ Таити нѣтъ обыкновенія удручать прекрасной полъ тяжкими работами. Сладкая праздность есть удѣлъ Таитянокъ, а стараніе нравиться есть важнѣйшее ихъ дѣло. Жены должны своимъ мужьямъ безпредѣльнымъ повиновеніемъ: онѣ бы омыли въ крови своей учиненную имъ невѣрность безъ соизволенія на то ихъ мужа. Не мудрено, правду

сказать, истребовать на то его согласія, по тому, что мужь, обыкновенно первый, уговариваетъ жену свою предаваться другимъ мущинамъ. Дѣвушка же ни какого принужденія въ разсужденіи сего не терпитъ; все побуждаетъ ея слѣдовать склонности ея сердца, или законамъ чувствъ, а всенародныя одобрѣнія ее сопровождаютъ. „ Кажется, что боль-
„ шое число ея любовниковъ не пре-
„ пятствуютъ ей сыскать себѣ
„ послѣ мужа. Ибо они разсужда-
„ ютъ, что не льзя имъ проти-
„ виться вліянію климата, и соблаз-
„ нительнымъ примѣрамъ. Воздухъ,
„ коимъ они дышатъ, пѣсни, пляс-
„ ки, сопровождаемыя, почти всегда,
„ любострастными тѣлодвиженіями,
„ все уловляетъ ихъ къ роскоши и
„ все напоминаетъ имъ сладости
„ любовныя. „

ПОНЯТІЕ АМЕРИКАНЦОВЪ О БУДУЩЕЙ ЖИЗНИ.

Американцы думаютъ, что все твари, одушевленныя и неодушевленныя, скоты, растѣнія, пни и камни имѣютъ души, такъ, какъ люди. Они такія же мысли имѣютъ о произведеніяхъ искусства, какъ-то о ножахъ, о зеркалахъ, о лодкахъ и о всемъ дѣлающемся руками человѣческими, и думаютъ, что ихъ души, по истребленіи сихъ вещей, или по разбитіи преходятъ въ другой міръ, гдѣ обитаютъ духи мущинъ и женщинъ. Для сего-то кладутъ они всегда съ умершими своими пріятелями при погребеніи лукъ и стрѣлы, дабы они употребляли на томъ свѣтѣ, души сихъ орудій, такъ, какъ на семъ служили имъ вещественныя тѣла оныхъ. Сколь ни безразсудно кажется сіе мнѣніе; однако же нѣкоторые изъ нашихъ Европейскихъ философовъ столь же вообще невѣ-

роятныя столь о томъ системы. Нѣкоторые послѣдователи Платоновы, въ особливости, разсуждая о мірѣ понятій, говорятъ намъ о столь же нелѣпыхъ вещахъ. Многіе Аристотелики столь же непонятнымъ образомъ толковали о своихъ *вещественныхъ образованіяхъ* и проч.

Американцы вѣрятъ нѣкоторому древнему своему преданію, что нѣкто изъ тамошнихъ урожденцовъ имѣлъ видѣніе, въ продолженіе коего низходилъ онъ до великаго душехранилища, или до того свѣта, какъ мы называемъ, и что возвратясь оттолѣ подробно разсказалъ своимъ знакомымъ все, видимое имъ въ царствѣ мертвыхъ. Одинъ изъ моихъ пріятелей, знавшій нѣкотораго толмача Американскихъ Князьковъ, пріѣзжавшихъ въ Лондонъ, попросилъ его навѣдаться сколь можно подробнѣе отъ Американцовъ о семъ преданіи. Вотъ все, что онъ могъ собрать о томъ отвѣтовъ на свои вопросы.

Американецъ, о которомъ идетъ у насъ рѣчь, по имени Марратонъ, шествуя долгое время подъ нѣкоторою утлою горою, прибылъ наконецъ къ міру духовъ; но онъ не могъ въ оной войти, по причинѣ густаго лѣса, состоящаго изъ терновника и прочихъ колючихъ кустарниковъ, столь часто перепутанныхъ, что не было способу сквозь оной продраться. Между тѣмъ, какъ онъ искалъ какой нибудь тропинки; то увидѣлъ престрашнаго льва, которой смотрѣлъ на него, и былъ въ такомъ положеніи, когда онъ готовъ броситься на свою добычу. Едва Американецъ подался на нѣсколько шаговъ назадъ, какъ левъ бросился на него. Не имѣя ни какого оружія, хотѣлъ онъ поднять камень; но весьма удивился, осязавъ одинъ только воздухъ, или призракъ камня. Сколько онъ тогда испугался; то не менѣе того и обрадовался, увидя, что левъ, дер-

жащій его лапою за лѣвое плечо, не дѣлалъ ему ни малѣйшаго вреда, и что онъ былъ только духъ сего свирѣпаго звѣря? Освободясь отъ своего безсильнаго непріятеля, пошелъ онъ къ лѣсу, и разсмотрѣвъ прилѣжно оной, хотѣлъ продраться чрезъ то мѣсто, которое не столь часто ему показалося; но къ великому своему удивленію, нашелъ онъ, что кустарникъ не дѣлалъ ни малѣйшаго сопротивленія, что онъ шелъ чрезъ терновникъ съ такою же удобностію, какъ бы сквозь одинъ воздухъ, и что, однимъ словомъ, весь лѣсъ состоялъ изъ древесныхъ тѣней. Онъ тотчасъ заключилъ, что сія частая терновая ограда была тутъ, для удержанія за оною духовъ, коихъ нѣжное тѣло могло быть изорвано сими тончайшими иголками, хотя надъ нимъ они и никакого дѣйствія не произвели. Въ сихъ мысляхъ вознамѣрился онъ пройти весь сей лѣсъ, какъ вдругъ по-

чувствовалъ благоуханіе, коего запахъ становился сильнѣе и пріятнѣе, по мѣрѣ шествія его въ передъ. За симъ вскорѣ онъ примѣтилъ, что терновый кустарникъ скрывалъ отъ него безчисленное множество древесъ покрытыхъ цвѣтами неописанной красоты и пріятнѣйшаго духа, кои наполняли воздухъ ароматическимъ своимъ запахомъ. Вышедъ изъ сего прелѣстнаго лѣса, и вошедъ въ пространное поле, увидѣлъ онъ многихъ скачущихъ верьхами людей, и скоро за симъ услышалъ лай собакъ. Между прочими замѣтилъ онъ одну прекрасную бѣлую лошадь, съ сидящимъ на ней юношею, которой во всю прыть скакалъ за душами сотни борзыхъ собакъ, старающихся поимать духъ зайца, которой бѣжалъ съ удивительною скоростію. Когда сей молодецъ поровнялся съ нимъ; то онъ, посмотря на него пристально, узналъ, что это былъ молодой Князь Нихарагва, коего

смерть за полгода предъ тѣмъ похитила, и по коемъ вся западная Америка проливала слезы, по причинѣ великихъ его добродѣтелей.

Едва вышелъ онъ изъ лѣсу, какъ увидѣлъ очарованное поле, испещренное цвѣтами, увидѣлъ зеленые луга и долины, въ коихъ царствовала прохладная тѣнь. Все сіе столько превосходило видимое на семъ свѣтѣ, что онъ не могъ того изъяснить. Сія блаженная страна была населена безчисленностію духовъ, кои разнымъ образомъ забавлялися, каждой по своему вкусу. Они играли тѣнію вещей; и нѣкоторые дѣлали прекрасныя вещицы душами умершихъ орудій: ибо такъ они называютъ свои орудія, когда они изломаются или згорятъ. Посредѣ сего пріятнаго поля и сей изобильной разнообразности цвѣтовъ, коими повсюду было оно украшено, и въ числѣ коихъ находилися совсемъ Марратону не извѣстные;

часто приходило ему желаніе собрать оныхъ нѣсколько: но онъ вскорѣ узналъ, что они отъ осязанія его ускользаютъ, хотя онъ и могъ видѣть ихъ глазами. Наконецъ пришолъ онъ къ одной великой рѣкѣ: и поелику любилъ весьма рыбную ловлю; то остановился и смотрѣлъ долго на одного рыбака, которой наловилъ удою множество рыбьихъ призраковъ, прыгающихъ вокругъ его по берегу.

Должно прибавить къ сему, что сей Американецъ лишился своей жены, которая была первая въ той землѣ красавица, и отъ которой онъ имѣлъ многихъ дѣтей. Любовь ихъ другъ къ другу столь была чрезмѣрна, что и по нынѣ, когда поздравляютъ молодыхъ, то желаютъ имъ быть такъ щастливыми и согласными, какъ *Марратонъ* съ *Іаратильдою*. Но какъ бы то ни было, сей вѣрный супругъ, смотря съ примѣчаніемъ на рыбака, увидѣлъ вдругъ

тѣнь своей любезной *Іаратильды*, которая уже смотрѣла на него прежде, нежели онъ ея увидѣлъ. Она простирала къ нему руки, проливая источники слезъ; взглядами своими, движеніемъ рукъ и голосомъ звала его къ себѣ; но въ то же самое время показывала невозможность перейти сію рѣку. Кто можетъ описать радость, прискорбіе, любовь, желаніе и уединеніе, возбужденные въ душѣ *Марратоновой*, когда онъ узрѣлъ свою любезную *Іаратильду*? Онъ не могъ выразить сихъ страстей, его волнующихъ, иначе, какъ только одними слезами, кои текли изобильно по лицу его. Горя нетерпѣніемъ облобызать ее, бросился онъ въ рѣку, которая была токмо одинъ призракъ, и перешелъ на другую сторону, не замочивъ ни мало ногъ. Когда онъ приближился; то *Іаратильда* бросилася въ его объятія, и *Марратонъ* весьма желалъ въ то время свергнуть съ себя грубое свое

тѣло, препятствующее ему ощущать ея нѣжныя ласки. По многихъ вопросахъ и изъявленіи взаимной горячности, повела она его въ бесѣдку, собственными ея руками сплетенную и украшенную всѣмъ тѣмъ, что сія цвѣтущая страна имѣла въ себѣ прелестнѣйшаго. Она ежедневно прибавляла къ тому какое либо новое украшеніе, и учинила сіе убѣжище пріятнѣйшимъ мѣстомъ въ свѣтѣ. Между тѣмъ, какъ *Марратонъ* разсматривалъ въ восхищеніи неизобразимую красоту ея жилища, и обонялъ божественное благоуханіе. *Іаратильда* сказала ему, что она приготовила сію бесѣдку, для принятія его въ оную, будучи увѣрена, что его благочестіе и праводушіе не преминутъ привести его въ сіе блаженное обиталище, по смерти. По томъ подозвала двухъ своихъ дѣтей, умершихъ за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ, и кои жили съ нею въ сей прекрасной бесѣдкѣ, и просила

своего супруга, чтобъ онъ старался воспитывать оставшихъ своихъ дѣтей, такимъ образомъ, чтобъ они могли наконецъ всѣ увидѣться въ семъ очаровательномъ мѣстѣ, гдѣ вкушаются одни непорочныя и тихія забавы.

То же преданіе присоединяетъ къ сему, что Марратонъ видѣлъ также ужасныя и печальныя мѣста, въ коихъ обитаютъ злые по смерти, и что тамъ находится множество озеръ растопленнаго золота, въ коемъ погружены души лютыхъ Европейцовъ, погубившихъ безчеловѣчно многія тысячи бѣдныхъ Американцовъ, для насыщенія своей неправедной и подлой скупости.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ЛЮБОПЫТНЫХЪ КРИТИЧЕСКИХЪ ПРИМѢЧАНІЙ НА НѢКОТОРЫЯ НЕИМОВѢРНЫЯ МѢСТА ВСЕОБЩЕЙ ДРЕВНЕЙ ИСТОРІИ.

О ФИЛОСОФАХЪ, СОЧИНИВШИХЪ УДИВИТЕЛЬНОЕ МНОЖЕСТВО КНИГЪ, ОДИНЪ ИЗЪ НИХЪ ИЗУРОДОВАЛЪ СЕБѢ ПАЛЬЦЫ ОТЪ МНОГАГО ПИСАНІЯ.

Люди давно уже упорно стоятъ въ двухъ мнѣніяхъ. Первое то, что будто въ свѣтѣ не находятъ той честности и добродушія, коими отличалися древніе. Другое состоитъ въ томъ, что будто нынѣ нѣтъ уже такихъ ученыхъ мужей, каковыхъ производила Греція и Италія. Не говоря о первомъ, которое многими учеными людьми опровергнуто, упомяну я о второмъ. Что науки болѣе въ древности процвѣтали, нѣ-

жели въ наши времена; сіе полагаемъ мы невѣроятному числу книгъ, приписываемыхъ древнимъ писателямъ. Епикуръ сочинилъ три ста томовъ объ одномъ Цилиндрѣ; Хризипъ съ лишкомъ семь сотъ; Грамматикъ Дидимъ три тысячи пять сотъ, по сказанію Аѳинея, а по увѣренію Сенеки четыре тысячи; Трисмегистъ тридцать шесть тысячь.

Не безразсудно ли увѣрять, что Епикуръ сочинилъ три ста книгъ о Цилиндрѣ? Что могъ онъ сказать о столь бѣдной и сухой матеріи? Едва можно набрать и одну книгу. Что содержали въ себѣ семь сотъ книгъ Хризиповыхъ? Какимъ образомъ Дидимъ ухитрился написать четыре тысячи томовъ о Грамматикѣ? Развѣ сочинилъ онъ Грамматики всѣхъ извѣстныхъ тогда языковъ? Что касается до Меркурія Трисмегиста; то, чтобъ написать такое множество книгъ, должно по-

лагать, что онъ жилъ сто лѣтъ, что началъ писать въ самый первый день рожденія своего, и всякой день сочинялъ по цѣлой книгѣ. Тѣ, кои утверждаютъ число, пространство и достоинство сихъ книгъ, развѣ видѣли ихъ и читали, что входятъ объ нихъ въ такую подробность.

Вспомнимъ, какимъ образомъ древніе писали. Они употребляли на то желѣзныя иголки, трости и прочія орудія, несравненно неудобнѣе употребляемыхъ нами перьевъ. Сверьхъ сего, на какомъ веществѣ они писали? На дощечкахъ, изъ древесной коры сдѣланныхъ, и на кожахъ натертыхъ воскомъ. Я не говорю о ихъ чернилахъ, кои по свойству сихъ орудій и веществъ, вмѣсто бумаги служащихъ, долженствовали быть гуще и бѣлѣе нашихъ. По сему можно заключить, что писаніе древнихъ было труднѣе нашего, и что писатели надмѣру продолжительно на-

черкивали буквы, чтобъ могли написать толикое множество книгъ: ихъ рукописи столь же были толсты, сколь и тяжелы. Въ семъ можно удостовѣриться въ библіотекахъ, гдѣ оныя хранятся. Въ библіотекѣ Св. Марка въ Венеціи есть столь тяжелыя и большія, что сильному носильщику едва только въ мочь сдвинуть оной съ мѣста. Отъ сего то произходитъ и то, что творенія древнихъ казалися гораздо больщими, нѣжели въ самомъ дѣлѣ были.

Я заключу сіе одною весьма любопытною чертою, имѣющею великое отношеніе къ сей матеріи. Философъ Хризанфій, говоритъ Евнапъ, молился Богу безпрестанно и читалъ посредственно. Будучи уже съ лишкомъ осмидесяти лѣтъ, написалъ онъ столько книгъ, что едва можно другому въ молодости столько прочитать. Пальцы его согнулися и скорчилися, отъ безпрестаннаго писанія. Вотъ такое прик-

люченіе, коего перо никогда произвести не могло, и коему я сомнѣваюся, что бы кто повѣрилъ. Естьли бы Хризаней безпрестанно работалъ заступомъ, или тяжелымъ молотомъ; то можно бы повѣрить, что пальцы его скорчилися отъ сей тяжелой работы: но что бы отъ пера произошло такое дѣйствіе; въ етомъ никого увѣрить не можно.

ЕВРИДАМЪ ПРОГЛОТИЛЪ СВОИ ЗУБЫ.

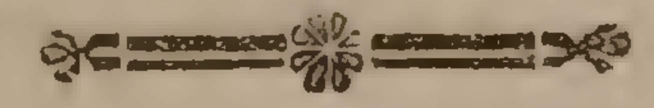
Человѣкъ съ природы наполненъ гордостію: рѣдко находимъ мы Сократовъ, кои бы признавалися, что они знаютъ только то, что ничего не знаютъ; то же самое примѣчается и въ вещахъ, касающихся до силы и власти. Ни кто не хочетъ уступить въ такихъ спорахъ, коихъ рѣшеніе зависитъ отъ языка, или отъ оружія. Естьли же кто найдется побѣжденнымъ; то обвиняетъ въ томъ щастіе, а никогда

самаго себя. Еліянъ представляетъ намъ черту, которая, естьли бы была справедлива, то весьма бы къ сему годилася: „Еврадамъ, бившись „на кулачки, одержалъ побѣду надъ „своимъ соперникомъ, которой вы„билъ ему всѣ зубы; Еврадамъ ихъ „проглотилъ, дабы ни кто не при„мѣтилъ, что онъ раненъ.„

Ударъ, сколь бы оной силенъ не былъ, можетъ ли у человѣка выбить всѣ зубы, естьли они у него не вставные? Мы видимъ, что зубные врачи съ великимъ трудомъ могутъ ихъ выдергивать. Надлѣжало, чтобъ Еврадамъ имѣлъ зубы, подобные Прузіевымъ, Царя Виѳинійскаго. По сказанію Валера Максима, сей молодой Государь имѣлъ въ верьхней челюсти зубы, вмѣстѣ соединенные; они составляли одну только кость, которая была перечерчена дорожками въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ должны быть зубы. Плутархъ приписываетъ такіе же зубы

Пирру, Царю Епиротовъ. Нашъ боецъ не имѣлъ такихъ зубовъ; ибо, какимъ бы образомъ могъ онъ проглотить цѣлую челюсть, не подавяся оною? Мнѣ скажутъ, можетъ быть, что не всѣ зубы вышибли Евридаму; но только нѣсколько изъ оныхъ. Тщетное толкованіе! Еліянъ имянно говоритъ, что всѣ.

Другая причина, побуждающая меня почитать сію повѣсть за басню, есть та, что всѣ ли, не всѣ ли зубы вышибены были у Евридама, до того нѣтъ дѣла; но какъ бы то ни было, онъ долженъ былъ почувствовать несносную боль, изо рта должна была течь кровь, что бы, безъ сомнѣнія, соперникъ его примѣтилъ. Онъ умѣлъ однако же скрыть кровь и зубы, проглотилъ то и другое мужественно, продолжалъ биться, и ни кто не примѣтилъ его нещастія, кромѣ Еліяна, коему, видно, Евридамъ открылъ оное по секрету.

СТАТЬЯ УВЕСЕЛИТЕЛЬНАЯ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ИСТОРІИ О ДАКІАНОСѢ И СПЯЩИХЪ.

Дакіаносъ продолжая разсуждать о спящихъ юношахъ, говорилъ: конечно имѣютъ они какое либо сообщеніе, которое мнѣ не извѣстно. Но дабы сему пособить; то надлѣжитъ окружить гору моими войсками. Тотъ часъ приказалъ онъ, чтобъ шесть сотъ тысячь человѣкъ окружили гору, и неусыпно бы смотрѣли, чтобъ ни кто не подходилъ къ толь ненавистному для него мѣсту. Взявъ сіи новыя предосторожности, возвратился онъ къ отверстію пещеры, и сказалъ голосомъ громкимъ и надмѣннымъ: теперь-то вы принуждены

будете отдаться въ мою волю. Катніеръ отвѣчалъ ему: мы тебя не боимся, Богъ намъ защитникъ; но послушайся меня, возвратися въ Ефесъ, присудствіе твое тамъ нужно. Дакіаносъ видя, что онъ ему болѣе не отвѣчаетъ, поѣхалъ въ городъ, и нашелъ, что большая часть Евнуховъ его сераля умерщвлены, а жены обезчещены и похищены. Дакіаносъ, приведенный внѣ себя симъ оскорбленіемъ, возвратился къ пещерѣ и сказалъ Катніеру: (ибо онъ одинъ только ему отвѣтствовалъ) естьли твой Богъ можетъ возвратить мнѣ похищенную честь мою; то, можетъ быть, я..... Катніеръ ему сказалъ: Богъ не возвращаетъ чести тому, кто оную потѣрялъ. Ступай опять въ Ефесъ, новыя нещастія тамъ тебя ожидаютъ. Сіи слова привели Дакіаноса въ смятеніе. Онъ немедлѣнно отправился назадъ, и нашелъ, что діаволъ ненависти овладѣлъ тремя его сыновьями;

они напали другъ на друга съ оружіемъ, и Ангелъ смерти готовился ихъ похитить, что и учинилъ онъ въ его глазахъ. Какая скорбь для отца! Какая горѣсть для человѣка честолюбиваго, который намѣрялся дать каждому изъ нихъ во владѣніе по части свѣта! Снѣдаемъ будучи тоскою, возвратился онъ опять къ пещерѣ. Злодѣи, сказалъ онъ имъ, какимъ мученіямъ предамъ я васъ, когда вы попадетесь въ мои руки? Но возвратите мнѣ моихъ дѣтей, и я прощу вамъ все вами мнѣ содѣянное. Катніеръ опять отвѣчалъ ему: Богъ не возвращаетъ дѣтей изгнанныхъ имъ изъ свѣта, въ наказаніе отцу за его злодѣянія. Ступай обратно въ Ефесъ, ты достоенъ испытать еще новыя нещастія. Уже ихъ и такъ надмѣру много, вскричалъ Дакіаносъ уходя; въ бѣшенствѣ же и въ отчаяніи, которыя терзали его сердце, приказалъ онъ всѣмъ своимъ войскамъ и всѣмъ жителямъ Ефес-

кимъ, чтобъ каждой изъ нихъ понесъ по вязанкѣ дровъ. Приказаніе его исполнили. Онъ велѣлъ скласть сію громаду дровъ у пещеры и зажечь ихъ, надѣясь задушить заключенныхъ. Но вѣтеръ понесъ пламя сего великаго огня на Армію, которая побѣжала, и на городъ. Однако же ни одинъ домъ въ ономъ не былъ поврежденъ; но огонь привязался къ Дакіаносову дворцу, которой совершенно превратился въ пепѣлъ, и всѣ богатства, собираемыя имъ всегда съ толикимъ раченіемъ, изчезли въ его глазахъ; пещера же не претерпѣла ни малѣйшаго вреда. Сіе послѣднее чудо понудило его простирать моленія къ седьми спящимъ, и даже къ самому Катніеру, прося ихъ за него заступиться. Катніеръ ему отвѣчалъ: не раскаяніе, но страхъ смягчаетъ жестокость твоего сердца. Удались отселѣ, Богъ видитъ твою душу, ты не можешь его обмануть.

Дакіаносъ пошелъ, будучи крайнѣ

пристыженъ симъ послѣднимъ упрекомъ, но еще болѣе тѣмъ, что напрасно унижался.

Посреди всѣхъ нещастій, столь скоропостижно одно за другимъ слѣдовавшихъ, для угнѣтенія сего врага Божія, усугубившійся бунтъ, требовалъ примѣровъ; а состояніе Дакіаносова сердца побуждало его учинить оные жесточайшими; для сего велѣлъ онъ воздвигнуть среди народной площади, и на развалинахъ своихъ чертоговъ, желѣзный тронъ; приказалъ всѣмъ своимъ войскамъ и Двору облещися въ красную одежду (*); и надѣть черныя чалмы; онъ самъ одѣлся въ такое же платье, дабы въ единый мигъ истребить пять, или шесть сотъ тысячь человѣкъ, коихъ хотѣлъ онъ принести на жертву безопасности своего престола, памяти своихъ сыновей, по-

(*) Сей цвѣтъ въ Восточныхъ странахъ, есть знакъ Царскаго мщенія и гнѣва.

терянной чести, и что еще болѣе, терзаніямъ, раздирающимъ его сердце. Но прежде исполненія сего варварскаго намѣренія, онъ хотѣлъ еще разъ побывать у пещеры, надѣясь, что его оружіе, послѣдняя надежда злодѣевъ, устрашитъ, можетъ быть, тѣхъ, отъ коихъ ничего не могъ онъ получить ни прозьбами, ни угрозами; пришедъ туда, онъ удвоилъ свои богохуленія. Трепещи, злодѣй! сказалъ ему тогда Катміеръ, не показывая, по обыкновенію своему, ни малѣйшаго безпокойства, и даже не подымая головы, которая лежала у него на лапахъ. Мнѣ трепетать! вскричалъ Дакіаносъ, самъ Богъ не можетъ трепетать меня заставить; но онъ можетъ тебя наказать, сказалъ Катміеръ, ты приближаешся къ концу своему. Дакіаносъ не внимая тогда ничему болѣе, кромѣ своего гнѣва, взялъ свой лукъ и стрѣлы: посмотримъ, продолжалъ онъ, не страшенъ ли я, по крайнѣй мѣрѣ:

тогда натянувъ лукъ, пустилъ въ него стрѣлу; но нѣкая чрезъестественная сила заставила ея упасть къ ногамъ стрѣльца, и въ самое то мгновеніе выползъ изъ пещеры змѣй, длиною болѣе ста двадцати локтей, страшные и пламенные его глаза привели Дакіаноса въ ужасъ; онъ хотѣлъ уйти; но змѣй скоро его настигъ, схватилъ поперегъ тѣла и понесъ по всему городу, дабы всѣ подданные были свидѣтелями его страха и наказанія, по томъ отнесъ онъ его на желѣзный тронъ, приготовленной имъ для исполненія лютаго своего мщенія. Тамъ-то началъ онъ его снѣдать по немногу, и Дакіаносъ, несносными страданіями своими, явилъ страшный примѣръ наказанія, заслуживаемаго неблагодарностію его и безбожіемъ. Змѣй, разтерзавъ его, возвратился въ пещеру, не сдѣлавъ никому врѣда, и всѣ Ефесскіе жители осыпали его благословеніями, видя обратное его шествіе.

Многіе Цари были преемниками Дакіаносова престола, и владѣли онымъ, во продолженіе ста сорока лѣтъ, по истеченіи сего времени, перешелъ онъ въ руки къ древнимъ Грекамъ, кои владѣли имъ еще сто шестьдесятъ девять лѣтъ.

Когда положенное время сну седьми спящихъ исполнилось. то начертанное въ книгахъ Божіихъ произошло съ ними; одинъ изъ нихъ проснулся въ самой тотъ часъ, какъ заря начала освѣщать небо, онъ всталъ, говоря самъ въ себѣ; мнѣ кажется, что я спалъ, по крайнѣй мѣрѣ, сутки; между тѣмъ пробудились и прочіе, будучи поражены тою же мыслію.

Ямвлихъ, которой былъ всегда живѣе прочихъ, вскочилъ съ поспѣшностію, и весьма удивился, увидя у отверстія пещеры стену, сооруженную изъ пребольшихъ каменьевъ, кои заграждали оную совершенно, онъ возвратился къ своимъ товари-

щамъ, и разсказалъ имъ причину своего удивленія; но не взирая на сіе неудобство, положились они, чтобъ непремѣнно одному изъ нихъ итти въ городъ и купить чего нибудь для пищи; они избрали къ сему пастуха и Ямвлихъ давъ ему денегъ, сказалъ: ступай, ты ни какой опасности не подвергнешся, показавшись тамъ. Пастухъ пошелъ, чтобъ оказать имъ сію услугу. Въ ту самую минуту проснулся Катніеръ: лапы его были невредимы и онъ началъ къ нему ласкаться. Пастухъ тщетно старался выйти изъ пещеры; ибо проходъ, оставленный Дакіаносомъ, былъ заваленъ; но разсматривая со вниманіемъ, увидѣлъ онъ тѣ страшные камни, изъ коихъ была составлена стена; онъ призналъ съ великимъ изумленіемъ, что большая часть деревьевъ посохли, а другіе попадали, что вода въ ручьяхъ текла иначе, однимъ словомъ, онъ столько удивился великимъ

симъ перемѣнамъ, что возвратился въ пещеру, дабы сообщить о томъ своимъ товарищамъ. Они тотъ часъ пошли, что бы въ томъ удостовѣриться; но каждый предметъ только что усугублялъ ихъ недоумѣніе. Ямвлихъ сказалъ тогда пастуху: дай мнѣ свое платье, я самъ схожу въ городъ за нашими потребностями, и развѣдаю о томъ, чего мы теперь понять не можемъ; пастухъ помѣнялся съ нимъ платьемъ. Ямвлихъ съ великимъ трудомъ могъ пролезть сквозь развалинъ сей толстой стены, пошелъ по дорогѣ, ведущей въ городъ, и увидѣлъ на вратахъ онаго знамя съ сею надписью: *нѣтъ инаго Бога, кромѣ истиннаго Бога.* Онъ весьма удивился, что въ одну ночь послѣдовала такая перемѣна: не сплю ли я? говорилъ онъ, не сонное ли мечтаніе мнѣ представляется? Между тѣмъ, какъ онъ погружался въ сіи размышленія, увидѣлъ идущаго къ себѣ навстрѣчу

человѣка, Ямвлихъ подошедъ къ нему спросилъ, не Ефесомъ ли называется сей городъ? Тотъ отвѣчалъ ему, что такъ; какъ называется управляющій онымъ, спросилъ съ поспѣшностію Ямвлихъ? Имя ему Енкухъ, отвѣчалъ тотъ же человѣкъ, онъ нашъ Царь и здѣсь имѣетъ свое пребываніе: Ямвлихъ, пришедъ въ вящшее удивленіе, продолжалъ свои вопросы: что значатъ слова написанныя на знамѣ, спросилъ онъ его? Онъ удовольствовалъ его любопытство, сказавъ, что онѣ изображаютъ имя Божіе; но мнѣ кажется, прервалъ Ямвлихъ съ стремленіемъ, что Дакіаносъ есть Царь сего города, и что ему здѣсь покланяются, какъ Богу. Я никогда не слыхивалъ, сказалъ ему гражданинъ, ни о какомъ Царѣ, которой бы симъ именемъ назывался. Какой странной сонъ я вижу, вскричалъ Ямвлихъ! Пожалуй сдѣлай милость разбуди меня, сказалъ онъ ему; сей

человѣкъ, удивленный такими словами, сказалъ ему: Какъ! ты мнѣ дѣлаешь благоразумные вопросы, ты понялъ мои отвѣты, и думаешь, что ты спишь? Ямвлихъ устыдясь, что подалъ ему о себѣ столь странное мнѣніе, пошелъ отъ него, говоря самъ въ себѣ, Великій Боже! Не уже ли я лишился ума! Въ такомъ смятеніи мыслей вошелъ онъ въ городъ, коего ни какъ не могъ узнать; домы, храмы, серали показались ему совсѣмъ иными; наконецъ остановился онъ у лавки нѣкоего хлѣбника, выбралъ нѣсколько хлѣбовъ и отдалъ деньги. Хлѣбникъ разсмотрѣвъ ихъ, глядѣлъ на Ямвлиха пристально, сей отъ того встрѣвожился и сказалъ ему: что ты на меня смотришь, подай мнѣ хлѣбъ, возьми деньги, а въ прочемъ какое тебѣ до меня дѣло? Хлѣбникъ спросилъ у него съ великимъ любопытствомъ: гдѣ ты взялъ сіи деньги? Какая тебѣ до того нужда,

отвѣчалъ Ямвлихъ, я не знаю сихъ денегъ, сказалъ ему хлѣбникъ, на нихъ нѣтъ клейма нынѣшняго Государя, скажи мнѣ, по какому щастію нашелъ ты кладъ, подѣлись со мною, и будь увѣренъ, что я никому о томъ не скажу. Ямвлихъ вышедъ почти изъ терпѣнія, сказалъ ему, сіи деньги за Дакі:носовымъ клеймомъ; онъ есть самодержавный Обладатель сея земли; что мнѣ тебѣ больше сказать? Но хлѣбникъ, не отставая отъ своего мнѣнія, продолжалъ такъ: я вижу, другъ мой, что ты пришелъ изъ деревни, вѣрь же, что пастушеское твое ремесло не такъ хитро, чтобъ ты могъ меня обмануть. Богъ оказалъ тебѣ милость, пославъ сей кладъ, естьли же ты не согласишся раздѣлить его со мною, то я донесу на тебя Царю, онъ велитъ тебя задержать, отниметъ твои сокровища, и можетъ быть, еще за утайку, предастъ тебя смерти.

Ямвлихъ выведенный совершенно изъ терпѣнія рѣчами хлѣбника, хотѣлъ взять хлѣбъ и удалиться; но хлѣбникъ его не пустилъ; они начали спорить, на сей шумъ сбѣжался народъ и слушалъ: Ямвлихъ говорилъ хлѣбнику: я только вчера вышелъ изъ города, севодни возвратился, то съ чего ты вздумалъ, что я нашелъ кладъ; ни что такъ не справедливо, говорилъ хлѣбникъ, и я требую своей доли. Нѣкто изъ придворныхъ пришелъ на сей крикъ, и будучи въ недовѣдѣніи о семъ происшествіи, привелъ отрядъ воиновъ, которые схвативъ Ямвлиха привели къ Царю; объявили причину спора, и Царь спросилъ у него: гдѣ ты нашелъ тѣ старинныя деньги, о которыхъ мнѣ сказываютъ; Государь, отвѣчалъ Ямвлихъ, я принесъ ихъ вчера изъ города; но въ одну ночь Ефесъ такъ перемѣнился, что я не могу его узнать; всѣ тѣ, съ коими я встрѣчался, и которыхъ вижу,

совершенно мнѣ незнакомы; хотя я и самъ родился въ семъ городѣ; я не могу изъяснить смятенія моего ума. Царь сказалъ ему: ты мнѣ кажешся разумнымъ, лице твое пріятно и не показываетъ ни какого поврежденія; то какимъ же образомъ слова твои столь безразсудны? Развѣ для того ты притворяешся безумнымъ, чтобъ меня обмануть? Я хочу непремѣнно знать, гдѣ ты спряталъ то сокровище, которое щастіе тебѣ вручило. Пятая часть онаго по праву принадлѣжатъ мнѣ, а остальное я отдаю тебѣ. Государь, отвѣчалъ ему Ямвлихъ, я не нашелъ ни какого сокровища; но мнѣ кажется, что я сошелъ съ ума. Ямвлихъ не смѣлъ говорить явственнѣе, онъ все еще думалъ, что сей незнакомый Царь, есть одинъ изъ Визирей Дакіаносовыхъ, и что онъ узнавъ его, отведетъ къ сему Государю, которой, можетъ быть, находился тогда въ отсудствіи.

По счастію его, Енкухъ имѣлъ Визиря весьма проницательнаго и свѣдущаго въ законахъ и въ исторіи; повѣсть о Дакіаносѣ была ему извѣстна: слѣдовательно, въ народѣ осталось еще нѣкоторое свѣдѣніе о семи спящихъ, и о томъ, что они находилися въ ближней пещерѣ. Ямвлиховы слова подали Визирю къ тому сомнѣніе, для объясненія коего, сказалъ онъ тихонько Царю: я догадываюсь, что сей молодой человѣкъ былъ одинъ изъ любимцовъ Дакіаносовыхъ: Богъ его просвѣтилъ, Онъ оставилъ Дакіаноса, и скрылся съ пятью своими товарищами, съ пастухомъ и съ маленькою собачкою; сіи семь особъ должны выйти изъ пещеры, спавши въ оной три ста девять лѣтъ, пробужденіе ихъ преклонитъ народъ къ молитвѣ, и все заставляетъ меня думать, что сей юноша есть самый тотъ, котораго Дакіаносъ любилъ столь страстно.

Енкухъ не безъ причины имѣлъ великую довѣренность къ своему

Визирю, и такъ обратясь къ Ямвличу: разскажи намъ свое приключеніе безъ всякой утайки, сказалъ онъ ему, въ противномъ же случаѣ, велю я заключить тебя въ темницу. Ямвлихъ вѣдая, какую нужду друзья его имѣли въ его возвращеніи, повиновался ему, не взирая на боязнь свою, чтобъ не попасться къ Дакіаносу, и разсказалъ свою повѣсть, которая нашлась во всемъ сходною съ исторіею; но еще болѣе убѣдили Царя слѣдующія слова Ямвлиховы: да будетъ извѣстно Вашему Величеству, что я имѣю домъ, сына и родственниковъ въ семъ городѣ, они засвидѣтельствуютъ вамъ сказываемое мною. Вспомни, сказалъ ему разумной Визирь, что повѣствуемое тобою Царю, случилось за три ста девять лѣтъ предъ симъ; и такъ надобно, чтобъ ты доказалъ намъ то иначе, сказалъ Царь. Я изъ почтенія не отвѣтствую, продолжалъ Ямвлихъ, на дѣлаемое мнѣ затрудне-

ніе; но дабы удостовѣрить васъ во всемъ, мною донесенномъ; то вѣдайте, что я въ принадлежащемъ мнѣ домѣ спряталъ довольно великое сокровище, и я одинъ только о томъ знаю. Царь, со всею своею свитою, немедлѣнно пошелъ къ сему дому. Но Ямвлихъ шедши напередъ, для показанія имъ дороги, осматривался на всѣ стороны и не узнавалъ ни улицы своей ни дому.

Онъ находился въ семъ недоумѣніи, какъ Богъ послалъ къ нему на помощь Ангела своего въ видѣ юноши, которой ему сказалъ, рабъ Божій, ты мнѣ кажешся въ великомъ изумленіи. Какъ мнѣ не удивляться, отвѣчалъ Ямвлихъ, сей городъ столько въ одну ночь перемѣнился, что я не могу найти своего дому, ни даже той улицы, на которой онъ находился: ступай за мною, сказалъ ему Ангелъ Божій, я провожу тебя туда. Ямвлихъ, въ сопровожденіи Царя, Беевъ и Визирей,

слѣдовалъ за Ангеломъ, которой шедъ нѣсколько времени, остановился у нѣкоторыхъ воротъ и пропалъ, сказавъ ему, вотъ твой домъ. Ямвлихъ, по нѣкоей тайной довѣренности, вошелъ въ оной, и увидѣлъ одного незнакомаго ему старика, окруженнаго многими молодыми людьми; онъ поклонился имъ всѣмъ весьма учтиво, и сказалъ старику съ тихостію: кажется, что сей домъ принадлѣжитъ мнѣ: за чемъ же ты въ немъ находишся, и что здѣсь дѣлаешь? Я думаю, что ты ошибаешся, отвѣчалъ ему старикъ съ такою же тихостію: сей домъ давно уже въ нашей семьѣ; мой дѣдъ оставилъ его моему отцу, которой еще не умеръ, но по истиннѣ, едва уже имѣетъ дыханіе. Молодые люди вмѣшались въ сей споръ, и даже начали приступать съ сердцемъ къ Ямвлиху. Но старикъ сказалъ имъ: дѣти мои, гнѣвъ ни когда пользы не приноситъ, можетъ быть онъ

имѣетъ сказать намъ что либо основательное, и такъ выслушаемъ его. По томъ обратился онъ къ Ямвлиху, и спросилъ у него: какимъ образомъ домъ сей можетъ тебѣ принадлѣжать? Какое право ты на него имѣешь? Кто ты таковъ? Ахъ! любезный старецъ, отвѣчалъ Ямвлихъ, чемъ могу я удостовѣрить тебя въ истиннѣ моихъ приключеній; ни кто, кому я ихъ ни разсказывалъ, не хочетъ мнѣ вѣрить; я и самъ того не понимаю, суди же о моемъ положеніи. Старикъ, тронутый его прискорбіемъ, сказалъ ему: не печалься сынъ мой, я пріемлю въ тебѣ участіе, сердце мое наполнилося нѣжнымъ чувствіемъ, когда я тебя увидѣлъ. Ямвлихъ, ободренный сими словами, разсказалъ старику все съ нимъ приключившееся, и онъ только что до слушалъ сію повѣсть, то вышелъ въ другую комнату и принесъ портретъ, чтобъ сличить оной съ Ямвлихомъ. По-

смотрѣвъ на него нѣсколько времени началъ онъ воздыхать, волненіе его усугубилось; онъ цѣловалъ многократно портретъ, и бросился къ ногамъ Ямвлиха, отирая оныя морщливымъ своимъ лицемъ, и держа бороду свою, убѣленную старостію; наконецъ возопилъ: ахъ! любезный мой дѣдушка. Источникъ слезъ, текущій изъ его глазъ, помѣшалъ ему продолжать. Царь и его Визири, которыхъ сіе явленіе учинило весьма внимательными, сказалъ тогда старику: какъ! ты признаешь его за твоего дѣда? Такъ, Государь, отвѣчалъ онъ ему, ето отецъ моего отца. Но онъ не могъ окончить сихъ словъ, не залившись снова слезами. По томъ взялъ его за руку, повелъ по всему дому. Ямвлихъ увидя одно кипарисное бревно, сказалъ: сіе бревно помѣщено здѣсь по моему приказанію, за нимъ вы найдете большой дикой камень, которой покрываетъ десять сосудовъ,

точно такихъ, котоpые хранятся въ царскомъ сокровищѣ; они наполнены золотыми деньгами за Дакіаносовымъ клеймомъ, и каждая изъ сихъ монетъ вѣситъ по сту драхмъ. Между тѣмъ, какъ выламывали кипарисное бревно, старикъ подошедъ къ Ямвлиху, съ глубочайшимъ почтеніемъ сказалъ ему: мой отецъ, а вашъ сынъ еще живъ; но столь дряхлъ, что я принужденъ былъ завернуть его въ хлопчатую бумагу и положить въ корзинку, которую повѣсилъ я на гвоздь. Онъ-то мнѣ разсказывалъ часть вашихъ приключеній; пойдемъ, продолжалъ онъ, посмотримъ моего отца, а твоего сына. Ямвлихъ пошелъ за нимъ въ ближную комнату. Онъ снялъ съ гвоздя небольшую корзинку, изъ коей вынулъ свертокъ хлопчатой бумаги, а въ ней нашелъ старичка, которой былъ не больше груднаго рабенка; ему дали проглотить не много молока, онъ открылъ глаза и узналъ Ямвлиха,

предмета своея любви. Онъ не могъ воздержаться отъ слезъ, Ямвлихъ такъ же проливалъ оныя. Въ какое удивленіе пришли зрители, видя молодаго человѣка, коего сынъ былъ въ столь чрезвычайной дряхлости, внука его, старика удрученнаго лѣтами, и дѣтей сего старика, равняющихся силою и бодростію съ ихъ прапрадѣдомъ. Народъ, при видѣ такого чуда, дивился могуществу Божію. Справилися съ лѣтописью, и увидѣли, что три ста девять лѣтъ точно въ самой тотъ день исполнились.

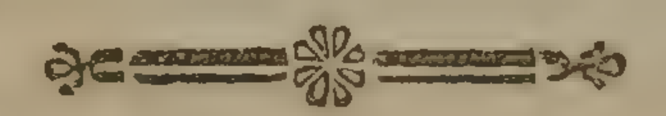
Когда кипарисное бревно было вынуто, то нашли все то, о чемъ Ямвлихъ сказывалъ; онъ поднесъ часть сего сокровища Царю, а другую отдалъ дѣтямъ своего сына.

По семъ Царь сказалъ Ямвлиху: мы теперь удостовѣрены въ истиннѣ твоей исторіи, пойдемъ въ пещеру къ твоимъ товарищамъ и подадимъ имъ помощь. Я не имѣю, кромѣ сего, инаго же-

ланія, отвѣтствовалъ Ямвлихъ. Тогда Царь приказалъ взять съ собою съѣстнаго, и поѣхалъ въ сопровожденіи народа и войска къ пещерѣ; которая показалась столь ужасною, что ни кто не смѣлъ въ нея войти. Увѣряютъ однако же, что Царь на то рѣшился, что онъ видѣлъ товарищей Ямвлиховыхъ; но не прежде, какъ Ямвлихъ вошедъ туда, испустилъ духъ свой вмѣстѣ съ прочими и съ собачкою. Онъ слышалъ даже, какъ они молилися Господу и умерли, произнося Его Святое имя. Енкухъ приказалъ принести все потребное, для отданія имъ послѣдняго долгу, и велѣлъ ихъ похоронить въ той же пещерѣ, гдѣ они столь долго спали. Когда всѣ оттуда вышли, то, по Божіему изволенію, отверстіе пещеры сомкнулось, такъ, что съ того времени ни одинъ человѣкъ не могъ въ нея войти.

Царь приказалъ, за нѣсколько шаговъ оттолѣ, воздвигнуть столпъ,

на коемъ велѣлъ начертать исторію о седьми спящихъ, дабы тѣмъ возвѣстить могущество Божіе, внушить омерзеніе къ неблагодарности, и показать самымъ примѣромъ, сколь сильно дѣйствіе искренней молитвы. (*)

РАЗНЫЕ АНЕКДОТЫ
И
ОСТРЫЯ ШУТКИ.

Одинъ богатой купецъ, видя въ нѣкоторой праздникъ садовника своего, гордящагося новою своею и весьма высокою шляпою, спросилъ у него, смѣючись: кто тебѣ далъ эту рогоносцову шляпу? Милостивый государь, отвѣчалъ ему спроста садовникъ: это одна изъ вашихъ шляпъ, которую мнѣ пожаловала ваша сожительница.

(*) Сія повѣсть переведена съ Арабской рукописи.

Одинъ Офицеръ, потерявъ на войнѣ глазъ, вставилъ себѣ стекляной, которой всякой вечеръ, ложася спать, вынималъ. Остановясь однажды въ трактирѣ ночевать, кликнулъ онъ служанку, и подалъ ей стеклянной свой глазъ, говоря, чтобъ она положила его на столъ. Но служанка не сходила съ мѣста. Офицеръ, вышедъ изъ терпѣнія, сказалъ ей: ну! чего ты еще дожидаешся? Я жду, сударь, другова вашего глаза?

Одинъ Нѣмецкой дворянинъ посѣщалъ очень часто нѣкоторую благородную дѣвицу. Мать ея, боясь злословія, спросила однажды у сего господина, съ какимъ намѣреніемъ посѣщаетъ онъ дочь ея, для того ли, чтобъ жениться на ней, или для чего нибудь другова. Для чего нибудь другова, отвѣчалъ съ простотою Нѣмецъ.

Нѣкоторой сельской дворянинъ, встрѣтясь съ Лѣкаремъ, спросилъ у него съ насмѣшкою: куда вы идете, господинъ коновалъ? — Иду лѣчить ваше благородіе.

Одинъ живописецъ, извѣдавъ собственнымъ опытомъ, сколь разорительно имѣть тяжебныя дѣла, написалъ портреты двухъ знакомыхъ ему челобитчиковъ; одинъ изъ нихъ выигралъ тяжбу, а другой проигралъ: перваго написалъ онъ въ одной рубашкѣ, а втораго совсемъ нагишомъ.

Нѣкто, пришедъ къ одному изъ своихъ знакомыхъ, спросилъ у слуги: можно ли мнѣ видѣть твоего господина? Нѣтъ, отвѣчалъ слуга; мой баринъ занятъ. — А чемъ? — Бьетъ барыню.

Дѣвица Скюдери жаловалася, что получала всякой день насморкъ, когда

ѣздила покупать что нибудь въ лавкахъ; по той причинѣ, что онѣ не запираются такъ, какъ комнаты: Г. Беро совѣтовалъ ей дружески, чтобъ она ѣздила въ лавки только по Воскресеньямъ и по праздникамъ.

Кардиналъ д' Арманьякъ, Епископъ Лиможскій, объѣзжая свою епархію, встрѣтился съ восмидесятилѣтнимъ старикомъ, которой горько плакалъ. Епископъ спросилъ его о причинѣ такихъ слезъ: Ваше Преосвященство, отвѣчалъ старикъ, я боюсь, чтобъ отецъ мой меня не побилъ, за то, что я не оказалъ должнаго почтенія моему дѣду.

Нѣкоторой Гасконецъ, хвастая древностію своей фамиліи, сказалъ, что онъ еще и по сіе время платитъ проценты за сумму, занятую его предками на дорогу, когда шли они на поклоненіе Христу Спасителю при рождествѣ его въ Виѳліемѣ.

Нормандецъ и Гасконецъ были за воровство осуждены на висилицу. Какъ надлѣжало читать ихъ приговоръ; то приказный началъ Нормандцовъ, и прочиталъ, что его осудили повѣсить за то, что онъ укралъ мѣшокъ гвоздей. Гасконецъ, слыша сіе, сказалъ: *негодяй! за гвозди далъ себя повѣсить!* По томъ, какъ прочитали его приговоръ, въ которомъ было означено, что его повѣсятъ за то, что онъ укралъ десять тысячь ефимковъ, онъ обратясь къ Нормандцу, сказалъ ему съ гордостію: *что, братъ? ето не гвоздямъ твоимъ чета!*

Другой Гасконецъ, получивъ отъ одного своего знакомаго Гасконца же, непріятное письмо, отвѣчалъ ему, что ежели онъ осмѣлится на глаза ему показаться; то онъ застрѣлитъ его изъ пистолета; на сіе получилъ онъ только сей Лаконической отвѣтъ: *заряжай! я ѣду.*

Нѣкто изъ придворныхъ Французскаго Короля Лудовика XIII, игралъ на нѣкоторомъ балѣ въ пикетъ. Увидя изъ покупныхъ своихъ картъ, что онъ не хорошо отнесъ, вскричалъ онъ: настоящій я Гуссо! (Сіе было имя нѣкотораго Президента, которой почитался не весьма далекимъ человѣкомъ.) Сей Президентъ случился нечаянно за стуломъ сего игрока, которой его не примѣтилъ; почувствуя себя обиженнымъ, что его имя употреблено было въ такомъ случаѣ, сказалъ ему: *ты дуракъ.* Ваша правда, отвѣчалъ игрокъ, я то-то и хотѣлъ сказать.

Одинъ Епископъ, ѣдучи въ каретѣ, встрѣтился съ монахомъ Францисканскаго ордена, ѣдущимъ верьхомъ. Давно ли, спросилъ онъ у старца, Святый Францискъ ѣздитъ верьхомъ? — Съ тѣхъ поръ, отвѣчалъ монахъ, какъ Святый Петръ ѣздитъ въ каретѣ.

Одинъ Нормандецъ утаилъ въ судѣ нѣкоторой ввѣренной ему залогъ, и учинилъ ложную присягу. Истецъ дожидался его у дверей присудствія, дабы осыпать выговарами и ругательствами, кои онъ заслуживалъ: я отъ тебя не таю твоего залога, отвѣчалъ ему клятвопреступникъ, но какая нужда, чтобъ судьи знали о нашихъ дѣлахъ?

Нѣкто, разсказывая одну новость, старался увѣрить въ достовѣрности ея бѣседу; но одинъ изъ знакомыхъ сказалъ ему, что ето не можетъ быть, по тому, что онъ имѣлъ письмо отъ 31, въ которомъ писали тому противное. Мое письмо отъ 32, отвѣчалъ задорный спорщикъ.

Нѣкто, имѣя у себя брата лицемѣра, говорилъ о немъ: по истинѣ, братъ мой становится очевидно набожнымъ. Ето правда, отвѣчалъ ему одинъ изъ его знакомыхъ; по

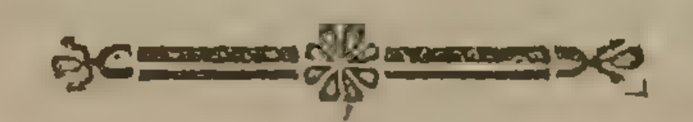
тому, что онъ молится Богу только тогда, какъ на него смотрятъ.

Нѣкоторой дворянинъ, видя на своемъ заднемъ дворѣ великія кучи навозу и всякой дряни, разгнѣвался, для чего оное не вычистятъ. Одинъ изъ слугъ сказалъ ему, что не на чемъ возить: а для чего, сказалъ баринъ, не выроете вы ямы, и не складете въ нея етой дряни? Но куда же, сударь, спросилъ слуга, прикажете дѣвать вырытую изъ сей ямы землю? — Едакой скотъ, вскричалъ дворянинъ, развѣ не можно выкопать такую большую яму, чтобъ все въ оную могло помѣститься?

Надъ нѣкоторымъ духовнымъ смѣялися, что онъ назвалъ Святаго Павла сочинителемъ Апокалипсиса. Онъ отвѣчалъ, смѣючись: вотъ хорошо, вѣть я ету ошибку сдѣлалъ нарочно; развѣ я и подлинно не знаю, что Апокалипсисъ написалъ Св. Евангелистъ Лука.

Нѣкоторой купецъ, досадовалъ весьма, что пріятели его дали обѣдъ, а его на оный не пригласили: я отмщу имъ за то, говорилъ онъ, и завтра же сдѣлаю великолѣпный пиръ, и никого не позову, а буду одинъ.

Поваръ спрашивалъ у своего господина, какъ онъ ему прикажетъ изготовить дикую утку: сдѣлай изъ нея *бифъ-стексъ*, отвѣчалъ баринъ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ЛЮБОПЫТНЫХЪ ФИЗИЧЕСКИХЪ ПРИМѢЧАНІЙ НА НРАВЫ ЖИВОТНЫХЪ.

ЗАБАВНОЕ ПРИКЛЮЧЕНІЕ ОДНОЙ ЛИСИЦЫ.

Одна лисица лежала на кучѣ каменьевъ, и стерегла кролика, коего видѣла она многократно выходящаго изъ норы, и съ великимъ нетерпѣ-

ніемъ ожидала, чтобъ онъ опять показался, наконецъ онъ вышелъ. Лисица немедлѣнно бросилась на него, но не поймала. Между тѣмъ, какъ кроликъ бѣжалъ изъ всей мочи, щастливъ, что отдѣлался однимъ страхомъ, непріятель его былъ неподвиженъ, какъ будто въ изумленіи о своемъ нещастіи, или, лучше сказать, непроворствѣ. По томъ чрезъ нѣсколько минутъ, взошла она опять на камни съ видомъ весьма печальнымъ, и прыгнула къ тому мѣсту, гдѣ кроликъ отъ нея ушелъ. Сіе прыганіе повторяла она много разъ, пока наконецъ разочла нѣкоторымъ образомъ, что сіе разстояніе превосходило ея легкость и гибкость членовъ, и пока увѣрилася она чрезъ то, что сама виновата.

ПОБѢДА ОДЕРЖАННАЯ СОБАКОЮ НАДЪ ЛЬВОМЪ И СЛОНОМЪ.

Когда Александръ Великій отправился въ Индію; то получилъ

въ подарокъ отъ Короля Албанскаго собаку чрезмѣрной величины. Сей звѣрь, которой былъ чрезвычайно силенъ, понравился сему завоевателю; онъ приказалъ выпустить на собаку медвѣдей, по томъ кабановъ и дикихъ козъ. Но собака, презирая такихъ непріятелей, не трогалася съ мѣста, и лежала покойно. Александръ, которой былъ самая храбрость, пришелъ въ негодованіе, видя такую лѣность въ столь огромномъ тѣлѣ, и велѣлъ ея убить. Сей слухъ пронесся къ Королю Албанскому, которой прислалъ къ нему другую такую же собаку съ тѣмъ договоромъ, чтобъ онъ не выпускалъ противъ ее столь слабыхъ непріятелей, но чтобъ испыталъ ея неустрашимость и силу надъ львомъ, или надъ слономъ, прибавляя къ тому, что у него только и было двѣ собаки такой породы, и что ежели сію убьютъ, то потѣря сія будетъ невозвратима. Александръ немедлѣнно

выпустилъ на нее льва, коего она въ минуту растерзала въ куски. По томъ пустилъ онъ противъ ее слона, и увидѣлъ самое любопытное въ жизни своей зрѣлище. Собака, увидя слона, подняла страшно шерсть на всемъ своемъ тѣлѣ, и начала столь ужасно лаять, что привела многихъ зрителей въ ужасъ; по томъ, пылая гнѣвомъ, бросилася она на сего страшнаго звѣря, нападала на него со всѣхъ сторонъ съ удивительнымъ проворствомъ, и присоединяла хитрость къ храбрости и силѣ, смотря по тому, какъ того обстоятельства требовали. Наконецъ, слонъ, ошалѣвъ отъ частаго и несроднаго ему повертыванія, упалъ на землю столь тяжело, что земля задрожала. *(Плиній.)*

О БОѢ ПѢТУХОВЪ.

Вѣроятно, что Агличане заняли отъ Индѣйцовъ обыкновеніе, застав-

лять драться пѣтуховъ. Ни что не может сравниться съ неустрашимостію сихъ животныхъ. Въ Азіи, дабы учинить ихъ страшнѣйшими другъ другу, вооружаютъ ихъ малыми копьями, которыя приставляютъ къ ихъ шпорамъ, посредствомъ небольшихъ кожаныхъ сапожковъ. Въ семъ военномъ снарядѣ два пѣтуха выходятъ на мѣсто сраженія со всею важностію Омировыхъ Героевъ. Но едва только увидятъ другъ друга; то бой и начинается: столь нетерпѣливо желаютъ они одержать побѣду. Поднявъ гребни и перья, смотрятъ они другъ на друга пламенными глазами, и сходятся, нанося себѣ страшные удары. Каждая стычка бываетъ часто для обѣихъ бѣдственна; но они, чувствуя себя раненными, усугубляютъ храбрость, и съ вящимъ стремленіемъ начинаютъ сраженіе. Искуство ихъ колоть другъ друга копьями, проворство, съ каковымъ они отъ нихъ уклоняются, ихъ

видимыя выгоды и невыгоды пріятно занимаютъ зрителей до тѣхъ поръ, какъ наконецъ одинъ изъ бойцовъ повергается на землю, а другой, вскочивъ на него, возглашаетъ свою побѣду, и самъ воспѣваетъ свои подвиги.

Самые большіе пѣтухи не всегда бываютъ храбрѣйшими. Одинъ Офицеръ, возвратившійся изъ Индіи, разсказывалъ, что отправляяся во Францію, досталъ онъ себѣ весьма хорошаго пѣтуха, хотя небольшаго, но коего быстрые глаза и смѣлая осанка много обѣщавали. Другой Офицеръ на томъ же кораблѣ имѣлъ также хорошаго пѣтуха, большаго, статнаго и весьма красиваго. Во время продолжительнаго мореплаванія, гдѣ всякой старается провести какъ нибудь время, и гдѣ отъ скуки ни кто избѣгнуть не можетъ, весьма пріятное было упражненіе, заниматься смотрѣніемъ на двухъ бьющихся пѣтуховъ, и могло подать множество

матерій къ разговорамъ и спорамъ. Вскоръ всѣ нетерпѣливо начали желать посмотрѣть такого боя; но хозяинъ маленькаго пѣтуха не склонялся на сіи всеобщія прозьбы, по той причинѣ, что бойцы были весьма не равны. Наконецъ, принужденъ онъ былъ на то склониться. Оба пѣтуха были принесены. Маленькой пѣтухъ, увидя богатыря, съ которымъ должно было ему сражаться, пришелъ въ неизрѣченную ярость. Онъ первый на него напалъ, и замѣняя недостатокъ силы проворствомъ, съ такою расторопностію и съ такимъ жаромъ наскакивалъ на большаго пѣтуха, что сей, ошалѣвъ до безумія, обратился въ бѣгство, и бросился въ море. Яростный побѣдитель готовъ былъ слѣдовать за нимъ по волнамъ; но зрители успѣли схватить его.

О МУРАВЬЯХЪ.

Муравьи суть одно изъ вели-

чайшихъ наказаній Африки. Ихъ много родовъ: есть малые, большіе, красные, бѣлые и черные. Первые вовсемъ похожи на Европейскихъ; а другіе гораздо оныхъ больше, и не менѣе дюйма величиною. Муравьи дѣлаютъ свои гнѣзды на поляхъ и на холмахъ. Сіи жилища, съ удивительнымъ искуствомъ устроенные, бываютъ иногда вышиною съ человѣка. Они строятъ также себѣ большія гнѣзда на высокихъ деревьяхъ, и часто изъ тѣхъ мѣстъ приходятъ въ Голландскія крѣпости въ столь великомъ числѣ, что принуждаютъ факторовъ оставлять свои постѣли, Жадность ихъ удивительна. Нѣтъ такого животнаго, которое бы могло отъ нихъ защититься. Они часто съѣдали барановъ и козъ. Босманъ повѣствуетъ, что въ одну ночь съѣдали они у него иногда по цѣлому барану, такъ исправно, что самый искусный Анатомикъ не могъ бы сдѣлать лучшаго скелета. Цып-

ленка не станетъ имъ болѣе, какъ на часъ или на два; даже самая крыса, сколь она ни легка на бѣгу, но не можетъ избавиться отъ сихъ лютыхъ враговъ. Ежели одинъ муравей на нее нападетъ; то она погибла: ибо, между тѣмъ, какъ она отряхивается, стараясь отъ него избавиться, то нападаетъ на нее великое оныхъ множество такъ, что задавляютъ ея числомъ. Тогда тащатъ они ее въ какое либо безопасное мѣсто; естьли же не достаетъ у нихъ для сего дѣйствія силы; то посылаютъ за подмогою, и тогда, взявъ свою добычу, тащатъ ея въ добромъ порядкѣ, куды имъ надобно.

Одинъ путешественникъ говоритъ, что онъ примѣтилъ у муравьевъ нѣкоторыхъ начальниковъ. Весьма легко примѣтить, говоритъ онъ, что во время шествія ихъ, муравьевъ сорокъ, кои больше прочихъ, идутъ напередъ, и управляютъ симъ походомъ. Набѣги свои

дѣлаютъ они обыкновенно ночью. Часто посѣщаютъ Европейцовъ въ ихъ постѣляхъ, и принуждаютъ ихъ съ поспѣшностію удалиться въ какое либо другое мѣсто. Естьли забудутъ они на дорогѣ какіе съѣстные припасы; то могутъ быть увѣрены, что все къ завтрему будетъ съѣдено. Армія муравьиная по окончаніи своей експедиціи возвращается назадъ въ добромъ порядкѣ, и всегда влечетъ какую нибудь добычу, которою они всегда запасаются.

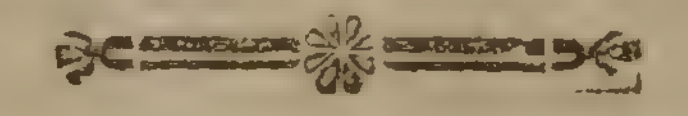
Во время пребыванія сего писателя въ тѣхъ мѣстахъ, великое множество такихъ муравьевъ вздумали посѣтить замокъ крѣпостной. Уже наступилъ почти день, какъ передовое войско ихъ взошло въ сѣни, гдѣ спали на полу нѣсколько Арапскихъ невольниковъ. Они проснулися, услышавши пришествіе сихъ гостей; Авторъ, услыша причиненный ими шумъ, едва могъ опомниться отъ удивленія. Аріергардія

находилася еще отъ туда на четверть мили; посовѣтовавъ, что дѣлать въ такихъ обстоятельствахъ, рѣшилась на конецъ, насыпать пороху на дорогѣ, по которой шли муравьи и по всѣмъ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ они начали разсыпаться. Симъ средствомъ взорвало ихъ на воздухъ многiе милiоны, кои уже пришли въ замокъ. Арiергардiя ихъ, увидя опасность обратилася назадъ, и пошла немедлѣнно въ свое жилище.

Естьли муравьи не говорятъ между собою, какъ то Негры и многiе Европейцы думали; то по крайней мѣрѣ, не льзя сомнѣваться, прибавляетъ Авторъ, чтобъ они не имѣли какихъ либо иныхъ средствъ для сообщенiя другъ другу своихъ намѣренiй. Онъ въ семъ удостовѣрился слѣдующимъ опытомъ. Увидя неподалеку отъ муравейника четырехъ муравьевъ, кои, казалося, искали добычи, убилъ онъ Кокроаха, (родъ большей улитки), и бросилъ

ея на дорогу. Муравьи, подошедъ, разсматривали прежде, годится ли то имъ въ пищу, и по томъ одинъ изъ нихъ пошелъ уведомить о томъ своихъ сограждане, между темъ, какъ другіе осталися стеречь мертвое тело улитки. Вскоре после того, Авторъ съ великимъ удивленіемъ увиделъ великое число оныхъ, идущихъ къ телу, которое они немедленно и потащили къ себе. Сей опытъ повторялъ онъ после того многократно съ удовольствіемъ, и примѣтилъ, что ежели первое посланное за взятіемъ добычи отделеніе было не довольно сильно, въ разсужденіи тягости ея; то муравьи посылали всегда за подмогою другова посланнаго.

Продолженіе впредь.

РАЗНЫЯ УВЕСЕЛЕНІЯ.

О СОСТАВЛЕНІИ РАЗНЫХЪ СИМПАТИЧЕСКИХЪ ЧЕРНИЛЪ.

Зеленыя Симпатическія чернилы.

Возьми зафлору (*) въ порошкѣ, и положи его распуститься въ Царскую водку на сутки въ маломъ огнѣ; по томъ слѣй сію жидкость, наклоня сосудъ, чтобъ гуща осталася на днѣ; прилѣй къ слитому столько же, или въ двое, простой воды и храни сію жидкость въ плотно закупоренной бутылкѣ. Ежели увидишь, что сіи чернилы съѣдаютъ бумагу; то прибавь въ нихъ воды.

Дѣйствіе.

Написанное сими чернилами будетъ невидимо, и только тогда покажется, какъ бумагу подержишь противъ умѣреннаго жара, или на

(*) Зафлоръ, синяя краска, изъ кобольту дѣлаемая, и которая находится въ Аптекахъ.

знойномъ Солнцѣ; письмены будутъ зеленаго весьма хорошаго цвѣта: сіи чернилы, кромѣ сего, имѣютъ еще ту особливость, что какъ скоро бумага простынетъ, и напитается обыкновенною влажностію воздуха; то письмены, кои жаръ вывелъ наружу, совершенно опять изчезнутъ; что можно повторять много разъ, наблюдая только, чтобъ не очень нагрѣвать бумагу, по тому, что ежели отъ излишняго жара написанное приметъ цвѣтъ желтой; то уже болѣе не изчезнетъ, но такъ и остается.

Пурпуровыя Симпатическія чернилы.

Вмѣсто Царской водки, для распущенія зафлора, возьми крѣпкой водки, бросая въ нее по немногу соли виннаго камня, дабы не учинилося вдругъ сильнаго кипѣнія; по томъ, давъ устояться, слѣй, какъ выше сказано, и прибавь довольное количество простой воды.

Дѣйствїе.

Что напишешь сими чернилами, будетъ видимо только тогда, какъ бумагу разогрѣешь, и тогда письмены покажутся пурпуроваго цвѣта, какъ же скоро бумага простынетъ, то они пропадутъ.

Розовыя Симпатическїя чернилы.

Распустивъ зафлоръ въ крѣпкой водкѣ. естьли вмѣсто соли виннаго камня, положишь въ него литрованной селитры; то получишь розовыя чернилы, которыя высохнувъ изчезнутъ, и опять появятся, когда разогрѣешь бумагу.

Прим. Сїи три рода чернилъ можно смѣшивать вмѣстѣ, изъ чего произойдутъ другаго цвѣта чернилы, и ни мало не потѣряютъ своего свойства: смѣшавъ пурпуровыя съ зелеными, получишь синїя; смѣшавъ же пурпуровыя съ розовыми, получишь блѣднолиловыя.

Увеселеніе,
Посредствомъ сихъ чернилъ дѣлаемое.

Сыщи печатную черную картину, которая бы представляла зиму; и на которой бы рѣзьба не съ лишкомъ была густа; по томъ, взявъ зеленыхъ Симпатическихъ чернилъ, прималюй оными листья къ деревьямъ, употребляя на дальнія, чернила пожижѣ; другими чернилами раскрась представляемые на картинѣ предметы приличнаго къ тому цвѣта чернилами: сдѣлавъ сіе высуши картину, и поставь ея за стекло въ рамки, съ зади покрой ея листомъ бумаги, которую приклѣй къ рамкамъ.

Дѣйствіе.

Когда сію картину подержишь противъ умѣреннаго огня, или противъ Солнца; то всѣ раскрашенные предметы появятся, деревья покроются листьями, и сія картина, представлявшая зиму, представитъ вдругъ вѣсну: какъ же скоро про-

стынетъ; то придетъ въ прежнее состоянiе; что доставитъ удовольствiе повторить сiе увеселенiе, сколько разъ кому разсудится.

Примѣч. Сiи Симпатическiя чернилы могутъ употребляться на многiя подобныя сему увеселенiя, о коихъ здѣсь говорить было бы лишнее.

Растопить на свѣчѣ свинцовую пулю въ бумагѣ, чтобъ оная не згорѣла.

Заверни свинцовую пулю, сколько можно круглую и равную, въ весьма гладкую бумагу такъ, чтобъ она обольнула плотно пулю безъ всякихъ морщинъ. По томъ держи пулю, такимъ образомъ завернутую, надъ свѣчею: она мало по малу разогрѣет.ся и вскорѣ начнетъ свинецъ капать сквозь маленькую скважину, которая сдѣлается въ бумагѣ, но бумага ни какъ не згоритъ.

Какъ дѣлать ракеты.

Приготовя составъ такимъ образомъ, какъ предписано въ третьей части сей книги, должно наблюдать, чтобъ онъ былъ ни надмѣру сухъ ни надмѣру сыръ. Естьли же онъ будетъ очень сухъ; то надлѣжитъ смочить его какимъ либо масляным вeществомъ, или виннымъ спиртомъ. По томъ, поставя трубку въ форму, наливать по немногу въ трубку сего состава нарочно для сего сдѣланною круглою ложкою. Не должно вдругъ класть больше одной ложки, или по большой мѣрѣ двухъ; прибивать же палочкою, стуча по оной перпендикулярно молоткомъ, коего бы тягость соразмѣрна была съ величиною ракеты, при томъ же число ударовъ молотка должно быть одинаково при всякой набивкѣ, какъ то, три, четыре, пять, шесть и такъ далѣе, смотря по величинѣ ракеты при каждомъ наливаніи состава въ трубку.

Когда трубка наполнится, почти равно, съ вышиною формы; то раздѣли булавкою, или чѣмъ инымъ, склѣеную въ двое оставшуюся пустую бумагу, и завороти отдѣленную внутреннюю половину на составъ, и тою же палочкою прибѣй оную плотно молоткомъ.

Сію завороченную и прибитую бумагу проколи мѣстахъ въ трехъ или четырехъ до самаго состава: сіи скважины служатъ для сообщенія корпуса ракеты съ оставшимся пустымъ мѣстомъ.

Въ малыхъ ракетахъ наполняютъ сію пустоту зернистымъ порохомъ, дабы она лопнула; по томъ закрываютъ ее бумагою, и перетягиваютъ крѣпкою ниткою такъ, какъ и съ другова конца: но въ большихъ ракетахъ утверждаютъ тупъ буракъ со звѣздками, со змѣйками, или со швермерами, съ бѣгающими ракетами и проч.

Можно однако же сдѣлать одну только скважину, которая была бы не очень широка и не очень узка, на примѣръ на четвертую часть діаметра ракеты, дабы зажѣчь порохъ, наблюдая, чтобъ сія скважина была какъ можно прямѣе, и въ самой срединѣ.

Въ прочемъ должно наблюдать, чтобъ въ сіи скважины класть нѣсколько изъ состава самой ракеты, дабы ракета непремѣнно загорѣлася.

КОНЕЦЪ
ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ СОЧИНЕНІЙ ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

Статья Ученая.

Стран.

Статья Економическая.

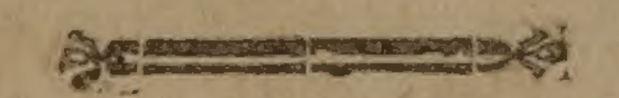
Стран.

Статья Нравоучительная.

Стран.

Статья Историческая.

Статья Увеселительная.

ПОГРѢШНОСТИ.

Стр.	Стро.	Напечатано.	Читай.
11	5	горизонтально	горизонтальна
18	14	выходящія	входящія
20	5	стекляную	стеклянную
21	10	Мекій,	Метій,
--	11	Голланецъ,	Голландецъ,
23	4	сосудомъ.	сосудамъ.
--	8	въ Фаянскѣ,	въ Фаянсѣ
31	6	могли	могла
34	22	два плана	двѣ плоскости
39	9	во внутренней	во внѣшней
45	3	служащія	служащая
59	14	въ какихъ	въ нашихъ
66	10	учинить	чинить
72	15	не больше	не старѣе
81	7	не заразился	не разлился
90	6	изъ бековиной	изъ бековинной
102	8	изъ кубовой	изъ дубовой
110	23	въ стекляной	въ стеклянной
137	17	кровообращеніе;	кровообращенію;
140	21	его пищею,	ему пищею,
143	15	родившагося	раждавшагося
181	22	стоитъ	состоитъ
193	16	сына	сана
189	25	Такъ-то	Тамъ-то
214	21	двувъ	двухъ
242	11	уединеніе,	удивленіе,
246	2	невѣроятному	по невѣроятному
273	19	взялъ	взявъ
283	16	отъ 31,	отъ 31 числа,

